

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1877.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

МАЙ — ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.

1877

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1877.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

МАЙ — ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2. л., 7.

1877

(330)

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

	Стран.
I. Узакононенія и распоряженія правительства.	I—XII
II. Присвоеніе и растрата чужаго имущества. А. Гасмана.	1
III. Права женщинъ по законамъ черниговской и полтавской губерній. А. Квачевского	25
IV. О началѣ производства въ окружныхъ судахъ дѣлъ, производимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, и о дальнѣйшемъ движеніи ихъ. А. Фонъ-Резона	110
V. Оцѣнка арестуемаго имущества по уставу гражданскаго судопроизводства. В. Иванова	121
VI. Порядокъ исполненія судебныхъ приговоровъ и постановленій о денежныхъ штрафахъ. А. Лонгинова	138
VII. Засѣданіе гражданскаго юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ	158
VIII. Юридическая хроника. — Обзоръ дѣлопроизводства въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ по уголовнымъ дѣламъ за 1875. — Правила дѣлопроизводства въ юридическомъ обществѣ при слб. университетѣ и нѣсколько словъ о задачахъ этого общества. П. С.	172
IX. Библіографія: 1) О правѣ приращенія къ недвижимостямъ. Монографія по гражданскому праву Людовика Глевицкаго Юзефовича. П. Г. 2) <u>Историческій очеркъ тюремной реформы и современныя системы европейскихъ тюремъ.</u> Д. Тальберга. А. 3) <u>Разграниченіе предѣловъ подсудности уголовной и гражданской на основаніи кассационной практики.</u> Составилъ Д. В. Лутковъ. Ю.	199

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Рѣшенія гражданскаго кассационнаго департамента сената	1—24
II. Судебная практика по дѣламъ о несостоятельности.	1—32

THE HISTORY OF THE UNITED STATES

1. The first part of the history of the United States is the history of the colonies. The colonies were founded by Englishmen who had come to America in search of a better life. They were at first dependent on England for everything they needed, but as they grew in number and power, they began to assert their independence. The first step towards independence was the signing of the Declaration of Independence in 1776. This was followed by the Revolutionary War, which ended in 1781 with the British surrender at Yorktown. The new nation was then established as the United States of America.
2. The second part of the history of the United States is the history of the early years of the new nation. The first President, George Washington, was elected in 1789. He was a man of great ability and courage, and he led the nation through its first years of independence. He was followed by John Adams, Thomas Jefferson, and James Madison. Each of these Presidents had his own policies and ideas, but they all worked to build a strong and stable nation.
3. The third part of the history of the United States is the history of the expansion of the nation. The United States had been founded on the Atlantic coast, but as time went on, people began to move westward. This was done for many reasons, including the search for new land to farm and the desire for new opportunities. The westward expansion was a difficult process, but it was necessary for the growth of the nation. It was not until the mid-19th century that the United States had reached the Pacific coast.
4. The fourth part of the history of the United States is the history of the Civil War. This was a great conflict that lasted from 1861 to 1865. It was fought between the Northern States and the Southern States. The Southern States wanted to remain separate from the Union, but the Northern States wanted to keep the Union together. The war was a terrible one, with many lives lost and much suffering. It was not until the end of the war that the Southern States agreed to remain part of the Union.
5. The fifth part of the history of the United States is the history of the Reconstruction period. This was the time when the Southern States were being brought back into the Union. It was a difficult time, with many problems to be solved. The Southern States had been destroyed by the war, and they needed help to rebuild. The Northern States wanted to help them, but they also wanted to make sure that the Southern States would not try to go back to the way they were before the war. The Reconstruction period was a time of great change and growth for the United States.

THE HISTORY OF THE UNITED STATES

THE HISTORY OF THE UNITED STATES

THE HISTORY OF THE UNITED STATES

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ОТДѢЛЪ I.

А. Высочайшія повелѣнія.

1.

О предоставленіи окружному суду, при выѣздахъ въ мѣстности, гдѣ есть помѣщенія сѣздовъ мировыхъ судей, права пользоваться сими помѣщеніями. Государственный советъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и правъ, духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о предоставленіи окружному суду, при выѣздахъ въ мѣстности, гдѣ есть помѣщенія сѣздовъ мировыхъ судей, права пользоваться сими помѣщеніями, и соглашавсь въ существѣ съ заключеніемъ министра, *мыслимъ положить:* статью 138-ю учр. суд. уст. 20-го ноября 1864 года дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Окружный судъ, при выѣздахъ, для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, въ мѣстности, гдѣ есть помѣщенія сѣздовъ мировыхъ судей, имѣетъ право безвозмездно пользоваться сими помѣщеніями, съ находящеюся въ нихъ мебелью и прочими принадлежностями. Но расходы, вызываемые засѣданіями суда, обращаются на ассигнованныя суду, по штатамъ, канцелярскія суммы. Для того, чтобы означенныя помѣщенія были отведены суду, председатель окружнаго суда, при опредѣленіи дня начала сессіи въ каждомъ городѣ,

обязанъ сообразоваться съ временемъ срочныхъ засѣданій мирового съѣзда и предупредить председателя онаго о времени открытія засѣданій суда въ мѣстѣ нахождения съѣзда не менѣе чѣмъ за три недѣли до начала сессіи».

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе государственнаго совѣта, 23-го марта 1877 года, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

2.

Объ учрежденіи въ средѣ государственнаго совѣта комисіи о тюремномъ преобразованіи. Государь Императоръ, рассмотрѣвъ предположенія соединенныхъ департаментовъ законовъ, экономіи и гражданскаго государственнаго совѣта, относительно порядка разсмотрѣнія дѣлъ о преобразованіи тюремной части и о пересмотрѣ 2-й главы I раздѣла уложенія о наказаніяхъ, высочайше повелѣть соизвоилъ: для предварительнаго соображенія сихъ дѣлъ учредить особую комисію изъ членовъ государственнаго совѣта, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1. Комисія образуется подъ председательствомъ статсъ-секретаря, тайнаго совѣтника Грота, изъ статсъ-секретарей, тайныхъ совѣтниковъ Заблоцкаго-Десятовскаго и князя Оболенскаго и тайныхъ совѣтниковъ Стояниовскаго и Побѣдоносцова.

2. Комисіи поставляется въ обязанность обозрѣть въ совокупности содержаніе упомянутыхъ дѣлъ и, имѣя въ виду главную оныхъ цѣль, лучшее устройство нашихъ мѣстъ заключенія, приспособленное къ правильной системѣ наказаній, — представить на уваженіе соединенныхъ департаментовъ законовъ, экономіи и гражданскаго свои соображенія о мѣрахъ къ достиженію этой цѣли, съ проектомъ заключеній по вопросамъ, требующимъ нынѣ разсмотрѣнія и разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ.

3. Могущія быть въ средѣ комисіи разногласія излагаются въ представленіи ея соединенному присутствію.

4. Министры и главноуправляющіе, принимавшіе участіе въ разработкѣ и предварительномъ обсужденіи означенныхъ дѣлъ, могутъ, когда признаютъ нужнымъ, присутствовать въ засѣданіяхъ комисіи съ правомъ голоса или представлять ей изъясненія чрезъ своихъ товарищей, директоровъ департаментовъ или другихъ лицъ.

Съ своей стороны, комиссія имѣетъ право приглашать къ совѣщанію товарищей министровъ, директоровъ и всѣхъ вообще лицъ, отъ которыхъ по свойству дѣла можно ожидать полезныхъ объясненій (учр. гос. совѣта, ст. 12).

5. Дѣлопроизводство по комисіи возлагается на отдѣленіе законовъ государственной канцеляріи, чрезъ которую производятся всѣ сношенія съ посторонними вѣдомствами объ истребованіи нужныхъ для комисіи данныхъ и свѣдѣній, равно по другимъ предметамъ, до работъ ея относящимся.

Соображенія государственнаго совѣта объ учрежденіи въ среднюю комисію о тюремномъ преобразованіи. Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и гражданскомъ, обзрѣвъ составленные комисіею, высочайше учрежденною подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Зубова, проекты по преобразованію тюремной части, въ связи съ представленіемъ министра юстиціи о пересмотрѣ главы второй раздѣла перваго уложенія о наказаніяхъ, счесть обязанностью прежде всего повторить неоднократно выраженное государственнымъ совѣтомъ убѣжденіе, что карательныя учрежденія наши, а равно мѣста заключенія обвиняемыхъ, не могутъ, безъ важнаго ущерба для благосостоянія и внутренней безопасности государства, оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ они нынѣ находятся, и потому приведеніе ихъ въ лучшее устройство составляетъ задачу первостепеннаго государственнаго значенія, къ осуществленію которой надлежитъ стремиться со всею энергіею, не останавливаясь предъ частными и случайными затрудненіями. Въ сознаніи особаго, выдающагося значенія этого предмета, правительство возложило изученіе его на спеціальныя комисіи, которыми собранъ обильный матеріалъ, изслѣдованы представлявшіеся вопросы и внесенъ на уваженіе государственнаго совѣта проектъ полнаго преобразованія этой части управленія.

Хотя предназначенныя симъ порядкомъ законоположенія по числу статей не обширны, но по внутреннему составу сложны и разнообразны. Въ проектѣ «положенія о мѣстахъ заключенія гражданского вѣдомства», составленномъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Зубова, опредѣляются: устройство новаго управленія тюрьмами, какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго; учрежденіе на новыхъ началахъ тюремной стражи; сводъ правилъ

о содержаніи арестованныхъ въ улучшенныхъ мѣстахъ заключенія; правила о пересылкѣ арестантовъ и о попеченіи надъ лицами, выпущенными изъ тюремъ, и надъ семействами арестованныхъ; наконецъ, соображенія о стоимости всего преобразованія и о порядкѣ приведенія его въ исполненіе. Предсѣдатель комитета, излагая свои замѣчанія на предположенія онаго, во многихъ существенныхъ частяхъ расходится съ возрѣзками комитета. Съ другой стороны, министръ юстиціи, въ представленномъ имъ проектѣ новой лѣстницы наказаній, предлагаетъ полную систему карательныхъ мѣръ, долженствующую лечь въ основу новаго уголовного законодательства, въ соотвѣтствіе будущему усовершенствованному устройству мѣстъ заключенія.

Всѣ эти проекты и предположенія сообщались на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ, которыя доставили многія и весьма важныя по нимъ соображенія.

Вышеизложенное само по себѣ показываетъ, съ какими трудностями, по многосложности сего дѣла и разнообразію заявленныхъ въ немъ мнѣній, должно быть сопряжено обсужденіе его въ государственномъ совѣтѣ. Но, кромѣ сего, есть еще особыя, этому дѣлу присущія обстоятельства, усугубляющія означенныя трудности.

При всемъ разнообразіи внесенныхъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта предположеній, они имѣютъ одну существенную цѣль—приведеніе въ надлежащее устройство нашихъ мѣстъ заключенія и обезпеченіе способовъ правильного исполненія уголовныхъ приговоровъ. Цѣль эта давно занимаетъ правительство. Въ полномъ собраніи законовъ и въ архивахъ высшихъ установленій можно найти не мало документовъ, свидѣтельствующихъ о постоянныхъ заботахъ его по этой части. Между тѣмъ, всѣ сіи заботы и старанія не привели до сихъ поръ къ удовлетворительному результату. Соображая причину столь прискорбнаго явленія, государственный совѣтъ не могъ не признать, что она, между прочимъ, заключается въ томъ, что вопросъ о тюремномъ преобразованіи въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ ставился не всегда на достаточно практическую почву. Заботы обращались болѣе на установленіе законодательныхъ правилъ, чѣмъ на мѣры исполненія; издавались тщательно разработанныя законоположенія и не изыскивалось средствъ для ихъ осуществленія. Въ 1845 году, въ связи съ утвержденіемъ новаго

уложенія о наказаніяхъ, предначертана была система карательныхъ и исправительныхъ учреждений, которая, своими утонченными развѣтвленіями и стремленіемъ соблюсти точное соотвѣстствіе между преступленіемъ и наказаніемъ, превосходила все, чего могли донынѣ достигнуть государства и болѣе насъ богатые, какъ деньгами, такъ и людьми. Для каждаго разряда заведеній были наданы особыя положенія, въ которыхъ, слѣдующимъ указаніямъ пенитенціарной науки, опредѣлены подробно правила содержанія заключенныхъ, занятія ихъ работами, нравственнаго назиданія, и указаны всѣ мѣры, нужныя для достиженія цѣлей уголовного правосудія. Но не было ни устроено заведеній, въ которыхъ эти правила были бы приложимы, ни приготовлено людей, которые могли бы примѣнять ихъ въ духѣ закона; вслѣдствіе того, законъ и пришелъ въ такой разладъ съ жизнью, что наказаніе, которое на самомъ дѣлѣ несетъ преступникъ, весьма часто не имѣетъ почти ни одной общей черты съ тѣмъ, чему онъ долженъ бы быть подвергнутъ по словамъ судебного приговора и постановленіямъ закона.

По мнѣнію государственнаго совѣта, необходимо обратить особое вниманіе на то, чтобы на нынѣшній разъ избѣгнуть прежней ошибки. Посему представляется весьма важнымъ прежде всего очертить характеръ и предѣлы той задачи, которая, въ сферѣ относящихся къ сему предмету вопросовъ, въ настоящее время предложить законодательству, дабы вопросъ о тюремномъ образованіи могъ получить правильную, представляющую надежные задатки будущаго развитія, постановку.

Находящіеся на разсмотрѣніи государственнаго совѣта проекты рисуютъ картину того порядка, который можетъ водвориться лишь когда Россія покрылась бы проектированными мѣстами заключенія усовершенствованнаго типа, со всѣми нужными для осуществленія пенитенціарныхъ цѣлей способами. Но, по сознанію самихъ составителей проектовъ, время это, по недостатку и денежныхъ, и личныхъ средствъ, еще весьма отдаленно, а опытъ прошедшаго доказалъ, съ какими затрудненіями встрѣчается законодательство, стремящееся установить нормы для такого будущаго, ближайшія условія коего ненавѣстны. Посему естественно представляется сомнѣніе, не есть-ли задача, которая, по отношенію къ тюремному вопросу, нынѣ озабочиваетъ правительство,—задача преимущественно административная, и успѣхъ ея не зависитъ ли болѣе

отъ дѣятельныхъ распоряженій правительственныхъ инстанцій, чѣмъ отъ законодательныхъ постановленій? Къ предметамъ законодательства, конечно, нынѣ же должно относиться: установить начала карательной системы, опредѣлить общій порядокъ заведенія тюремнымъ дѣломъ и дать главные указанія, безъ которыхъ дѣятельность тюремной администраціи не имѣла бы твердаго направленія; къ такимъ указаніямъ принадлежитъ разрѣшеніе существеннѣйшихъ вопросовъ тюремнаго устройства, какъ-то: о различныхъ видахъ или разрядахъ мѣстъ содержанія подѣ стражей, о томъ могутъ-ли они быть учреждаемы во всѣхъ или только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи, о главныхъ условіяхъ размѣщенія арестованныхъ внутри заведеній, и т. п.; а также приблизительное опредѣленіе денежныхъ средствъ, которыя могутъ быть назначены на постепенное осуществленіе тюремнаго преобразованія. Дальнѣйшее развитіе установленныхъ такимъ образомъ началъ и изданіе полныхъ систематическихъ законоположеній едва-ли не съ большимъ удобствомъ можетъ быть предоставлено позднѣйшей работѣ, для которой опытъ первыхъ, созданныхъ по новымъ началамъ учреждений, дастъ наилучшій матеріалъ.

Такимъ образомъ, прежде обсужденія по существу возбужденныхъ въ настоящемъ дѣлѣ вопросовъ, надлежало бы совершить по оному особый подготовительный трудъ, именно выбрать изъ общаго состава представленнаго матеріала тѣ предметы, которые требуютъ безотлагательнаго обсужденія и разрѣшенія чрезъ государственный совѣтъ, и отдѣлить отъ нихъ предположенія менѣе настоятельныя, могущія подлежать ближайшему соображенію и получить окончательное движеніе позднѣе. Очевидно, такая работа не можетъ быть успѣшно совершена соединенными департаментами государственнаго совѣта съ соблюденіемъ тѣхъ общихъ приѣмовъ, которыхъ совѣтъ, на основаніи своего учрежденія, держится при разсмотрѣніи законодательныхъ проектовъ.

Принимая во вниманіе все вышесказанное, государственный совѣтъ убѣдился въ необходимости опредѣлить для предаарительнаго соображенія настоящаго дѣла особый порядокъ. Передача онаго въ комиссію немногочисленнаго состава была бы, по мнѣнію совѣта, надежнѣйшимъ средствомъ для основательной разработки и подготовленія его къ окончательному обсужденію. Но, какъ обращеніе дѣла изъ государственнаго совѣта въ какое-либо иное ведомство замедлило бы вновь столь давно ожидаемое его

разрѣшеніе, то представлялось бы наиболѣе соотвѣтственнымъ образовать комисію въ средѣ самаго государственнаго совѣта, съ тѣмъ, чтобы она, обобравъ все содержаніе сего дѣла и имѣя въ виду главную онато цѣль—лучшее устройство нашихъ мѣстъ заключенія, приспособленное къ правильной системѣ наказаній, представила на уваженіе соединенныхъ департаментовъ совѣта свои соображенія о мѣрахъ къ достиженію этой цѣли и заключенія по вопросамъ, требующимъ безотлагательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ.

Останавливаясь на семъ предположеніи, но имѣя въ виду, что образованіе подобныхъ комисій не предусматривается въ законѣ, государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, экономіи и гражданскомъ, *положилъ*: просить его императорское высочество председателя государственнаго совѣта повергнуть вышеозначенныя соображенія на высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Государя Императора.

В. Распоряженія правительства, по судебному вѣдомству.

1.

О разъясненіи пп. 1 и 2 ст. 45-й устава о гербовомъ сборѣ.
Особая комиссія для разсмотрѣнія вопросовъ, возникающихъ по примѣненію устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 года, по обсужденіи вопросовъ о примѣненіи означеннаго устава къ дѣламъ по прежней рекрутской повинности и къ выдаваемымъ государственнымъ крестьянамъ владѣннымъ записямъ, приняла въ соображеніе: 1) до введенія въ дѣйствіе устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 прошенія и разрѣшительныя бумаги по всѣмъ дѣламъ, производящимся въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, а въ томъ числѣ и по дѣламъ рекрутскимъ, не подлежали оплатѣ гербовою пошлиною; на основаніи же п. 2 ст. 45-й сего устава освобождены прошенія и разрѣшительныя бумаги по дѣламъ о воинской повинности, замѣнившей собою прежнюю рекрутскую повинность. Въ виду сего, гербовому сбору не подлежатъ ни раз-

разрѣшительныя бумаги по поданнымъ по 1-е іюля, т.е. до введенія въ дѣйствіе новаго гербоваго устава, прошеніямъ по дѣламъ о рекрутской повинности, ни поданныя послѣ сего срока прошенія и разрѣшительныя на оныя бумаги по дѣламъ, относящимся до отбыванія рекрутской повинности прежнимъ порядкомъ; 2) на основаніи п. 1 статьи 9-й гербоваго устава, купчія крѣпости, данныя, регуляціонныя акты или владѣнныя записи на приобретаемыя крестьянами въ собственность земли, состоящія въ ихъ пользованіи, подлежатъ простому гербовому сбору въ 40 копѣекъ за каждый листъ, когда выдаются на сумму не менѣе 50 рублей, и въ 5 копѣекъ за каждый листъ, когда выдаются на сумму менѣе 50 рублей; 3) дополненіе къ владѣннымъ записямъ о лѣсномъ налогѣ и о пользованіи лѣсомъ, принятымъ уже крестьянами въ лѣсной надѣлъ по прежде выданнымъ записямъ на земельныя угодья, по существу и по цѣли составленія и выдачи ихъ, очевидно, тождественны съ владѣнными записями на приобретаемыя крестьянами въ собственность земли, состоящія въ ихъ пользованіи, а потому означенныя дополненія подлежатъ гербовому сбору на томъ же основаніи, какъ и владѣнныя записи на земельныя угодья, и 4) тѣ экземпляры владѣнныхъ записей и дополненій къ нимъ, которые не выдаются крестьянамъ, а отсылаются на храненіе въ архивы губернскихъ управленій, составляются не въ интересахъ частныхъ лицъ, а для надобностей правительства, и потому, какъ дѣлопроизводственныя бумаги, не подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ. На основаніи этихъ соображеній, коммисія, журналомъ, утвержденнымъ 23-го октября 1876 года министромъ финансовъ, положила: а) что разрѣшительныя бумаги по поданнымъ до 1-го іюля 1875 года прошеніямъ по дѣламъ о рекрутской повинности, а равно и поданныя послѣ сего срока прошенія и разрѣшительныя на оныя бумаги по дѣламъ, относящимся до отбыванія рекрутской повинности прежнимъ порядкомъ, не подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ; б) что выдаваемыя бывшимъ государственнымъ крестьянамъ и колонистамъ владѣнныя записи на состоящія въ ихъ пользованіи земли, а равно и дополненія къ владѣннымъ записямъ о лѣсномъ налогѣ и о пользованіи лѣсомъ, принятымъ уже въ лѣсной надѣлъ по прежнимъ владѣннымъ записямъ о земельныхъ угодьяхъ, подлежатъ оплатѣ простымъ 40-копѣчнымъ съ листа гербовымъ сборомъ, если стоимость земли и лѣса не менѣе 50 рублей, и 5-копѣчнымъ съ листа сборомъ, если эта стоимость

менше 50 рублей, и в) что тѣ экземпляры владѣнныхъ записей и дополненій къ нимъ, которые отсылаются на храненіе въ архивы губернскихъ правленій, отъ гербоваго сбора свободны. Министръ внутреннихъ дѣлъ, которому сообщено было о вышеизложенномъ разъясненіи помянутыхъ вопросовъ, увѣдомилъ, что вполне соглашаясь съ симъ разъясненіемъ, онъ признаетъ необходимымъ представить объ ономъ правительствующему сенату, тѣмъ болѣе, что жалобы на постановленія губернскихъ присутствій по рекрутскимъ дѣламъ подлежатъ разсмотрѣнію правительствующаго сената. О вышеизложенномъ, на основаніи 52 ст. основ. зак., товарищъ министра финансовъ представилъ правительствующему сенату. Разсмотрѣвъ вышеизложенное и находя съ своей стороны, по приведеннымъ въ рапортѣ товарища министра финансовъ основаніямъ, вполне правильнымъ разъясненіе министерства финансовъ, послѣдовавшее по вопросу о примѣненіи устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 года къ дѣламъ по прежней рекрутской повинности и къ выдаваемымъ государственнымъ крестьянамъ владѣннымъ записямъ, правительствующій сенатъ опредѣлил: означенное разъясненіе утвердить.

2.

О разъясненіи 6-го пункта 45-й статьи устава о гербовомъ сборѣ. Особая коммисія для разсмотрѣнія вопросовъ, возникающихъ при примѣненіи высочайше утвержденного 17-го апрѣля 1874 года устава о гербовомъ сборѣ, по обсужденіи возбужденныхъ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній вопросовъ объ освобожденіи отъ гербоваго сбора: прошеній объ испытаніи на воспитательскую должность, заявленій о желаніи занять такую должность, прошеній о разсмотрѣніи книгъ и подаваемыхъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній прошеній: а) объ опредѣленіи малолѣтнихъ въ учебныя заведенія и б) о допущенныхъ къ испытанію на право поступить въ военную службу вольноопредѣляющимися—нашла: а) хотя прошенія о допущеніи къ испытанію на учебно-воспитательскую должность и заявленія о желаніи занять преподавательскую должность, а равно и прошенія о разсмотрѣніи книгъ и вызываются иногда самимъ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній или сими заведеніями въ ви-

дахъ преслѣдованія своихъ цѣлей, но во всякомъ случаѣ подающія такія прошенія и заявленія лица имѣютъ въ виду главнымъ образомъ свой собственный личный интересъ, вслѣдствіе чего означенныя прошенія и заявленія не могутъ не быть признаваемы подаваемыми частными лицами по ихъ частнымъ дѣламъ, а потому и не могутъ быть изъяты отъ оплаты гербовымъ сборомъ, но подлежатъ оной на общемъ основаніи по п. 1 ст. 6 герб. уст., что, по мнѣнію комиссіи, нисколько не можетъ повредить дѣламъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, ибо гербовый сборъ въ 40 коп. съ прошенія столь незначителенъ, что едва ли можетъ послужить поводомъ въ неподачѣ прошенія или заявленія. б) При обсужденіи въ податной комиссіи льготъ отъ гербоваго сбора по дѣламъ, производящимся въ учебныхъ заведеніяхъ, признаю было необходимымъ допустить эти льготы по всѣмъ дѣламъ, касающимся собственно личности учащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, какъ это и было положительно выражено въ первоначальной редакціи новаго устава о гербовомъ сборѣ; редакція же п. 6 ст. 45-й утвержденного устава „по дѣламъ, не относящимся до хозяйства заведеній и опредѣленія на службу въ нихъ“—принята вслѣдствіе замѣчаній главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и нисколько не противорѣчитъ общему основному началу, именно освобожденію отъ оплаты гербовымъ сборомъ дѣлъ, касающихся личности учащихъ. Между тѣмъ, обложеніе гербовымъ сборомъ тѣхъ прошеній объ опредѣленіи малолѣтнихъ въ военно-учебныя заведенія, которыя по закону должны быть подаваемы не въ самыя заведенія, а въ главное надъ ними управленіе, оказывается несогласнымъ съ этимъ общимъ началомъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній заступаетъ мѣсто того заведенія, въ которое предполагается помѣстить малолѣтняго. Въ виду сего, по мнѣнію комиссіи, отъ гербоваго сбора должны быть освобождены, примѣняясь къ п. 6 ст. 45-й, и подаваемые въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній прошенія и разрѣшительныя по нимъ бумаги по дѣламъ объ опредѣленіи малолѣтнихъ въ военно-учебныя заведенія, о переводѣ ихъ изъ одного въ другое заведеніе, объ увольненіи изъ заведенія и вообще по всѣмъ, касающимся личности учащихъ, а въ томъ числѣ и прошенія о допущеніи въ испытанію на приобрѣтеніе права поступить въ военную службу вольноопредѣляющимся и разрѣши-

тельными по такимъ прошеніямъ бумаги. в) Возбужденіе главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній вопроса объ освобожденіи отъ гербоваго сбора копій съ документовъ, представляемыхъ при подаваемыхъ въ учебныя заведенія прошеній объ опредѣленіи малолѣтнихъ, произошло, очевидно, отъ недоразумѣнія, такъ какъ въ п. 6 ст. 45-й гербоваго устава сказано, что въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ по дѣламъ, не относящимся до хозяйства тѣхъ заведеній или опредѣленія на службу въ оныхъ, освобождаются отъ гербоваго сбора прошенія и другія бумаги, означенныя въ ст. 6 п. 1-го; въ означенномъ же пунктѣ помѣнованы между прочимъ и копія съ прилагаемыхъ при прошеніяхъ документовъ и вообще съ приложений. Затѣмъ освобожденіе отъ гербоваго сбора копій съ документовъ, прилагаемыхъ при тѣхъ прошеніяхъ объ опредѣленіи малолѣтнихъ, которыя подаются въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, оказывается необходимымъ по основаніямъ, изложеннымъ въ предыдущемъ пунктѣ. По вышеизложеннымъ соображеніямъ коммисія журналомъ, утвержденнымъ 18-го сентября 1875 года министровъ финансовъ, признала: а) что подаваемые какъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, такъ въ самыя эти заведенія прошенія о допущеніи къ установленному закономъ испытанію на учебно-воспитательскую должность, а равно и заявленія о желаніи занять преподавательскую должность, подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ, на точномъ основаніи п. 1 ст. 6-й устава о гербовомъ сборѣ, и что тому же сбору и на томъ же основаніи должны быть подвергаемы и подаваемые въ означенное главное управленіе прошенія авторовъ и издателей о разсмотрѣніи составленныхъ и изданныхъ ими книгъ; б) что подаваемые въ главное управленіе прошенія объ опредѣленіи малолѣтнихъ въ военно-учебныя заведенія, о переводѣ ихъ изъ одного заведенія въ другое, объ увольненіи изъ заведенія и вообще прошенія по дѣламъ, касающимся личности учащихъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а равно подаваемые въ то же управленіе прошенія лицъ, желающихъ приобрести право на поступленіе въ военную службу вольноопредѣляющимися, о допущеніи ихъ къ установленному на сей предметъ испытанію, прилагаемыя ко всѣмъ помѣнованнымъ прошеніямъ копія съ документовъ и разрѣшительныя по симъ прошеніямъ бумаги должны быть освобождены отъ оплаты гербовымъ сборомъ, примѣняясь къ п. 6 ст. 45-й устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 года. Военный министръ,

которому сообщено было о вышеизложенномъ заключеніи коммисіи, отзывомъ отъ 12-го августа 1876 года, за № 3,957-мъ, уведомиль, что онъ вполне соглашается съ таковымъ заключеніемъ.

ОТДѢЛЪ II.

Награды и измѣненія въ личномъ составѣ.

17-го апрѣля 1877 г., статсъ-секретарю, тайному совѣтнику, министру юстиціи Константину Ивановичу Палену всемилоостивѣйше пожалованы знаки ордена Св. Благоувернаго Великаго Князя Александра Невскаго, брилліантами украшенныя.

17-го апрѣля: тайному совѣтнику, директору департамента министерства юстиціи Владиміру Адамову, всемилоостивѣйше повелѣно быть гофмейстеромъ двора.

31-го минувшаго марта: **ПРОИЗВЕДЕНЪ** за отличіе, изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*, предсѣдатель казанскаго окружнаго суда Грассъ, съ 12-го марта 1877 года; **НАЗНАЧЕНЫ**: прокуроръ усть-медвѣдичкаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Языковъ—членомъ харьковской судебной палаты, и секретарь 2-го департамента правительствующаго сената, коллежскій ассессоръ Петро-Павловскій—членомъ саратовскаго окружнаго суда. **УМЕРШІЕ** *исключены изъ списковъ*: неприсутствующій сенаторъ, тайный совѣтникъ Госцимскій и оберъ-прокуроръ 1-го отдѣленія 5-го департамента правительствующаго сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бурлаковъ.

7-го апрѣля: **НАЗНАЧЕНЪ** членъ консулѣтаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, тайный совѣтникъ Отмарштейнъ — къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ. **УМЕРШІЙ** *исключенъ изъ списковъ*, товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда Щепкинъ.

28-го апрѣля: **НАЗНАЧЕНЫ**: членъ консулѣтаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гарткевичъ — оберъ-прокуроромъ 1-го отдѣленія 5-го департамента правительствующаго сената; состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ во 2-мъ департаментѣ правительствующаго сената и управляющій статистическимъ отдѣленіемъ департамента министерства юстиціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Утинъ — членомъ консулѣтаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, съ возложеніемъ на него исполняемыхъ имъ нынѣ обязанностей; товарищъ прокурора полтавскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Кобцевъ — прокуроромъ усть-медвѣдичкаго окружнаго суда. **УТВЕРЖДЕНЪ по выборамъ**: ассессоръ тальсенскаго гауптманскаго суда баронъ Фитингофъ-Шель — въ должности ассессора зальбургскаго оберъ-гауптманскаго суда. **УВОЛЕНЪ отъ службы** судебный слѣдователь 2-го участка новолоджскаго уѣзда, округа с.-петербургскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Штадръ — за боцѣзнію. **УМЕРШІЙ** *исключенъ изъ списковъ*: членъ востромскаго окружнаго суда Соколовъ. **УВОЛЕНЫ**: согласно прошеніямъ, *отъ службы*: товарища прокуроровъ окружныхъ судовъ: Харьковскаго — надворный совѣтникъ Завадовскій; рязанскаго — надворный совѣтникъ Шереметевскій.

Присвоеніе и растрата чужаго имущества.

(Окончаніе) ¹⁾.

VI. Порядокъ производства дѣлъ объ утайкѣ.

54) Для разграниченія подсудности дѣлъ объ утайкѣ мировымъ учрежденіямъ и общимъ судебнымъ мѣстамъ закономъ указанъ точно опредѣленный признакъ—именно цѣнность присвоеннаго на сумму не свыше 300 р. Но этотъ признакъ ограниченъ тѣмъ 1) чтобы утайка была совершена въ 1-й или во 2-й разъ и 2) чтобы обвиняемые не принадлежали къ лицамъ привилегированныхъ сословій (177 и 181 ст. мир. уст.). Несмотря однакожъ на опредѣленность и точность указаній закона, вопросъ о подсудности утайки на практикѣ возбуждаетъ нѣкоторые недоразумѣнія.

Выходятъ ли за предѣлы подсудности мировыхъ учреждений случаи утайки, которые хотя по цѣнѣ и личности обвиняемыхъ не превышаютъ предѣловъ власти мировыхъ учреждений, но специально предусмотрѣны въ уложеніи? Таковы именно случаи, предусмотрѣнные въ ст. 229, 549, 908, 1188, 1191, 1192, 1590, 1598, 1706 и 1711 ст. улож. Этотъ вопросъ былъ возбужденъ на практикѣ по дѣлу казака Трояна

¹⁾ См. журн. гр. и уг. пр. 1877 г., № 1-й и 2-й.

и др. (р. в. д. 1873 г. № 671). Троянъ доказывалъ, что онъ за растрату лѣса, бывшаго у него въ опекуномъ завѣдываніи, не могъ подлежать суду мировыхъ учреждений въ виду 1598 ст. ул. Съ перваго взгляда кажется, что на этотъ вопросъ долженъ быть данъ отрицательный отвѣтъ, т. е. что исчисленные случаи должны быть признаны неподсудными мировымъ учреждениямъ. Въ пользу такого отвѣта говорить то, что мировымъ судьямъ предоставлено вѣдать именно тѣ проступки, которые исчислены въ мировомъ уставѣ, и, лишь въ видѣ исключенія и временно, тѣ проступки противъ уставовъ казенныхъ управленій о повинностяхъ и о торговлѣ, которые хотя и предусмотрѣны въ уложеніи, но не выходятъ за предѣлы власти мировыхъ установленій (ст. 33 уст. угол. суд. и ст. 1-я уст. о нак.). Слѣдовательно, всѣ остальные преступленія и проступки, хотя по наказанію не превышающіе предѣлы власти мировыхъ учреждений, должны быть подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ.—Но по ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса нельзя не придти къ другому заключенію. Всѣ исчисленные случаи не составляютъ отдѣльныхъ видовъ утайки, съ какими-нибудь новыми элементами или отгѣнками, а суть просто отдѣльные случаи общаго преступленія утайки, и поэтому они должны подчиняться общимъ правиламъ о подсудности. Это явствуетъ изъ того, что подъ всѣми исчисленными статьями уложенія въ цитатѣ имѣются ссылки на 1681, 1682 ст. улож., 177 ст. мир. уст., а, слѣдовательно, самое наказаніе за эти случаи, равно какъ и порядокъ наложенія этого наказанія, подчиняются тѣмъ правиламъ, какія установлены для преступленій, предусмотрѣнныхъ въ 1681, 1682 ст. улож. и 177 ст. мир. уст., т. е. они подчиняются общимъ правиламъ о подсудности. Этого же взгляда держится и кассационный сенатъ (вышеприведенное рѣшеніе по дѣлу Трояна 1873 г. № 671 и г. Неклюдовъ, руководство, т. I, изд. 1872 г., стр. 126 и т. II, ст. 743 и 744).

55) Въ какомъ именно мѣстѣ утайка должна считаться совершившеюся? Этотъ вопросъ чаще всего встрѣчается на практикѣ и вызываетъ пререканія между судебными слѣдова-

телями различных участков и округов, а также между судебными мѣстами различных округов. Дѣло въ томъ, что при утайкѣ имущество передается лицу для извѣстнаго употребленія, которое, весьма часто, должно совершиться совершенно въ другомъ мѣстѣ. Затѣмъ, полученное имущество приниматель присвоиваетъ себѣ или растрчиваетъ и какъ отказъ отъ полученія имущества, такъ и самое употребленіе его въ свою пользу, очень часто дѣлаются въ третьемъ мѣстѣ.

Поэтому въ подобныхъ случаяхъ и происходитъ пререканіе о мѣстѣ совершенія преступленія, за которое одни принимаютъ мѣсто передачи имущества, другіе мѣсто, гдѣ имущество должно было получить условленное употребленіе, а третьи, наконецъ, мѣсто отказа отъ полученія имущества или мѣсто растраты. Для разрѣшенія этого вопроса, по моему мнѣнію, слѣдуетъ только обратить вниманіе на то, когда именно утайка должна считаться совершившеюся? Моментомъ совершенія утайки, какъ уже выше сказано, считается или моментъ отрицанія виновнымъ обязанности своей возратить имущество, или моментъ совершенія виновнымъ такого дѣйствія, которое свидѣтельствуешь о намѣреніи его распорядиться имуществомъ какъ своею собственностью. Отсюда слѣдуетъ, что мѣстомъ совершенія преступленія утайки является при присвоеніи не мѣсто передачи имущества и не мѣсто, гдѣ имущество должно было получить употребленіе, а мѣсто отрицанія, а при растратѣ — мѣсто издержанія или отчужденія имущества. Если же растрата производилась цѣлымъ рядомъ поступательныхъ дѣйствій, то мѣстомъ совершенія является мѣсто послѣдняго дѣйствія (208 и 210 ст. уст. уг. суд.). Въ этомъ именно смыслѣ разрѣшилъ вопросъ и новгородскій окружный судъ по дѣлу Федоровыхъ съ Рѣдовниковымъ, по которому возникло пререканіе между разными судебными слѣдователями о подсудности ¹⁾.

¹⁾ Суд. Вѣст. 1869 г. № 159. Приводимъ это опредѣленіе цѣликомъ. Изъ обстоятельствъ дѣла видно: государственный крестьянинъ старорусскаго уѣзда, залужской волости, дер. Березовца, Кузьма Федотовъ подалъ жалобу на старорусскаго мѣщанина Павла Потапова Дѣдовникова въ томъ, что онъ, Федотовъ, находясь по торговымъ дѣламъ въ С.-Петербургѣ, 9 декабря 1868 г. вручилъ Дѣдовни-

56) Въ какихъ именно случаяхъ утайка подсудна волостному суду? По 533 и 536 ст. XII т. сельско-судебнаго устава и 101 ст. общаго полож. о крестьянахъ, вѣдѣнію волостнаго суда подлежитъ утайка, совершенная между крестьянами, въ

кову 800 р. кредитными билетами для передачи оныхъ сыну его, Федотову, Василию Кузьмичу Федотову, по жительству его старорусскаго уѣзда въ дер. Березовцы. Василий Федотовъ, узнавъ объ отправкѣ къ нему отцомъ денегъ и не получая ихъ отъ Дѣдовникова, поѣхалъ къ сему послѣднему въ мѣсто жительства его—село Мареве, демьянскаго уѣзда. На спросъ Василия Федотова, Дѣдовниковъ отозвался, что хотя онъ и получилъ отъ Кузьмы Федотова 800 р. для врученія ихъ по принадлежности, но передъ отправленіемъ изъ Петербурга, на пути къ станціи желѣзной дороги, возвратилъ деньги Кузьмѣ Федотову. Такой же отзывъ Дѣдовниковъ повторилъ самому Кузьмѣ Федотову, прїѣзжавшему къ нему въ село Мареве. Между тѣмъ, Кузьмѣ Федотову извѣстно, что Дѣдовниковъ, до врученія ему 800 р. не имѣвшій денегъ даже на взятіе новаго патента на торговлю, по прибытіи изъ Петербурга домой тотчасъ же уплатилъ много долговъ и закушилъ на значительную сумму товару, почему онъ, Федотовъ, прямо подозреваетъ Дѣдовникова въ присвоеніи себѣ вѣренннхъ ему 800 р. и растратѣ ихъ.—Исправляющій должность судебного слѣдователя 3-го участка старорусскаго уѣзда Покровский, въ виду того, что растрата денегъ и уплата долговъ Дѣдовниковымъ происходили въ селѣ Мареве, демьянскаго уѣзда, передалъ возникшее у него слѣдственное дѣло о Дѣдовниковѣ демьянскому судебному слѣдователю Упервицкому для производства предварительнаго слѣдствія, на основ. 210 ст. уст. угол. суд., по мѣсту совершенія послѣднихъ преступныхъ дѣйствій. Судебный же слѣдователь Упервицкій, принимая во вниманіе, что передача Дѣдовниковымъ денегъ должна была воспослѣдовать въ мѣстѣ жительства Василия Федотова—деревнѣ Березовцѣ старорусскаго уѣзда, полагаетъ, что при неисполненіи Дѣдовниковымъ даннаго ему порученія мѣстомъ совершенія преступленія должно признать деревню Березовецъ, тѣмъ болѣе, что преступленіе присвоенія вѣренннхъ чужихъ денегъ существовало бы и въ томъ случаѣ, еслибы Дѣдовниковъ не растратилъ ихъ, а только не передалъ въ назначенномъ мѣстѣ; статья же 210 касается лишь преступленій длѣщихся или продолжаемыхъ, къ числу которыхъ преступленіе, приписываемое Дѣдовникову, не относится.—Выслушавъ по настоящему дѣлу заключеніе прокурора, окружнй судъ намелъ, что разрѣшеніе возникшаго пререканія между судебнымъ слѣдователемъ Упервицкимъ и исправляющимъ должность судебного слѣдователя Покровскимъ, зависитъ отъ рѣшенія вопроса о томъ: при какихъ условіяхъ по нашимъ законамъ признается совершившимся приписываемое мѣщанину Дѣдовникову преступленіе—присвоеніе или растрата чужаго имущества. Изъ статей закона (улож. о нак. ст. 1681 и уст. о наказ., налаг. мир. суд., ст. 177), предусматривающихъ это преступленіе, направленное противъ чужой собственности, оказывается, что сущность его состоитъ въ томъ, что виновный присвоилъ или растратилъ чужое движимое имущество, вѣренное ему для сохраненія, переноски или перевозки, или же опредѣленнаго употребленія. Такъ какъ первоначальный переходъ движимаго имущества въ постороннія руки для опредѣленна-

предѣлахъ волости, въ 1-й или во 2-й разъ, на сумму не свыше 30 руб. ¹⁾). Такимъ образомъ для подсудности утайки волостному суду нужно:

го употребленія совершается по волѣ хозяина или владѣльца онаго, то очевидно, что пріиматель не нарушаетъ правъ этого лица на имущество до тѣхъ поръ, пока не совершитъ у него злой умыселъ воспользоваться вѣреннымъ имуществомъ въ ущербъ вѣрителю. При такомъ настроеніи воли пріимателя въ отношеніи вѣренного ему имущества, для признанія, что присвоеніе чужаго имущества осуществилось, необходимо, чтобы ~~злая~~ воля пріимателя проявилась въ такомъ внѣшнемъ дѣяніи, которое не оставляло бы сомнѣній на счетъ значенія ея дѣятельности. Одною изъ естественныхъ формъ подобнаго проявленія воли, устанавливающаго моментъ полнаго совершенія сказаннаго преступленія, представляется отказъ пріимателя возвратить вѣренное ему имущество хозяину его или другому лицу, имѣющему право на полученіе онаго, при чемъ пріиматель отрицаетъ самое событіе передачи ему имущества для опредѣленнаго употребленія. Подчиняя исключительному дѣйствію своей воли имущество, уже ранее поступившее въ фактическое обладаніе его, пріиматель имущества тѣмъ самымъ изымаетъ его противозаконно изъ господства настоящаго хозяина или владѣльца. Не подлежитъ сомнѣнію, что одно простое промедленіе со стороны пріимателя въ употребленіи вѣренного имущества по назначенію недостаточно еще для того, чтобы можно было признать совершившимся присвоеніе чужаго имущества, ибо такое промедленіе можетъ произойти безъ умысла противозаконно воспользоваться вѣреннымъ имуществомъ, а по одной забывчивости или по другимъ случайнымъ причинамъ, и во всякомъ случаѣ въ этомъ дѣйствіи не выражается вполне осязательно и непрерываемо злой умыселъ, присущій разсматриваемому преступленію и составляющій, по ст. 5 ул. о нак., существенный элементъ всякаго преступленія или проступка. Пріимъныя изложенныя общія соображенія къ данному дѣлу и принимая на видъ, что при записательствѣ Дѣдовникова въ принятіи имъ отъ Кузьмы Федотова денегъ преступленіе его подходитъ ближе къ присвоенію чужаго имущества, нежели къ растратѣ такового, окружный судъ находитъ: что преступленіе Дѣдовникова совершилось не въ д. Березовцѣ (старорусскаго уѣзда), гдѣ слѣдовало вѣренное ему 800 р. отдать Василю Федотову, а въ селѣ Маревѣ (демьянскаго уѣзда), гдѣ онъ учинилъ записательство въ принятіи этихъ денегъ передъ хозяевами оныхъ и отказался возратить требуемую отъ него сумму. Сообразно съ этимъ, признавая, что присвоеніе мѣщаниномъ Дѣдовниковымъ чужаго имущества на сумму, по которой оно, за силою ст. 1681 улож. о нак. и ст. 177 уст. о нак., налаг. мѣр. суд., подсудно общимъ судебнымъ установленіямъ, совершилось въ с. Маревѣ и что преступленіе это, по мѣсту совершенія его, на основ. ст. 208 уст. угол. суд., подлежитъ изслѣдованію въ 3 уч. старорусскаго уѣзда, — окружный судъ, согласно заключенію прокурора, опредѣляетъ: дѣло о Дѣдовниковѣ препроводить для производства слѣдствія къ судебному слѣдователю демьянскаго уѣзда Уверядскому.

¹⁾ См. Неклюдовъ, руководство, т. I стр. 165—170; Чебышевъ-Дмитріевъ, русское уголовное судопроизводство, ч. 1., стр. 68—72 и статью II. Обвинскаго, о

а) чтобы обвиняемый и потерпевший были лица крестьянскаго сословія; если же одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то дѣло подлежитъ не волостному суду, а общимъ судебнымъ установленіямъ. Но къ лицамъ крестьянскаго сословія принадлежать также: 1) дворовые люди (р. к. д. 1868 г. № 158), 2) отставные нижніе воинскіе чины (к. р. 1870 г. № 1165), 3) безсрочно-отпускные, приписанные къ сельскимъ обществамъ (к. р. 1870 г. № 753), 4) солдатскія жены, оставшіяся въ своемъ селеніи по отдачѣ мужа въ солдаты (к. р. 1869 г. № 1024), 5) временные купцы изъ крестьянъ, не перечисленныхъ въ городское сословіе (к. р. 1867 г. № 602), и 6) крестьяне, торгующіе по промысловымъ свидѣтельствамъ (к. р. 1868 г. № 850). При этомъ для подсудности дѣла волостному суду не нужно, чтобы обвиняемый и потерпевшій принадлежали къ одной волости, они могутъ принадлежать къ разнымъ волостямъ и даже къ разнымъ губерніямъ (к. р. 1867 г. № 209, 1869 г. № 602, 1869 г. № 346 и 1870 г. 770).

б) Чтобы проступокъ былъ совершенъ въ предѣлахъ волости, а не внѣ ея. Но въ предѣлы волости входятъ не только крестьянскія земли, но и земли помѣщиковъ, такъ что утайка, совершенная на собственной землѣ помѣщика, не изымается изъ вѣдѣнія волостнаго суда (р. к. д. 1873 г. № 190 Анзеулова) ¹⁾.

взаимныхъ отношеній по предмету уголовной подсудности между вѣдомствами мирового судьи, волостнаго суда и крестьянскаго общественнаго управленія въ Ж. М. Ю. 1866 г. № 10.

¹⁾ „Правительствующій сенатъ находитъ жалобу Анзеулова на неправильное признаніе сѣздомъ настоящаго дѣла подсуднымъ мировымъ установленіямъ заслуживающе уваженія. Мировой сѣздъ, какъ видно изъ протокола и приговора, призналъ настоящее дѣло неподсуднымъ волостному суду на томъ основаніи, что присвоеніе совершено внѣ предѣловъ мѣстности, подвѣдомной такому суду, именно на собственной землѣ помѣщика. Это соображеніе сѣзда тогда только можно было бы признать правильнымъ, когда бы законъ помѣщичью землю исключалъ изъ предѣловъ волости; но ни въ 101 и 1 прим. къ 102 ст. общ. полож. о крест., ни въ другихъ статьяхъ закона такого исключенія для этихъ земель не сдѣлано; напротивъ того, изъ сравненія дѣйствовавшихъ до положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. законовъ съ 41 и 42 ст. общ. пол., можно придти къ положитель-

c) Чтобы утайка была совершена въ 1-й или во 2-й разъ. Утайка же, совершенная въ 3-й разъ, будетъ подлежать вѣдѣнію мировыхъ учрежденій, а не общихъ судебныхъ мѣстъ, такъ какъ для признанія рецидива въ 3-й разъ по ст. 181 мир. уст. нужно, чтобы виновный былъ наказанъ за двѣ утайки по приговору судебныхъ мѣстъ, а не волостного суда, составляющаго не судебную инстанцію, а мѣстную расправу (р. в. д. 1869 г. № 241, Амнанинова). Такимъ образомъ совершеніе проступка утайки въ 3-й разъ, послѣ двукратнаго наказанія по приговорамъ волостного суда, имѣетъ значеніе лишь для изысканія дѣла изъ подсудности волостного суда и подчиненія его вѣдѣнію мировыхъ учрежденій, но не для установленія повторенія проступка въ смыслѣ 181 ст. ул., 3 п. 14 и 2 п. 181 ст. мир. уст.

d) Чтобы сумма присвоеннаго и растратченнаго не превышала 80 р. — Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ дѣла объ утайкѣ между крестьянами подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ на общемъ основаніи.

57) Переходъ имущества въ руки виновнаго при утайкѣ, видѣли мы, совершается путемъ добровольнаго соглашенія сторонъ, путемъ гражданской сдѣлки. Такимъ образомъ утайка, болѣе чѣмъ какое либо другое преступленіе, соприкасается съ вопросами гражданского права и эта-то близость утайки къ гражданскимъ правонарушеніямъ возбуждаетъ на практикѣ

тому замѣчанію, что законъ и помѣщичьи земли исключаетъ изъ района волости. Такъ, по 547 ст. XII т. ч. 2 изд. 1857 г. (отмѣненной по прод. 1868 г.), городской полиціи были подсудны лишь такіе изъ исчисленныхъ въ 440—536 статьяхъ проступки крестьянъ, которые совершены ими въ городахъ и столицахъ; всѣ же другіе, безъ всякаго различія, были ли они совершены на помѣщичьей или крестьянской землѣ, подлежади разбору собственнхъ крестьянскихъ судовъ (543 и 545 ст. того же тома и части). Равнымъ образомъ и съ введеніемъ положенія 1861 г. предѣлы волости, какъ образованной изъ сельскихъ обществъ крестьянъ, живущихъ не только на собственнхъ, но и на помѣщичьей землѣ, не ограничиваются лишь предѣлами крестьянской земли (41, и 42 ст. пол. о крестьян.). Поэтому основаніямъ, соображеніе съъзда о неподсудности дѣла Анзеулова волостному суду на томъ только основаніи, что растрата совершена на помѣщичьей землѣ, не можетъ быть признаваема правильнымъ и приговоръ его, постановленный съ такимъ нарушеніемъ 33 ст. уст. упол. суд., въ силѣ судебнаго рѣшенія.

массу недоразумѣній относительно того, въ какомъ порядкѣ, уголовномъ или гражданскомъ, должны быть разсматриваемы тѣ отводы гражданского права, которые предъявляются обвиняемыми при производствѣ дѣлъ объ утайкѣ? Этотъ вопросъ находитъ положительное разрѣшеніе въ 27 ст. уст. угол. суд., которая устанавливаетъ: «если опредѣленіе преступности дѣянія зависить отъ опредѣленія въ установленномъ порядкѣ правъ состоянія или собственности на недвижимое имущество, или же свойства несостоятельности обвиняемаго, то преслѣдованіе уголовнымъ судомъ не возбуждается, а возбужденное приостанавливается до разрѣшенія спорнаго предмета судомъ гражданскимъ». Такимъ образомъ изъ буквального смысла этой статьи закона явствуется, что предпрѣшительными (преюдиціальными) вопросами гражданского права являются только вопросы: а) о правѣ собственности на недвижимое имущество, б) о правахъ состоянія и с) о свойствѣ несостоятельности, и притомъ лишь тогда, когда отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ зависить самая преступность или не преступность дѣянія, а не болѣшая или меньшая тяжесть дѣянія, не опредѣленіе обстоятельствъ увеличивающихъ или уменьшающихъ вину. Такъ какъ утайка, съ одной стороны, имѣетъ своимъ предметомъ движимое имущество, а съ другой—вопросы о правахъ состоянія, о принадлежности обвиняемаго къ извѣстному роду или семейству—могутъ имѣть значеніе лишь при утайкѣ между родителями и дѣтьми и между супругами, и отъ опредѣленія ихъ зависить не преступность дѣянія, а лишь порядокъ преслѣдованія обвиняемыхъ, въ порядкѣ частнаго или публичнаго обвиненія,—то, по буквальному смыслу приведенной 27 статьи, всѣ отводы гражданского права, которые могутъ быть предъявлены при производствѣ дѣлъ объ утайкѣ, не составляютъ вопросовъ преюдиціальныя и должны быть разрѣшаемы уголовнымъ судомъ, разсматривающимъ дѣло по существу. Этотъ выводъ тѣмъ болѣе правиленъ, что вопросы преюдиціальныя, какъ исключеніе изъ общаго правила, какъ ограничивающіе компетентность уголовного суда, по общимъ правиламъ юридическаго толкованія не терпятъ распространительнаго толкованія

(р. в. д. 1866 г. № 92). Поэтому, въ частности, и уголовный кассационный департаментъ призналъ, что «въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ движимой собственности, когда обвиняемый оправдывается принадлежностію ему похищеннаго, присвоеннаго или утаеннаго имущества, судъ уголовный, предъ опредѣленіемъ преступности дѣянія, разрѣшать, согласно 27 ст. уст. угол. суд., вопросъ о правѣ собственности на это движимое имущество» (1868 г. № 575 Салтыкова). Но сенатъ счелъ возможнымъ истолковать 27 ст. уст. угол. суд. въ томъ смыслѣ, что случаи, приведенные въ ней, какъ преюдиціальныя вопросы гражданского права, не исключительныя, а лишь примѣрные и выражаютъ ту мысль законодателя, что тѣ вопросы, которые разрѣшаются на основаніи предустановленныхъ доказательствъ гражданского права, не могутъ быть разсматриваемы уголовнымъ судомъ, а подлежатъ исключительно рѣшенію гражданского суда. Поэтому сенатъ, находя, что только въ исключительныхъ случаяхъ уголовный судъ можетъ разсматривать права собственности на движимыя имущества и права по обязательствамъ и договорамъ преподать судебнымъ мѣстамъ слѣдующія правила разграниченія подсудностей уголовной и гражданской: «Рѣшеніе гражданского суда должно предшествовать суду уголовному: 1) когда дѣйствительность и свойство событія или дѣянія, въ которомъ предполагается преступленіе, зависятъ отъ опредѣленія силы и значенія актовъ, установленныхъ закономъ и оспориваемыхъ одною изъ сторонъ; 2) когда требованіе имущественнаго удовлетворенія основывается на обвиненіи въ такихъ дѣйствіяхъ по обязательствамъ и договорамъ, или въ такихъ нарушеніяхъ законовъ о правѣ собственности на имущество, преступность которыхъ зависитъ отъ опредѣленія силы и пространства гражданскихъ правъ жалобщика и отъ разрѣшенія представленныхъ въ опроверженіе его жалобы объясненій, основанныхъ на документахъ; 3) когда свойство дѣянія зависитъ отъ разрѣшенія спора о правѣ собственности или по договору или обязательству; 4) или, когда опровергается самое существованіе гражданского права, нарушеніе котораго обвинитель пред-

ставляетъ какъ преступленіе; 5) когда нарушеніе или неисполненіе какой либо обязанности, основанной на договорѣ, различно объясняется обѣими заключившими его сторонами, и 6) когда преступное дѣяніе по договору или обязательству относится къ такому правонарушенію, о которомъ можно судить съ основательностью только по разсмотрѣніи какихъ либо вопросовъ гражданского права» (р. в. д. 1868 г. № 388 Потовскаго; того же года № 770 Зонть и 1869 г. № 767 Колтовскаго). «Такимъ образомъ», резюмируетъ сенатъ свой взглядъ на преюдиціальныя вопросы, «какъ относительно договоровъ и обязательствъ, нарушенныхъ преступнымъ дѣйствіемъ, такъ и относительно уголовныхъ обвиненій, парализуемыхъ принадлежащими обвиняемому гражданскими правами, общее правило, вытекающее изъ разума дѣйствующихъ законовъ, состоитъ въ томъ, что обсужденію преступнаго дѣянія должно предшествовать разсмотрѣніе въ порядкѣ гражданского суда вопросовъ, обуславливающихъ и опредѣляющихъ уголовное преслѣдованіе» (1868 г. № 770 Зонть).

Легко видѣть, что, ставъ на такую точку зрѣнія, сенатъ долженъ былъ уничтожить почти въ самомъ корнѣ возможность уголовного преслѣдованія за утайку прежде разсмотрѣнія дѣла въ гражданскомъ порядкѣ, такъ какъ утайка происходитъ изъ нарушенія гражданского права—отношенія между сторонами. И дѣйствительно, сенатъ относительно утайки раскинулъ такую густую и сложную сѣть казуистическихъ правилъ, заключеній и исключеній, что въ этой сѣти, въ этомъ лабиринтѣ, запутается всякій, и единственное средство выпутаться изъ этого лабиринта состоитъ въ томъ, чтобы разъ навсегда отказаться отъ уголовного преслѣдованія за утайку до признанія гражданскимъ судомъ дѣйствительности факта утайки и сообщенія о томъ уголовному суду чрезъ прокурора. Другими словами, единственнымъ средствомъ для уголовного суда представляется сложить на гражданскій судъ свою обязанность отправления уголовного правосудія относительно такого распространеннаго преступленія, какъ утайка. Такой выводъ не покажется парадоксальнымъ, если мы вспомнимъ, что сущность

утайки состоитъ въ отрицаніи или права собственника на переданную вещь, или обязанности виновнаго возвратить вещь или же, наконецъ, самаго факта передачи вещи. Во всѣхъ же этихъ случаяхъ, какъ уже выше сказано, сенатъ требуетъ предварительнаго разсмотрѣнія спорнаго предмета судомъ гражданскимъ. Этотъ выводъ подтвердится еще съ большою силою, если мы рассмотримъ массу рѣшеній сената, касающихся спеціально вопроса объ утайкѣ.

Такъ сенатъ призналъ подлежащими предварительному разсмотрѣнію гражданского суда:

1) Присвоеніе, продажу, поджигъ и вообще растрату заложеннаго имущества (рѣш. 1869 г. № 767 Кожтовскаго; рѣш. 1870 г. № 1557 Шумятскаго; рѣш. 1870 г. № 304 Афонасьева; рѣш. 1871 г. № 1482 Селиной).

2) Присвоеніе и растрату отданнаго на сохраненіе (рѣш. 1867 г. № 297 Тулушевыхъ; рѣш. 1868 г. № 946 Сыромятникова; рѣш. 1870 г. № 571 Максимова; рѣш. 1870 г. № 1111 Кукушкиной; рѣш. 1871 г. № 281 Луковникова; рѣш. 1871 г. № 652 Соколова; рѣш. 1871 г. № 1714 Колеръ).

3) Присвоеніе повѣренными денегъ, полученныхъ въ пользу довѣрителя, при возраженіи повѣреннаго, что онъ имѣлъ право получить деньги въ силу довѣренности (рѣш. 1869 г. № 580 Маграма и рѣш. 1870 г. № 1298 г. Мутежкина), или о расчетахъ у него съ довѣрителемъ (рѣш. 1871 г. № 360 Фавринадорова), или что деньги имъ уже возвращены довѣрителю (рѣш. 1873 г. № 609 Насонова).

4) Присвоеніе вещей лицомъ, которому онѣ были вѣрены, въ случаѣ возраженія его, что онъ ихъ купилъ (рѣш. 1870 г. № 849 Гөдлевскаго), и

5) Растрата хранителемъ имущества, описаннаго за долги, въ случаѣ возраженія хранителя, что подпись на описи сдѣлана не имъ (рѣш. 1873 г. № 373 Рознова).

Самый поверхностный взглядъ на этотъ далеко неполный перечень положеній сената о предпринятельныхъ вопросахъ гражданского права при утайкѣ доказываетъ, что сенатъ

преграждаетъ уголовному суду всякую возможность разбирать дѣла объ утайкѣ безъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла гражданскимъ судомъ. Съ одной стороны, уголовному суду нельзя разсматривать обвиненій въ присвоеніи заклада и имущества, отданнаго на храненіе, потому что договоры займа съ закладомъ и поклажи должны быть совершаемы письменнымъ порядкомъ (рѣш. 1869 г. № 767 и рѣш. 1871 г. № 1214), а съ другой—хотя сдѣлки могутъ быть совершены и не письменнымъ порядкомъ, но уголовный судъ все-таки не вправе разсматривать уголовныхъ дѣлъ, пронтекающихъ изъ такихъ сдѣлокъ, потому что обвиняемый заявляетъ, что онъ ввѣренное имущество купилъ, уже возвратилъ хозяину, или не обязанъ возвратить, потому что у него существуютъ расчеты съ хозяиномъ имущества. Но вѣдь отрицаніе обязанности возвращенія имущества и есть признакъ присвоенія или растраты и установить его, убѣдиться въ его наличности или отсутствіи, въ ложности или справедливости объясненій обвиняемаго и лежитъ на обязанности уголовного суда, обязаннаго констатировать на основаніи обстоятельствъ дѣла и доказательствъ всѣ элементы понятія утайки!.. Почему же именно провѣрять возвращенія обвиняемаго долженъ гражданскій, а не уголовный судъ? Почему именно вопросъ о приобрѣтеніи въ собственность имущества, въ кражѣ котораго обвиняется подсудимый, можетъ быть разсматриваемъ уголовнымъ судомъ (рѣш. кас. деп. 1870 г. № 1593), а этотъ же вопросъ при утайкѣ долженъ быть предварительно разрѣшенъ гражданскимъ судомъ?

58) Недоумѣнія и сомнѣнія возрастутъ еще съ большою силою, если мы просмотримъ другой рядъ рѣшеній, въ которыхъ сенатъ устанавливаетъ положенія, прямо противоположныя тѣмъ, которыя выше приведены. Такъ, изъ рѣшеній сената вытекаетъ, что предварительнаго разсмотрѣнія гражданскаго суда не требуютъ:

1) Присвоеніе и продажа вещей, полученныхъ въ закладъ (рѣш. 1866 г. № 67 Прокофьева; рѣш. 1868 г. № 434 Варсукова; рѣш. 1868 г. № 922 Масловой; рѣш. 1870 г. № 121 Девятина; рѣш. 1870 г. № 691 Лебедева).

2) Продажа имущества, отданного на хранение (рѣш. 1868 г. № 799 Макарова и 1869 г. № 331 Серито).

3) Присвоеніе повѣренными денегъ, полученныхъ для до-
вѣрителя, при утвержденіи повѣреннаго, что онъ имѣлъ право
на эти деньги по условію съ довѣрителемъ (рѣш. 1872 г.
№ 841 Ольшевскаго).

4) Присвоеніе ввѣренныхъ вещей при возраженіи винов-
наго, что онъ ихъ купилъ (рѣш. 1871 г. № 716 Болтвовскаго
и рѣш. 1871 г. № 998 Филиповской).

5) Присвоеніе приказчикомъ денегъ, при возраженіи, что
онъ на эти деньги купилъ товаръ для хозяина, что возвратилъ,
слѣдовательно, деньги товаромъ (рѣш. 1869 г. № 773 Кузьмина).

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы убѣдиться,
что рѣшенія сената противорѣчивы и не даютъ никакой руко-
водящей нити въ вопросѣ о томъ, какія дѣла объ утайкѣ тре-
буютъ предварительнаго разсмотрѣнія гражданского суда и ка-
кія могутъ быть рѣшаемы прямо уголовнымъ судомъ. Одни и
тѣ же возраженія, одни и тѣ же обстоятельства служатъ и въ
тоже время не служатъ обстоятельствами, требующими раз-
смотрѣнія гражданского суда. Какими же рѣшеніями сената
руководствоваться? Мнѣ могутъ указать на то, что въ нѣко-
торыхъ изъ только-что приведенныхъ рѣшеній сената вопросъ
о гражданской подсудности вовсе не возбуждался и поэтому
сенатъ и не высказывалъ своего мнѣнія въ этихъ рѣшеніяхъ;
напр. въ рѣшеніяхъ 1866 г. № 67, 1868 г. № 434, 1868 г.
№ 799, 1868 г. № 922 и 1870 г. № 691. Но что это за
нормы преюдиціальныхъ вопросовъ, которыя зависятъ отъ того,
указывается ли подсудимый на то, что дѣло должно подлежать
предварительному разсмотрѣнію гражданского суда, или не
указывается. Тамъ, гдѣ вопросъ долженъ быть преюдиціаль-
нымъ, гдѣ онъ считается таковымъ въ силу закона, указаніе
или молчаніе сторонъ никакого значенія не имѣетъ и судъ
самъ же приступать къ рѣшенію уголовного обвиненія, на-
ходящагося въ зависимости отъ этого вопроса. Уголовный судъ
самъ не приступитъ къ рѣшенію дѣла о злостномъ банкрот-
ствѣ, на примѣръ, не имѣя въ виду рѣшенія гражданского

суда о признаніи обвиняемаго несостоятельнымъ должникомъ злостнымъ, несмотря на то, что обвиняемый самъ признаетъ тѣ факты, которыми устанавливается злостное банкротство. Наоборотъ, гдѣ судъ самъ не обязанъ возбуждать вопроса о предсудимости, а долженъ выжидать возраженія стороны, тамъ о легальныхъ преюдиціальныхъ вопросахъ и рѣчи быть не можетъ. Между тѣмъ, сенатъ именно исходитъ изъ того, было ли въ томъ или другомъ случаѣ возраженіе о предсудимости, или не было (ср. напр. рѣш. 1868 г. № 799 съ 1869 г. № 331, 1868 г. № 922 съ 1871 г. № 1482). Очевидно, что норма, зависящая отъ возраженій сторонъ, не есть норма, не есть нѣчто постоянное и неизмѣнное, а искусственное правило, примѣнимое или непримѣнимое къ каждому данному случаю, смотря по желанію сторонъ и по усмотрѣнію суда. Впрочемъ, сенатъ самъ усмотрѣлъ несостоятельность установленныхъ имъ началъ предсудимости по вопросу объ утайкѣ и весьма замѣтно регрессивное движеніе его къ буквальному смыслу 27 ст. уст. угол. суд. и къ возможно большому ограниченію числа преюдиціальныхъ вопросовъ при этомъ преступленіи—утайкѣ. Такъ сенатъ высказалъ:

1) Предварительное разсмотрѣніе гражданскимъ судомъ дѣла объ утайкѣ необходимо только въ такомъ случаѣ, когда виновный оспариваетъ юридическій характеръ состоявшейся между нимъ и потерпѣвшимъ сдѣлки, или свойство возникающихъ отсюда послѣдствій (рѣш. 1869 г. № 1085, 1870 г. № 121). Въ частности:

2) Отдача вещей или денегъ не по договору о поклажѣ и не при тѣхъ условіяхъ, которыя законъ признаетъ необходимыми признаками договора о поклажѣ, а на временное сбереженіе, или на поддержаніе, не требуетъ предварительнаго разрѣшенія дѣла въ гражданскомъ порядкѣ и можетъ быть начинаема непосредственно въ уголовномъ порядкѣ (рѣш. 1871 г. № 1821 Межеровскаго; рѣш. 1871 г. № 1554 Фекина; рѣш. 1871 г. № 1649 Луппова; рѣш. 1871 г. № 1805 Байдумунова и Сагырова; рѣш. 1872 г. № 47 Кузнецова; рѣш. 1872 г. № 1591 Бѣлоусова).

3) Присвоеніе и растрата имущества, отданнаго подъ при-
смотръ, вслѣдствіе договора личнаго найма, подлежатъ разрѣ-
шенію непосредственно въ порядкѣ уголовного суда (рѣш.
1871 г. № 1631 Глазнова).

4) Вообще всѣ дѣла о присвоеніи и растратѣ вещей, по-
лученныхъ въ орудіе, на комиссію для продажи, перевозки,
доставки, передачи, починки, выдѣлки, передѣлки начинаются
непосредственно въ уголовномъ порядкѣ безъ разсмотрѣнія
дѣла гражданскимъ судомъ (рѣш. 1869 г. № 753 Проценко;
рѣш. 1870 г. № 270 Попова; рѣш. 1870 г. № 459 Багаут-
динова; рѣш. 1871 г. № 139 Оуфе; рѣш. 1871 г. № 1046
Соловьева).

59) Судѣамъ такіа ограниченія вопросовъ преюдиціаль-
ныхъ при утайкѣ, сенатъ однакожъ упорно держится того мнѣ-
нія, что утайка отданнаго на сохраненіе и въ закладъ тре-
буетъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла гражданскимъ су-
домъ, такъ какъ поклажа и заемъ съ закладомъ требуютъ
особыхъ предустановленныхъ закономъ письменныхъ доказа-
тельствъ, на разсмотрѣніе силы и значенія которыхъ компе-
тентенъ лишь гражданскій, а не уголовный судъ (1667, 2106
и слѣд. ст. X т. 1 ч., рѣш. кас. деп. 1871 г. № 1481;
1871 г. № 652). Относительно присвоенія поклажи, сенатъ
въ подтвержденіе своего взгляда ссылается еще на то, что для
дѣлъ по сохраннымъ роспискамъ существуютъ особыя поста-
новленія (2100—2125 ст. X т. 1 ч.), въ которыхъ подробно
указаны случаи и порядокъ передачи дѣлъ изъ суда граж-
данскаго въ уголовный судъ (рѣш. 1868 г. № 946)¹⁾. Но
и эти соображенія не выдерживаютъ серьезной критики. Раз-
смотрѣніе и оцѣнка письменныхъ документовъ, какъ и вообще
всякаго рода доказательствъ въ дѣлѣ, лежитъ на обязанности
того судебного мѣста, которое разсматриваетъ дѣло по су-
ществу. Предварительное разсмотрѣніе письменныхъ актовъ
гражданскимъ судомъ не избавитъ уголовный судъ отъ разсмотрѣ-
нія и оцѣнки тѣхъ же документовъ при производствѣ уголов-

¹⁾ Этого же мнѣнія держится консультація министерства юстиціи. См. Да-
вилова, указатель стр. 68.

наго дѣла, такъ какъ немислимо насиловать убѣжденіе и совѣсть судей, рѣшающихъ вопросъ о виновности или невинности человѣка, какими-нибудь заранее установленными фактами и доказательствами. Невозможно думать, чтобы признаніе, напр., гражданскимъ судомъ факта займа съ залогомъ лишало уголовный судъ возможности отвергнуть заемъ съ залогомъ и признать, что подѣ выдачею заемнаго письма, обеспеченнаго залогомъ, скрывалась совсѣмъ другая сдѣлка, или что вещи, данныя въ обеспечение займа, принадлежали самому залогодержателю, или имъ приобрѣтены въ собственность послѣ залога отъ залогодателя. Иначе выходило бы, что вопросъ о виновности или невинности рѣшался бы не уголовнымъ, а гражданскимъ судомъ и роль уголовного суда состояла бы только въ примѣненіи известной статьи уголовного закона къ тѣмъ фактамъ, которые признаны гражданскимъ судомъ. Но это, очевидно, невозможно и опровергается требованіемъ 28 ст. уст. угол. суд. о надлежномъ производствѣ уголовного суда для опредѣленія уголовной отвѣтственности обвиняемаго, несмотря на обнаруженіе преступленія при разсмотрѣніи дѣла гражданскимъ судомъ. Что же касается до указанія на 2100—2125 ст. X т. 1 ч., опредѣляющихъ будто бы порядокъ возбужденія уголовныхъ дѣлъ о покражахъ, по разсмотрѣніи этихъ дѣлъ гражданскимъ судомъ, то это указаніе лишено всякаго основанія. Гражданскіе законы не могутъ содержать въ себѣ какихъ-либо указанія и правила о порядкѣ возбужденія и преслѣдованія уголовныхъ дѣлъ, такъ какъ подобныя указанія выходятъ за предѣлы задачи гражданского права, а относятся всецѣло въ области уголовного права и судопроизводства. Если же въ X т. и содержатся 2107 и 2117 ст., говорящія объ отвѣтственности виновныхъ въ присвоеніи покражи по 1681 и 1682 ст. уложенія о нак., то эти статьи не что иное, какъ кодификаціонныя ссылки, а вовсе не матеріальныя опредѣленія объ уголовномъ преслѣдованіи за утайку. Иначе, если буквально придерживаться этихъ 2107 и 2117 ст. X т. 1 ч., пришлось бы всякую утайку покражи наказывать по 1681 и 1682 ст. ул. и отнюдь не по 177 ст.

мир. уст., на которую не сдѣлано ссылки въ этихъ (2107 и 2117) статьяхъ, что, очевидно, невозможно. Кроме того, ни въ одной изъ этихъ статей нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы гражданское производство должно было предшествовать уголовному и безъ 1-го послѣднее не могло бы имѣть мѣста. Въ этихъ статьяхъ устанавливаются матеріальныя правила взысканія по сохраннымъ роспискамъ и, между прочимъ, указывается, что, сверхъ гражданскихъ взысканій, виновные въ утайкѣ поклажи подлежатъ уголовнымъ послѣдствіямъ, опредѣленнымъ въ улож. о наказ. Такимъ образомъ, уголовный кодексъ всецѣло долженъ опредѣлить составъ преступленія утайки и порядокъ ея преслѣдованія, а отнюдь не гражданскій сводъ законовъ. Ссылка гражданскихъ законовъ на уголовный кодексъ равно никакого значенія не имѣетъ, ни къ чему не обязываетъ ни гражданскій, ни уголовный судъ и является, въ числѣ статей гражданского свода, излишнимъ балластомъ, придающимъ ему не здоровую полноту, а болѣзненную тучность. Эти ссылки должны быть выброшены изъ гражданского свода, какъ загромождающія въ немъ вовсе неподлежащее имъ мѣсто, а дающія лишь поводъ къ невѣрнымъ выводамъ о порядкѣ возбужденія уголовныхъ дѣлъ объ утайкѣ поклажи.

60) Признавая невозможность ставить уголовное преслѣдованіе за утайку заклада въ зависимость отъ рѣшенія гражданского суда, такъ какъ во многихъ случаяхъ закладныя вовсе не совершаются и несоблюденіе этой, требуемой гражданскимъ закономъ, формальности влечетъ за собою полную безнаказанность за присвоеніе заложенныхъ вещей, а это ослабляетъ уголовную репрессію, сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Фелибока (сб. 1873 г. № 186) высказалъ: «что для обвиненія въ присвоеніи заложенныхъ вещей необходимо признаніе дѣйствительности займа съ залогомъ, т.-е. такой сдѣлки, совершеніе которой можетъ быть доказано лишь письменнымъ актомъ; но если, на этомъ основаніи, залогодатель, не заключившій условія относительно закладываемыхъ имъ вещей, лишаетъ себя требуемаго закономъ доказательства къ обвиненію въ присвоеніи отданнаго имъ въ залогъ имущества, то изъ

этого еще не слѣдуетъ, чтобы заимодавецъ, принимающій чужую собственность въ залогъ безъ письменной сдѣлки, освобождался отъ всякой отвѣтственности за несоблюденіе по сему предмету требованій закона, установленныхъ съ цѣлью огражденія какъ правъ заимодавца на заложенное имущество при неустойкѣ закладчика, такъ и послѣдняго отъ произвольнаго присвоенія заложенного имъ имущества, такъ какъ нельзя не признать, что въ подобныхъ случаяхъ занимающіеся въ видѣ ремесла ссудою подъ залогъ движимаго имущества, не будучи заключенія по сему предмету всякихъ письменныхъ условій, тѣмъ самымъ не ограждаютъ себя отъ отвѣтственности по обвиненію ихъ въ присвоеніи чужаго имущества однимъ изъ противозаконныхъ способовъ, предусматриваемыхъ во 2 и 4 пп. 174 и 177 ст. уст. о нак.». Такимъ образомъ сенатъ призналъ, что несовершенство формальнаго акта о закладѣ не лишаетъ однакожъ судъ возможности преслѣдовать за утайку лицъ, занимающихся ссудою подъ залогъ движимаго имущества въ видѣ ремесла. Другими словами: сенатъ сдѣлалъ уступку относительно присвоенія заклада лицами, занимающимися ссудою подъ закладъ въ видѣ ремесла, точно также, какъ онъ сдѣлалъ уступку относительно присвоенія отданнаго на *сбереженіе*, въ отличіе отъ присвоенія отданнаго на *сохраненіе*. Но всякій пойметъ, что подобныя частичныя уступки, колебля въ самомъ корнѣ начала предсудимости, установленныя сенатомъ, сами по себѣ не оправдываются никакими логическими соображеніями. Вопреки мнѣнію сената о различіи понятій «сбереженіе» и «сохраненіе», эти два термина—совершенные синонимы и самъ законъ употребляетъ эти два термина, какъ однозначашіе, говоря, что «принявшій имущество на *сохраненіе*, обязанъ употреблять стараніе къ *сбереженію* онаго» (2105 ст. Х т. 1 ч.), такъ что договоръ о сохраненіи имущества состоитъ именно въ исключительной обязанности сбереженія этого имущества. Во всякомъ случаѣ, законъ не знаетъ различія сдѣлокъ отдачи на сохраненіе и на сбереженіе и различіе это искусственное и, какъ таковое, непригодное для принципіальнаго подраздѣленія сдѣлокъ на требующія

предварительнаго разсмотрѣнія гражданскаго суда и на могущія прямо начинаться въ уголовномъ судѣ. Далѣе, законъ не устанавливаетъ никакихъ особенно невыгодныхъ послѣдствій для лицъ, занимающихся отдачею въ ссуду подѣ закладъ движимаго имущества въ видѣ ремесла. Ему извѣстна покупка заведомо краденаго въ видѣ ремесла, какъ обстоятельство усиливающее наказаніе, но не отдача въ ссуду въ видѣ ремесла. Поэтому устанавливать какія-нибудь особыя правила для преслѣдованія лицъ, занимающихся отдачею въ ссуду подѣ заклады, представляется невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что вопросы преюдиціальныя относятся къ извѣстнаго рода дѣламъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть особаго примѣненія въ отношеніи тѣхъ или другихъ лицъ. Слѣдовательно, признаніе сенатомъ, что лица, занимающіяся ссудою подѣ закладъ въ видѣ ремесла, могутъ подлежать преслѣдованію за присвоеніе и растрату имущества, принятаго ими въ закладъ, безъ предварительнаго разсмотрѣнія вопроса о займѣ съ закладомъ въ гражданскомъ судѣ, есть какое-то *privilegium vitiosum*, какое-то особое неблаговоленіе закона къ этимъ лицамъ. Но гдѣ же этотъ законъ? Его нѣтъ и быть не можетъ. Лица эти являются привилегированными, подлежащими преслѣдованію за утайку заклада прямо въ уголовномъ судѣ только по толкованію сената. Но отчего же именно эти лица, а не другія? Развѣ могутъ быть вопросы преюдиціальныя для отдѣльныхъ лицъ? Очевидно, что сенатъ допустилъ преслѣдованіе этихъ лицъ за утайку заклада, даже при отсутствіи формальнаго акта займа съ закладомъ потому, что предварительное обсужденіе дѣла гражданскимъ судомъ въ этихъ случаяхъ равносильно оставленію поступковъ ихъ безнаказанными и это болѣе всего бросалось въ глаза своею вопіющею несправедливостью. Но если преслѣдованіе помимо гражданскаго суда возможно для однихъ лицъ, то оно возможно и для другихъ, такъ какъ важенъ принципъ, а не лица. Въ результатѣ, слѣдовательно, остается то, что присвоеніе отданнаго на сохраненіе и полученнаго въ закладъ можетъ подлежать преслѣдованію прямо въ уголовномъ судѣ и не требуетъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла

гражданскимъ судомъ. Но затѣмъ же тогда цѣлая искусственная теорія о преюдиціальныхъ вопросахъ, когда эта теорія на каждомъ шагѣ подрывается и примѣняется или не примѣняется, смотря потому, какое названіе носить сдѣлка (сохраненіе или сбереженіе) и больше или меньше зла можетъ причинить тотъ или другой субъектъ совершеніемъ утайки (лица, занимающіяся ссудою въ видѣ ремесла). Вся эта искусственная и произвольная классификація сдѣлокъ и лицъ должна пасть, какъ не имѣющая никакой твердой почвы подъ собою и какъ подкапывающая твердыя и неизбѣжныя опредѣленія закона о преюдиціальныхъ вопросахъ, данныя 27 ст. уст. угол. суд.

61) Да и то основаніе, которое принято для того, чтобы создать такую искусственную, полную противорѣчій и исключеній, теорію преюдиціальныхъ вопросовъ, не настолько серьезно, чтобы изъ-за него можно было жертвовать буквальнымъ смысломъ закона, изображеннаго въ 27 ст. уст. гражд. суд. Говорятъ: 1) «установленные закономъ акты и обязательства, служащіе удостовѣреніемъ различнаго рода имущественныхъ и торговыхъ сдѣлокъ, имѣютъ свое значеніе, свою обязательную силу, смотря по свойству тѣхъ сдѣлокъ, удостовѣреніемъ которыхъ они должны служить по закону; эту обязательную силу формальныхъ актовъ законъ ввѣряетъ охраненію гражданскихъ судебныхъ мѣстъ, которые разрѣшаютъ всякаго рода споры, по сдѣлкамъ этимъ возникающіе, на основаніи права гражданскаго и въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства. Уголовному же суду, въ особенности суду присяжныхъ, основанному на совершенно иныхъ началахъ и преслѣдующему иные цѣли, невозможно предоставить рѣшеніе подобнаго рода вопросовъ безъ явнаго ущерба правосудію гражданскому» (рѣш. кас. деп. 1868 г. № 388 Постовскаго). Этотъ доводъ не выдерживаетъ критики. Уголовный судъ вовсе не принимаетъ на себя обязанности разсматривать силу и значеніе актовъ для того, чтобы опредѣлить, какой именно формѣ и какому именно юридическому опредѣленію соответствуетъ тотъ или другой актъ. Онъ только разрѣшаетъ вопросъ

о винѣ или невинности лица въ извѣстномъ преступномъ дѣяніи и принимаетъ письменные документы какъ доказательство уголовной виновности, наравнѣ со всякими другими доказательствами. Въ этой формѣ онъ обязанъ будетъ принимать письменные документы и тогда, когда значеніе этихъ документовъ будетъ уже заранѣе опредѣлено гражданскимъ судомъ, такъ какъ опредѣленіе гражданского суда ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято присяжными за нѣчто неопровержимое при разрѣшеніи вопроса о винѣ на основаніи не однихъ только этихъ письменныхъ документовъ, но и другихъ доказательствъ ¹⁾).

2) Говорятъ далѣе, что предоставленіе уголовному суду разрѣшать вопросы гражданского права нарушитъ единство началъ гражданского и уголовного правосудія и поставить ихъ въ непримиримое противорѣчіе между собою. Но это опасеніе ни на чемъ не основано. Допустимъ, что гражданскій судъ, въ виду неформальности сохранной росписки, не признаетъ поклажи, тогда какъ уголовный судъ, на основаніи совокупности всѣхъ доказательствъ, представленныхъ въ дѣлу, признаетъ, что поклажа была и что она присвоена обвиняемымъ. Но такое различіе результатовъ гражданского и уголовного суда нисколько не колеблетъ правосудія. Оно вытекаетъ непосредственно изъ различія основъ, на которыхъ построены гражданскій и уголовный процессы. Основаніе гражданского процесса—формальная истина, разсмотрѣніе судомъ того, что угодно предложить на его разсмотрѣніе сторонамъ. Наоборотъ, основаніе уголовного правосудія—матеріальная истина, раскрытіе всѣми законными средствами дѣйствительности того событія, въ которомъ заключаются признаки преступления ²⁾). Да и тоже разнорѣчіе замѣтится и тогда, когда гражданскій судъ разсмотритъ предварительно вопросы гражданского права. Положимъ, что гражданскій судъ признаетъ, что сдѣлка о передаче имущества составляла собою договоръ объ отдачѣ имуще-

¹⁾ См. Неклюдовъ, руководство, I, 94—98.

²⁾ См. Буцковскаго, „Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20-го ноября 1864 г.“, стр. 498—497, 536 и 537.

ства на сохраненіе. Но развѣ уголовный судъ, по провѣрѣ доказательствъ, лишень будетъ возможности утверждать, что сохранная росписка выдана взаменъ долговаго обязательства? Развѣ уголовный судъ долженъ будетъ отвергнуть показаніе свидѣтелей, или даже признаніе потерпѣвшаго, что онъ никакого имущества на сохраненіе не отдавалъ, а сохранная росписка была выдана ему для обезпеченія известной суммы денегъ послѣ смерти обвиняемаго? Очевидно нѣтъ. Къ чему же тогда ведетъ обязательное разрѣшеніе гражданскимъ судомъ вопроса о значеніи сдѣлки?

3) Говорятъ, наконецъ, что «въ видахъ охраненія и точнѣйшаго опредѣленія всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ правъ на имущество наши законы требуютъ укрѣпленія этихъ правъ посредствомъ различнаго рода актовъ, установленнымъ порядкомъ совершаемыхъ (зак. гражд. ст. 707, пол. о нотар. части, ст. 65, 66 и 157—160), и не допускаютъ представленія свидѣтелей въ доказательство тѣхъ событій, для которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе (уст. гражд. суд. ст. 409). Если бы при существованіи этихъ правилъ дозволялось, по желанію частныхъ лицъ, возбуждать уголовное преслѣдованіе по обвиненіямъ, состоящимъ въ зависимости отъ вопросовъ гражданского права, прежде рассмотрѣнія этихъ вопросовъ въ порядкѣ гражданского суда, т.-е. если бы дозволялось доказывать непосредственно на судѣ уголовномъ совершеніе, содержаніе и исполненіе или неисполненіе договоровъ и обязательствъ, то при допущеніи на этомъ судѣ всѣхъ родовъ доказательствъ и при опредѣленіи ихъ силы единственно по внутреннему убѣжденію судей, а не по установленнымъ въ уставѣ гражданского судопроизводства правиламъ о силѣ различнаго рода актовъ, тяжущіеся имѣли бы полную возможность обходить такимъ образомъ требованія законовъ, чтобы права на имущество укрѣплялись соответствующими имъ актами и чтобы въ доказательство этихъ правъ представлялись не свидѣтельскія показанія, а письменныя удостовѣренія. Попятно, что лица, не озаботившіяся объ укрѣпленіи своихъ правъ

на имущество установленнымъ порядкомъ и не исполнившія въ этомъ отношеніи требованій закона, всегда будутъ охотно прибѣгать къ уголовному суду, въ надеждѣ доказать чрезъ свидѣтелей, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, такія сдѣлки, на которыя у нихъ нѣтъ письменныхъ доказательствъ (рѣш. сен. 1868 г. № 770 Зонтъ). Но, во-1-хъ, никому не запрещено обращаться прямо въ уголовный судъ, если заявляемая имъ жалоба заключаетъ въ себѣ признаки преступленія; 2) такова уже система доказательствъ уголовного процесса, что она допускаетъ всякаго рода доказательства, въ томъ числѣ и такія, которыхъ не допускаетъ гражданскій процессъ, что доказательства уголовныя шире доказательствъ гражданскихъ; 3) мы выше видѣли уже, что самъ сенатъ призналъ возможнымъ преслѣдовать прямо въ уголовномъ судѣ лицъ, занимающихся ссудою денегъ подъ закладъ движимаго имущества въ видѣ ремесла, несмотря на то, что заемъ съ залогомъ требуетъ совершенія письменнаго акта. Другими словами, сенатъ призналъ возможнымъ доказывать фактъ заклада не одними письменными доказательствами, а всякими другими, преимущественно свидѣтельскими показаніями ¹⁾.

По всѣмъ симъ соображеніямъ и въ виду: 1) яснаго и опредѣлительнаго смысла 27 ст. уст. угол. суд., считающей вопросомъ преюдиціальнымъ лишь вопросъ о правѣ собственности на недвижимое имущество; 2) ограничительнаго толкованія постановленій закона о преюдиціальныхъ вопросахъ, какъ ограничивающихъ компетентность уголовного суда въ разрѣшеніи дѣлъ, и 3) казуистичности, непослѣдовательности и противорѣчивости началъ, установленныхъ сенатомъ по вопросу о столкновеніи гражданской и уголовной подсудности, — я прихожу къ заключенію, что утайка подлежитъ преслѣдованію непосредственно въ уголовномъ порядкѣ и всѣ вопросы о силѣ, значеніи и содержаніи обязательствъ и сдѣлокъ,

¹⁾ См. также возраженія противъ этого довода сената у г. Неклюдова, руководство, I, стр. 95—98.

въ силу которыхъ имущество переходитъ въ руки виновнаго, подлежатъ также разсмотрѣнію уголовного суда и не могутъ останавливать уголовное производство впредь до разрѣшенія этихъ вопросовъ судомъ гражданскимъ.

А. Гасманъ.

Права женщинъ по законамъ черниговской и полтавской губерній.

Въ небольшемъ очеркѣ постараемся разъяснить содержащіяся въ сводѣ законовъ особыя постановленія, дѣйствующія въ черниговской и полтавской губерніяхъ, о гражданскихъ правахъ женщинъ. Въ нашемъ изложеніи прежде всего будемъ имѣть въ виду цѣль практическую: вѣрное пониманіе закона, для правильнаго примѣненія его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣніе мѣстныхъ законовъ сравнительно съ общими можетъ указать отчасти тѣ недостатки или преимущества, которыя оказываются въ послѣднихъ, и послужить къ разрѣшенію часто повторяемаго вопроса: стоятъ ли мѣстные законы того, чтобы дорожить ими, вносить ли они какія-либо новыя начала, непріятыя сводомъ законовъ, или составляютъ только новую прибавку къ пестротѣ его. Этотъ вопросъ приобретаетъ особенный интересъ при общемъ сознаніи коренныхъ недостатковъ законодательства по отношенію къ правамъ женщинъ и притомъ не только нашего, но и западно-европейскихъ. Постепенное развитіе общественнаго быта, внимательное изученіе его нуждъ и потребностей сами собою выдвинули такъ-называемый женскій вопросъ. Люди съ самымъ

ретрограднымъ направленіемъ начинаютъ постигать притѣненное положеніе женщины, гибельное отраженіе его на семьѣ, въ которой женщинѣ сама природа дала важный постъ и вліятельное положеніе, какъ воспитательницѣ будущаго поколѣнія; побитые въ своихъ мечтахъ о превосходствѣ и преобладаніи одного пола надъ другимъ живыми фактами, указывающими на явный вредъ этого владычества и жалкой участи женщины, они волею неволею должны поступиться своими мечтами, по крайней мѣрѣ, въ улучшеніи этой участи. Удобную почву для такихъ уступокъ современнымъ требованіямъ въ широкой области женскаго вопроса представляетъ почва гражданскихъ правъ: самая вопіющая необходимость указываетъ на уравниеніе въ этихъ правахъ мужчины и женщины, такъ какъ, признавая главенство мужчины, законъ обязанъ охранить женщину отъ произвола власти; ограничивая ея дѣятельность семейнымъ кругомъ и стѣсняя ее въ другихъ сферахъ, тѣмъ самымъ долженъ обезпечить ее въ матеріальномъ положеніи, въ средствахъ къ жизни.

Съ этой стороны наше законодательство выставляется образцомъ даже для западной Европы: нашъ законъ давно уже провозгласилъ идею равноправности мужчины и женщины въ имущественныхъ и личныхъ правахъ; казалось бы, намъ ничего болѣе и не слѣдуетъ желать въ отношеніи къ гражданскимъ правамъ женщинъ. Но дѣло въ томъ, что, принявъ такую идею въ основаніе гражданскихъ правъ, наше законодательство не примѣнило ее ко всѣмъ юридическимъ отношеніямъ, возникающимъ изъ семейнаго быта; нерѣдко, опредѣляя и устанавливая ихъ, оно подчиняется другимъ началамъ, ставящимъ женщину въ болѣе тягостное положеніе, чѣмъ законы, не признающіе равноправности; еще чаще ничѣмъ не обезпечиваетъ охраненіе равноправности и такою шаткостью правъ обрекаетъ женщину на безвыходность и нищету. Хотя по общему юридическому началу законныя опредѣленія одинаково относятся къ обоимъ поламъ, если въ этихъ опредѣленіяхъ не сдѣлано изыатія, такъ что въ сомнительномъ случаѣ опредѣленіе, относящееся повидимому только къ мужчинамъ, должно распространять и на женщину (русск. гражд. право Мейера, общ. часть, изд. 1858 г., вып.

2, стран. 23), хотя такое начало вполне согласно съ основною идеею нашего закона; но тѣмъ не менѣе уклоненіе отъ нея въ отдѣльныхъ постановленіяхъ приводитъ къ такимъ выводамъ, по которымъ, прилагая законъ къ дѣйствительности, задаются вопросы: имѣетъ ли женщина право на то или другое дѣйствіе, можетъ ли она быть повѣреннымъ, имѣетъ ли право на тотъ или другой трудъ. Здѣсь не мѣсто указывать всѣ случаи отступленія нашихъ законовъ отъ основной идеи, но, имѣя въ виду самую идею, постараемся разяснить, насколько близки къ ней и внимательны къ положенію женщины постановленія мѣстнаго закона.

Юридическое положеніе семьи, какъ основы общества, упирается своими корнями въ исторію, зависитъ отъ многообразныхъ явленій, подъ вліяніемъ которыхъ сложился общественный строй, отъ обычаевъ и правовъ того или другого народа; нерѣдко проходятъ цѣлыя вѣка, не оставляя за собою слѣда на тѣхъ юридическихъ опредѣленіяхъ, которыми обставился семейный бытъ; ихъ дополняютъ и видоизмѣняютъ правила, занимаемая у самой жизни, помимо законныхъ постановленій, — у обычаевъ, тоже имѣющихъ своихъ указателей въ исторіи. Поэтому невозможно объяснить себѣ смыслъ и значеніе семейныхъ законовъ въ данный моментъ, не спросивши отчета о нихъ у исторіи. Въ своемъ мѣстѣ (Журн. Гражд. и Угол. Права 1876 г. № 4) изложены нами историческія событія, давшія литовскій статутъ, изъ котораго взяты законы черниговской и полтавской губерній; уже объяснено близкое родство постановленій этого законодательнаго памятника съ постановленіями общаго закона: оба черпали ихъ изъ одного источника — изъ обычаевъ, сложившихся на Руси и перенесенныхъ въ Литву. Поэтому, разясняя историческій смыслъ мѣстныхъ постановленій, нельзя обойтись безъ общей русской исторіи, безъ указанія тѣхъ бытовыхъ данныхъ, которыя повліяли на семейныя отношенія.

Историческое развитіе нашихъ семейныхъ отношеній и правъ женщины зависѣло, какъ и вездѣ, отъ общественнаго устройства, обусловленнаго характеромъ народа и ходомъ исто-

рическихъ событій. Первые зародыши общественной жизни лежали въ образованіи отдѣльныхъ семей и родовъ, и уже впоследствии, мало по малу сходясь между собою, сближаясь вслѣдствіе общихъ нуждъ, потребностей, занятій, со-сѣдства, внѣшнихъ опасностей, роды сливались въ общій союзъ. Въ такихъ маленькихъ обществахъ, какъ семья и родъ, отдѣльная личность не имѣла своего значенія, поглощалась семьей; каждая семья представляла собою отдѣльное общество, по нынѣшнимъ понятіямъ особое государство, принадлежность къ которому опредѣлялась сожительствомъ. Кто выдѣлялся изъ семьи и рода, тотъ тѣмъ самымъ переставалъ принадлежать къ нему. Жены приобрѣтались изъ чужой семьи покупкою дѣвицъ или силою; во всякомъ случаѣ онѣ не принадлежали уже къ той семьѣ, изъ которой были взяты, включались въ составъ новой семьи. Все, что принадлежало семьѣ, составляло общую ея собственность. Когда роды стали сходиться между собою и группироваться въ общій союзъ, то связь эта не простиралась далѣе дѣлъ, общихъ всему союзу, не проникала въ семью, не касалась ея замкнутости, ея самостоятельности; эти общія дѣла рѣшались представителями родовъ и семей. Но съ теченіемъ времени новыя связи семей не могли не повліять на нихъ самихъ; посредствомъ браковъ узы родства и свойства стали расширяться далѣе общаго сожительства; узы родства и свойства не ограничивались этимъ предѣломъ, но признавались и въ томъ случаѣ, когда родичи и свояки не жили вмѣстѣ. Изъ общей собственности семьи стала выдѣляться личная собственность отдѣльныхъ членовъ семьи. Въ этомъ новомъ положеніи мало по малу явилось сознаніе, что женщина, вышедшая замужъ, не прекращаетъ вполне своей связи съ тою семьей, въ которой она родилась и жила до замужества. Вмѣсто покупки невѣсты, мало по малу образовалась выдача невѣсты замужъ, по соглашенію семей, съ приданнымъ.

Связями родовъ подготовлена была почва для новаго союза — государственнаго. Въ одномъ мѣстѣ родовыя связи окрѣпли настолько, что изъ малыхъ союзовъ образовали большой и, не подчиняясь внѣшнему давленію пришлыхъ дружинъ, оста-

лись самостоятельными и въ своемъ союзѣ установили свое независимое управленіе. Такъ было на сѣверѣ Россіи и продолжалось во весь періодъ до присоединенія этихъ новыхъ союзовъ къ московскому государству. Иначе устроились общественные союзы въ другой части Россіи: здѣсь варяго-русскія дружины подчинили ихъ своему господству. Но, захвативъ государственную власть, онѣ сами подчинились условіямъ внутренняго быта покоренныхъ родовъ и семей, давъ ему только другое направленіе. Жизнь государственная проявлялась въ дружинномъ порядкѣ и управленіи подъ начальствомъ князей. Затѣмъ съ принятіемъ христіанской вѣры церковь явилась новымъ средоточіемъ общественной жизни. Различіе въ общественномъ строѣ Руси отразилось и на семейномъ бытѣ. На сѣверѣ независимость общественного союза охраняла право собственности семей на землю, способствовала развитію общинной собственности; семейные узы были крѣпче, старинные нравы и порядки охранялись и держались прочнѣе. Эти начала крѣпкаго семейнаго союза, не распатаннаго общественнымъ устроивъ, мы видимъ въ псковской судной грамотѣ XV вѣка. По ея постановленіямъ, имущество представляется нераздѣльнымъ достояніемъ семьи, какъ цѣлое, какъ хозяйство; послѣ умершаго оно достается тому или тѣмъ, кто остается въ его домѣ и вѣдаетъ дѣлами дома. Если сынъ отдѣлится отъ отца или матери и не прокормитъ ихъ до смерти, то и не наследуетъ послѣ нихъ. Кто живетъ съ умершимъ, тотъ и наследуетъ: отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра и вообще близкіе родственники. Невозможно опредѣлить порядокъ, въ которомъ члены семьи наследовали другъ другу: собственно говоря, наследуетъ не лицо, а вся наличная семья. Лицо поглощалось семьей, исчезало въ ней. Слѣды этого семейнаго быта находимъ и въ настоящее время у крестьянъ, особенно великорусскихъ. Пока хозяйство остается нераздѣльнымъ, все имущество принадлежитъ дому, семьѣ, самые заработки поступаютъ въ общую казну. Старшій въ домѣ распоряжается общимъ хозяйствомъ. Если кто умретъ изъ семьи, то, при нераздѣльномъ имуществѣ семьи, никто изъ членовъ ея и не наследуетъ;

такъ что понятіе объ отдѣльномъ имуществѣ членовъ семьи и наслѣдованіи ихъ другъ другу есть уже понятіе новое, проникшее въ сельское населеніе вслѣдствіе усвоенія болѣе и болѣе развивающагося и распространяющагося начала гражданской личности; съ усвоеніемъ этого начала мало по малу разлагаются въ немъ и старые обычаи.

Другія начала постепенно водворяются въ семейномъ бытѣ въ остальной Руси, также подъ вліяніемъ общественнаго и государственнаго строя. Съ установленіемъ дружиннаго порядка подъ управленіемъ князя и съ принятіемъ христіанской вѣры по настояніямъ князей, мало по малу поземельная собственность очутилась въ рукахъ князей, слугъ княжескихъ и церкви. Конечно, новыя начала проникли не вдругъ и сами подчинились старымъ въ извѣстной степени. Конечно, сами приближенные князя, подъ вліяніемъ прежняго домашняго быта, могли удержать въ семьѣ и родѣ собственность на землю, бывшую въ ихъ владѣніи; но права ихъ на землю стали зависѣть отъ службы князю и его милости. Подчиняясь прежнему порядку, княжескій родъ во всемъ его составѣ былъ наслѣственнымъ обладателемъ русской земли, члены его не имѣли права отдѣльной собственности и владѣли частями земли по порядку старшинства и преемства. Но впослѣдствіи Русь раздѣлилась на отдѣльныя княжества, которыя въ свою очередь раздробились на части; княжескія владѣнія обратились въ частную собственность владѣтельныхъ князей съ нѣкоторыми державными правами. Лица, составлявшія дружину, слуги князей получали отъ князей города и области въ управленіе, очень похожее на частное владѣніе; впослѣдствіи приближенные князя получали отъ него землю въ собственность, которая находилась въ нѣкоторой зависимости отъ князя. Съ развитіемъ московскаго единодержавія удѣльные князья уравнились въ правахъ личныхъ и по имуществу съ правами слугъ великаго князя, къ которому они стали переходить на службу и отъ котораго жаловались землями. Такимъ образомъ, съ устройствомъ и развитіемъ владычества князей, водворился государственный порядокъ, проникавшій во всѣ области частнаго и граждан-

скаго быта до такой степени, что опредѣленіе границъ между ними становится почти невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что составныя части государственнаго и частнаго быта сливались и мало разграничивались; великій князь былъ верховнымъ обладателемъ русской земли, отъ него получались права частныхъ лицъ на землю; званіе слуги государя проникало общественную и частную жизнь со всѣхъ ея сторонъ; чрезъ лицо власть простиралась и на собственность; на ней отражался служебный характеръ лица. Впослѣдствіи этотъ характеръ частной собственности не уничтожился, а только смягчился въ различіи вотчинъ и помѣстьевъ: послѣднія давались во временное владѣніе тому, кто не имѣлъ вотчины для отправленія государственной службы; но вотчинникъ такъ же обязанъ былъ къ службѣ, какъ и владѣющій помѣстьемъ. Мало по малу помѣстья слились съ вотчинами; но тѣ и другія подчинялись требованіямъ государственной пользы. Такимъ образомъ, историческая судьба русскаго государства сильно вліяла на частную жизнь и собственность и проявила въ ней слѣдующія характерныя черты: 1) частная собственность и частная личность хотя и выдѣлились изъ семьи и рода, но были значительно ослаблены государственными интересами, приняли въ отношеніи къ нимъ характеръ служебный. Преобразованія Петра Великаго не только не способствовали развитію частной собственности, а, напротивъ, подчиняли ее государственнымъ нуждамъ; только при императрицѣ Екатеринѣ II за дворянствомъ, какъ служилымъ сословіемъ, юридически признано право независимой и самостоятельной собственности, а въ XIX вѣкѣ право приобрѣтать собственность распространено на всѣ свободныя состоянія, и только въ настоящее царствованіе это право утверждено за несвободными состояніями. Послѣдствіемъ такого историческаго хода частной жизни и собственности было слабое развитіе ихъ, недостатокъ юридическихъ опредѣленій относительно правъ личности и собственности и предоставленіе обычаямъ и теченію самой жизни дополнять пробѣлы въ законахъ. 2) Такъ какъ права и преимущества гражданской жизни были даны слу-

жилымъ сословіямъ отъ верховной власти, то эти права стали потомъ образцомъ и для другихъ сословій.

Сообразно съ тѣми же условіями государственной жизни развивались у насъ семейныя и родственныя отношенія. Эти отношенія съ своей стороны подвергались большому вліянію государственныхъ потребностей и получали согласныя съ ними юридическія положенія. Такъ какъ государство наиболѣе было заинтересовано службою ему и выполнявшимъ ее сословіемъ, то изъ семьи стали прежде всего выдѣляться и приобретать личныя права тѣ члены ея, которые принадлежали къ этому сословію, такъ какъ должны были жить и дѣйствовать розно; въ княжескихъ и знатныхъ семьяхъ прежде всего стали устанавливаться точныя юридическія опредѣленія въ правахъ по родству и браку; къ этимъ семьямъ относились и законы о гражданскихъ правахъ. Въ отношеніи къ неслужившимъ сословіямъ, въ массахъ народа господствовало полное безразличіе, совершенное безучастіе государства и закона; поэтому въ нихъ жили старыя обычаи и порядки, мало уступая ходу событій государственной жизни и развиваясь самостоятельно. Такое раздвоеніе семейнаго и гражданского быта у насъ замѣчается и въ настоящее время.

Конечно, обычаи и порядки семейной жизни долго сохраняли свой первоначальный характеръ и въ той части Руси, которая подчинилась власти князей. Но уже въ русской правдѣ находимъ, измѣненіе этихъ обычаевъ, соответствовавшее новому государственному строю. Тогда какъ по старому обычаю, вполне усвоенному и развитому псковскою судною грамотою, устанавливалось общее владѣніе дома, семьи—въ оставшемся наслѣдствѣ, по русской правдѣ опредѣляется тѣсный кругъ наслѣдства опредѣленныхъ членовъ семьи: сына, дочери, мужа, жены; за недостаткомъ этихъ наслѣдниковъ, имѣніе доставалось князю; тщательно опредѣляется, кому именно изъ дѣтей долженъ достаться домъ отца; изъ этого видно, что братья не владѣли наслѣдствомъ сообща, а по смерти отца дѣлились между собою и жили («Взглядъ на исто-

рическое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія», К. Кавелина).

Обращаясь къ занимающему насъ предмету—исторіи русскихъ правъ женщины, замѣтимъ, что, кромѣ изложенныхъ условій семейнаго и общественнаго быта, на нихъ имѣло вліяніе и положеніе ея, какъ женщины, въ семьѣ и обществѣ. При язычествѣ господствовало многоженство, женщина обращалась въ купленный и насильно отнятый товаръ; въ такомъ положеніи не можетъ быть и рѣчи о правахъ: съ нимъ совмѣстно рабство, безправіе. Христіанство должно было благотворно повліять на измѣненіе этого положенія; но оно само по себѣ не могло установить отношеній женщины къ семьѣ, роду. Улучшенію ея положенія способствовало свойство русской семейной жизни—долгое господство въ обществѣ семейнаго и родоваго быта, какъ главнаго двигателя въ общественной жизни. Вслѣдствіе сожителства членовъ семьи и рода, въ которыхъ большую роль играетъ женщина, при сближеніи семей и родовъ, судьба ея стала болѣе и болѣе смягчаться. Сама она, выходя замужъ, служила звеномъ, связующимъ семью, изъ которой вышла, съ тою, въ которую вступала. Такимъ образомъ установились семейные порядки и обычаи, много содѣйствовавшіе развитію личныхъ и имущественныхъ правъ женщины. Родители неvěсты, выдавая дочь замужъ, заботились о томъ, чтобы она была удобно пристроена въ новой семьѣ, съ которою сами сближались: и по чувствамъ къ дочери, и по желанію сравняться съ новымъ родомъ, они старались обезпечить ее приданымъ и тѣмъ улучшить ея отношенія къ новой семьѣ, ея положеніе въ ней.

Но это измѣненіе положенія женщины, вообще незавиднаго при суровыхъ и грубыхъ нравахъ, послѣдовало не вдругъ: долгому теченію времени нужно было переломить эти нравы. Въ старину замужество ставилось женщинѣ въ обязанность, такъ какъ въ этомъ положеніи она была женою, матерью, хозяйкою дома или по крайней мѣрѣ работницею, словомъ, имѣла свою опредѣленную роль. Внѣ ея, положеніе незамужней дѣвушки и бездѣтной вдовы, безъ опредѣленныхъ

занятій, безъ средствъ въ жизни, было самое жалкое. Это положеніе женщины вполне выражалось народною пословицею: безъ мужа жена — крутомъ сирота. Женщинамъ, не исполнившимъ своего назначенія въ замужествѣ или уже исполнившимъ его, оставалась одна доля — посвятить себя Богу въ монастырѣ. При такихъ условіяхъ жизни, дѣвушка не признавалась прочнымъ членомъ семьи: ея назначеніе соединялось съ отдѣленіемъ отъ своей семьи и вступленіемъ въ чужую; и отъ этой семьи она отчуждалась по смерти мужа, если не было дѣтей, съ которыми она жила. Для нея весь жизненный вопросъ заключался въ томъ, кто будетъ кормить и содержать ее: дѣвицъ содержалъ и кормилъ отецъ, а по смерти его — братья; жену — мужъ, мать — дѣти. Поэтому женщина находилась въ постоянной зависимости, отъ которой освобождало ее только вдовство, обрекавшее, впрочемъ, на нищету, если у нея не было малолѣтнихъ дѣтей, имѣніемъ которыхъ она распорядилась. Женщина сама по себѣ не основывала семьи, не имѣла своего хозяйства. Слѣдуя этому началу, русская правда не установила порядка наслѣдованія въ имѣніи женщины: все, что по смерти ея останется, достается не всѣмъ ея дѣтямъ, а только тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ она жила въ домѣ, кто содержалъ и кормилъ ее. Не считаясь прочными членами семьи, дочери по русской правдѣ не наслѣдовали послѣ отца, а только получали приданое. Исключеніе изъ этого правила составляли дочери бояръ и членовъ княжеской дружины: они наслѣдовали послѣ отца, если у него не было сыновей («Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка наслѣдованія» К. Кабелина).

Такимъ образомъ семейный и родовой бытъ, въ его первоначальномъ устройствѣ, ставилъ положеніе женщины въ неблагоприятныя условія по той понятной причинѣ, что въ немъ самая личность заслонялась общими интересами семьи и главенствомъ старшаго члена въ ней; если гражданскія права мужчинъ не могли получить развитія, то еще менѣе могли развиться права женщинъ. Не могъ благоприятствовать имъ и новый государственный строй, для котораго нужны были служба,

сила и имущественная состоятельность лица. Но изъ двухъ этихъ началъ общественнаго быта первое несомнѣнно болѣе содѣйствовало улучшенію положенія женщины, чѣмъ второе: въ первомъ взаимными отношеніями членовъ семьи управляли кровная связь и привязанность между ними, во второмъ главнымъ основаніемъ правъ служили заслуги, военные и гражданскія доблести служащихъ, которыя для женщины были закрыты, и потому она должна была уступать мужчинамъ въ гражданскихъ правахъ. Долгому господству семейнаго начала наше законодательство обязано постепеннымъ расширеніемъ гражданскихъ правъ женщины и нѣкоторымъ уравниеніемъ ихъ съ правами мужчины. Но окончательному уравниенію двухъ половъ препятствовало родовое начало, по которому женщина не считалась представительницею рода и связанныхъ съ нимъ интересовъ; поэтому тамъ, гдѣ права женщины слишкомъ рѣзко сталкивались съ правами рода и мужчины, первыя должны были уступать послѣднимъ. Тому же преимуществу мужчины предъ женщиною содѣйствовало и государственно-служебное начало: для правительственной власти важно было, чтобы земля находилась во владѣніи лица, способнаго нести государственную службу, «дабы земля изъ службы не выходила»; въ тѣхъ же интересахъ верховною властью оказывалось покровительство родовымъ понятіямъ, которое дѣлало служилыхъ людей преданными слугами этой власти. Съ другой стороны, исключительное господство государственнаго начала порождало совершенное равнодушіе къ правамъ лицъ неслужащихъ вообще и женщинъ въ особенности; почему законодательство оказывало весьма мало содѣйствія къ болѣе совершенному и справедливому устройству гражданскихъ отношеній, частнаго быта въ тѣхъ областяхъ его, которыя не затрагивали государственной пользы; конечно, права женщины не имѣли никакого значенія въ военныхъ и полицейскихъ соображеніяхъ. Отсюда возникла неопредѣленность и запутанность въ постановленіяхъ закона относительно правъ женщины; отсюда при равенствѣ ихъ съ правами мужчины въ нѣкто-

рыхъ отношеніяхъ, рѣзкое неравенство ихъ въ другихъ отношеніяхъ.

Этими условіями общественнаго развитія были проникнуты уложеніе царя Алексѣя Михайловича и послѣдующіе законодательные памятники. Наслѣдованіе женщинъ опредѣлилось точнѣе и шире, чѣмъ въ «русской правдѣ», но съ разными уступками то преобладанію мужчины надъ женщиною, то господству родового начала. Было признано, какъ общее правило, что дочь наследуетъ послѣ отца, когда нѣтъ сына; такимъ образомъ, женскій полъ отстранялся мужскимъ. Это правило получило въ послѣдствіи измѣненіе въ правѣ дочерей, при сыновьяхъ, получать опредѣленную долю отцовскаго имѣнія. При наследованіи въ боковой линіи главнымъ правиломъ поставлено родовое начало, по которому сестра при братьяхъ невоотчинница; но уже въ уложеніи признаны нѣкоторые отступленія отъ этого правила въ правѣ представленія. Сознана необходимость обезпечить вдову; но при этомъ родовыя понятія смущали составителей законовъ: встрѣчали затрудненіе опредѣлить, къ какому роду должна принадлежать замужняя женщина—къ роду ли мужа или къ роду, въ которомъ родилась; покончили установленіемъ въ пользу вдовы долей въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи мужа. Провозглашена имущественная равноправность женщины съ мужчиною и независимость ея въ распоряженіи имуществомъ; но съ этою равноправностью никакъ не согласуются микроскопическія указныя доли въ наследованіи женщинъ и устраненіе ихъ отъ наследованія въ боковыхъ линіяхъ.

Само правительство въ лицѣ императрицы Екатерины высказывалось весьма широко относительно правъ женщины. Въ ея наказѣ приведено слѣдующее положеніе: «Дочери у римлянъ были исключены изъ завѣщанія; для сего утверждали за ними подѣлъ обманомъ и подлогомъ. Сіи законы утверждали или сдѣлаться безчестными людьми или презирать законы естественные, вперяющіе въ насъ любовь къ дѣтамъ нашимъ. Сіи суть случаи, которыхъ, дая законы,

избѣгать должно» (ст. 422). Такимъ образомъ ясно указываются не только несправедливость закона, ограничивающаго права женщины, но и практическія неудобства такого закона—вынужденность обходить законъ разными уловками и тѣмъ ронять всякое уваженіе къ закону. Тоже неудобство слѣдуетъ отнести и къ запрещенію дарить и свободно завѣщать родовыя имѣнія. Несмотря на такое сознаніе необходимости улучшенія быта женщины, высказанныя самою державною женщиною, слова императрицы, какъ и весь наказъ ея, остались одними прекрасными словами, безъ всякаго вліянія на развитіе права; наказы депутатамъ, представленные въ комиссію для составленія новаго уложенія въ 1767 году и выразившіе желанія и нужды народа, остались безъ осуществленія: правительство не придавало значенія этимъ желаніямъ, потому что государству нѣтъ прямого интереса улучшить положеніе женщины. Но разъ сознанная потребность не могла не пробить себѣ путей къ своему удовлетворенію: такія средства заключались въ обходѣ закона разными боковыми способами, давшими возможность устранить преграды къ обезпеченію женщинъ въ родовомъ имуществѣ. Такимъ образомъ оправдалась высказанная Еватериною мораль, что несправедливый законъ ведетъ только къ уловкамъ и пріучаетъ вообще не уважать законъ, обходить его. Сводя историческія данныя, относящіяся къ русскимъ гражданскимъ правамъ женщины, приходимъ къ заключенію, что въ нихъ содержатся попытки къ уравниванію двухъ половъ въ этихъ правахъ, что въ основаніе ихъ положено такое начало, которое, при дальнѣйшемъ развитіи, можетъ дать самыя благотворныя результаты; что законы, которыми опредѣляются права женщины, не имѣютъ одной общей идеи, шатки, неопредѣленны: давая полноправность въ одномъ случаѣ, ограничиваютъ въ другомъ; уравнивая женщину съ мужчиною въ одномъ отношеніи, даютъ значительныя, несправедливыя преимущества послѣднему въ другихъ отношеніяхъ; что такая запутанность и несоотвѣтствіе законовъ съ признан-

нымъ ими началомъ произошли отъ исключительнаго преобладанія государственныхъ интересовъ въ гражданскомъ быту; что общество давно уже сознало недостатки законовъ и не разъ высказывало эти недостатки, причины ихъ и способы исправленія, но до сихъ поръ на нихъ не обращено вниманія вслѣдствіе равнодушія въ частнымъ, гражданскимъ интересамъ, вслѣдствіе исторически сложившагося раздвоенія между государственною и народною жизнью.

II.

Источникъ, изъ котораго взяты законы черниговской и полтавской губерніи, литовскій статутъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ близкой родственной намъ почвѣ; но установился и составилъ при другихъ условіяхъ государственнаго и общественнаго быта. Мы уже указали эти условія въ изложеніи историческаго происхожденія статута (Ж. Гр. и Угод. Пр. 1876 г. кн. 4). Изъ него не трудно вывести заключеніе о томъ вліяніи, какое имѣли на него русскіе нравы, обычаи и законы: всѣми признана близкая связь его съ русскою правдою, дѣйствовавшею въ Литвѣ при покореніи ея частей русскими князьями и служившею образцомъ въ опредѣленіи гражданскихъ правъ, вслѣдствіе преобладающаго вліянія русскихъ надъ покоренными литовцами. Поэтому легко отгадать, какими началами проникнутъ литовскій статутъ въ отношеніи правъ женщины изъ вышеизложеннаго историческаго обзора. Но начала, положенныя въ русскую правду, не могли остаться и не остались безъ дальнѣйшаго развитія. Такому развитію много способствовали политическія событія и государственное устройство Литвы. Исторія ввела ее въ борьбу съ другимъ славянскимъ народомъ—Польшею и вынудила отстаивать не только свою политическую, но и гражданскую самостоятельность—свои обычаи; отсюда наклонность къ охраненію

старинны, народности. Эта борьба побуждала не только дорожить своими обычаями, но и улучшать ихъ, чтобы не отстать отъ Польши и не подчиниться ея нравственному вліянію, чтобы выдержать борьбу. Государственный строй имѣлъ такой характеръ, который не подавлялъ гражданской и семейной жизни, допускалъ значительное участіе народа въ благоустройствѣ домашняго быта; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ бытъ развивался свободно, что народныя требованія находили надлежащее удовлетвореніе. Мы уже указали, какое участіе народные представители принимали въ изданіи и составленіи какъ отдѣльных постановленій, изъ которыхъ составилъ литовскій статутъ, такъ и въ составленіи его самаго. При этомъ нельзя не упомянуть, что въ составленіи его участвовали весьма многія лица, близко стоявшія въ народу и понимавшія его потребности.

Въ основу гражданскихъ правъ вообще и правъ женщины въ особенности положенъ исторически — сложившійся во всей Россіи семейный и родовой бытъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что этотъ бытъ выросъ самостоятельно, получилъ дальнѣйшее развитіе; поэтому въ немъ замѣтны значительныя измѣненія, болѣе уступокъ правамъ женщины, болѣе стремленія улучшить и обезпечить ея положеніе. Литовскій статутъ, будучи основанъ на родовомъ началѣ, не могъ не принять тѣхъ ограниченій въ правахъ женщинъ, которыя онъ внесъ въ чисто русскіе законы; но эти ограниченія были значительно смягчены въ статутѣ измѣненіями, соответствовавшими современному развитію самыхъ родовыхъ понятій и гражданскихъ отношеній, выдвинувшихъ изъ рода личность. Съ другой стороны, государственная служба, какъ въ Россіи, такъ и Литвѣ, давала преобладаніе мужчинѣ предъ женщиною въ имущественныхъ правахъ, какъ средствахъ въ выполненію службъ; но и это вліяніе на положеніе женщины тоже значительно смягчено въ литовскомъ статутѣ, какъ увидимъ ниже, особенно въ материнскихъ имѣніяхъ. Не нужно забывать однако, что литовскій статутъ принадлежитъ къ законодательнымъ памятникамъ уже отдаленнаго прошлаго, что послѣдняя его редак-

ція относится къ 1588 году; поэтому нельзя ожидать отъ него того совершенства, которое было бы свойственно понятіямъ и требованіямъ XIX вѣка. Но если онъ имѣеть нѣкоторые преимущества предъ сводомъ законовъ, то это прямо наводитъ на мысль, что общіе русскіе законы слишкомъ отстали и, будучи въ родствѣ съ статутами, могли бы получить самое широкое развитіе и что этому развитію препятствовали другія условія, а не характеръ народа и его желанія.

Укажемъ на нѣкоторые постановленія, относящіеся къ правамъ женщинъ, въ хронологическомъ порядкѣ, какъ онѣ изложены въ разныхъ законодательныхъ актахъ, изданныхъ до составленія литовскаго статута. Въ виленскомъ земскомъ привилеѣ, данномъ Ягелломъ 20 февраля 1387 года, было установлено право вдовы боярина на владѣніе и пользованіе имуществомъ умершаго мужа до вступленія въ новый бракъ, послѣ чего мужнино имѣніе переходитъ къ родственникамъ умершаго. Земскимъ привилеемъ 1413 года, извѣстнымъ подъ названіемъ городельскаго, данномъ на вальномъ (общемъ) сеймѣ отъ имени Ягеллы и Витовта, дозволено дѣлать записи въ пользу женъ на вотчинныя и пожалованныя имѣнія. Изъ отдѣльныхъ привилеевъ Сигизмунда Кейстутовича замѣчательны привилеѣи, данный женѣ виленскаго кастеляна Остика Аннѣ (въ 1436 г.) съ утвержденіемъ вѣнковой записи на имѣнія, пожалованныя Остику Витовтомъ. Затѣмъ въ земскомъ привилеѣ Казимира Ягеллончика 1457 года высказано въ видѣ общаго правила, что если первый мужъ на своемъ имѣніи записать вѣно женѣ, то вдова, доказавъ это, можетъ получить вѣно установленнымъ порядкомъ и затѣмъ распорядиться по своему усмотрѣнію. По земскому привилею Александра Казимировича 1492 года, подтверждающему права литовскаго народа, вдовы, владѣющія вотчинными имѣніями своихъ мужей, обязаны исполнять земскую и военную службу; въ киевскомъ привилеѣ пояснено, что вступившій съ мѣщанкою въ бракъ и взявшій въ приданое домъ въ мѣстномъ правѣнъ обязанъ отбывать лежащую на домѣ службу; а въ уставѣ виленскаго сейма постановлено, что еслибы вдова не выслала своихъ

«слугъ» въ назначенный срокъ и въ назначенное мѣсто, то также подвергается взысканію вины сто рублевъ грошей. Но еслибы и послѣ срока, чрезъ свою оплошность, не выслала, то изгоняется изъ имѣнія, которое поступаетъ въ пользу дѣтей или, по неимѣнію дѣтей, въ пользу родственниковъ. Въ жмудскомъ привилеѣ того же года подтверждено, что вдовы шляхтичей и бояръ остаются въ мужниныхъ имѣніяхъ до вступленія въ новый бракъ, получаютъ посогъ, назначенный умершимъ мужемъ. Въ бѣльскомъ привилеѣ 1501 г. установлено, что жена по смерти мужа получаетъ «вѣно» (dotalitium), а «приданое» (dos), которое дано ей при выходѣ въ замужество, возвращаетъ тому, отъ кого оно дано. Если возвратить не захочетъ она, то теряетъ право на отцовское наслѣдство, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приданого возвратитъ некому; въ такихъ случаяхъ она не лишается права на получение наслѣдства. Въ двухъ привилеяхъ того же князя, витебскомъ и смоленскомъ, подтверждается: никого насильно (по неволѣ) замужъ не отдавать, а вдовъ по смерти мужей не лишать имѣній «въ домовъ не движнути». Въ «ухвалѣ» или «постановеніи», составленномъ на сеймѣ 1509 г. при Сигизмундѣ I, изданы законы объ обезпеченіи жены: «якимъ способомъ опрау жонамъ каждый на имѣнію своемъ чинити масть». Кроме того, Сигизмундомъ даны привилеи отдѣльнымъ областямъ, въ которыхъ въ сущности подтверждаются изложенные законы относительно обезпеченія вдовы, «доколѣ на вдовьемъ столцѣ сѣдять»; при этомъ въ кievскомъ привилеѣ, въ обезпеченіе дѣтей, установлено запрещеніе записывать женѣ все имѣніе, а дозволяется записать ей извѣстную лишь сумму денегъ на соответственную часть имѣнія. Замѣчательно, что всѣ постановленія относительно женъ и вдовъ стоятъ рядомъ съ постановленіями государственными; отсюда нельзя не заключить, что на сеймахъ представители народа считали необходимымъ обезпечить личныя и имущественныя права женщинъ, признавая ихъ столь же важными, какъ интересы всего государства или отдѣльныхъ областей.

При составленіи литовскаго статута обращено было боль-

шое вниманіе на права женщинъ. Постановленія его по этому предмету отличаются подробностью и цѣльностью началъ, покровительственнымъ обезпеченіемъ положенія женщины въ семьѣ и внѣ семьи. Изъ нихъ видно, что редакторы статута были хорошо знакомы съ современными правами, обычаями и порядками, что для нихъ дорога была участь ихъ женъ и дочерей. Но такъ какъ общественный бытъ не оставался безъ развитія, и такъ какъ измѣненія въ немъ могли встрѣтить затрудненія въ неполнотѣ статута, то имъ самимъ установленъ способъ примѣненія закона и пополненія статута. Въ IV раздѣлѣ, 54 артикулѣ, § 7 сказано: *«если бы въ семъ статутѣ чего недоставало, то судъ имѣетъ то разбирать и рѣшить, преклоняясь ближе къ справедливости, по совѣсти своей, и примѣняясь къ примѣру прочихъ христіанскихъ законовъ»*. Такимъ образомъ, на ряду съ постановленіями статута дѣйствовали въ Малороссіи, какъ вспомогательные источники права, саксонское зеркало, право хелминское и другія. Отсюда возникла въ примѣненіи законовъ путаница, оказались противорѣчія, практическія недоразумѣнія. Поэтому, когда Малороссія сдѣлалась русскою областью, возникъ вопросъ о приведеніи этихъ разныхъ законовъ къ однообразію. Въ 1728 году Императоръ Петръ II, поставляя на гетманство Данила Апостола, подтвердилъ права, которыми судилась и управлялась Малороссія; въ 20 пунктѣ подтвердительныхъ правилъ признано необходимымъ составить сводъ изъ разныхъ правъ, изъ которыхъ одни не согласуются съ другими, для устраненія затрудненій въ судахъ, и представить его на утвержденіе. Тоже подтверждено было Императрицею Анною Іоанновною въ 1734 году, въ грамотѣ, данной посланному на гетманство князю Алексію Ивановичу Шаховскому, и предписано права, по которымъ судится малороссійскій народъ, перевести на великорусскій языкъ и свести, и чтобы тѣ права «для пользы малороссійскаго народа скорѣе въ совершенство приведены были», избрать «къ тому сочиненію изъ малороссійскаго народа знатныхъ особъ; такъ, духовныхъ персонъ изъ каждой епархіи и отъ кіево-печерскаго монастыря, або изъ мірскихъ генеральной

старшины полковниковъ и прочихъ чиновъ по скольку надлежитъ». Во исполненіе этихъ указовъ въ томъ же 1734 г. была учреждена особая коммисія въ г. Глуховѣ, гдѣ было гетманское правленіе, изъ духовныхъ и гражданскихъ лицъ. Несмотря на повелѣніе объ ускореніи этого дѣла, сводъ былъ составленъ только въ 1743 году и представленъ на утвержденіе Императрицы Елисаветы Петровны, по подтвердительнымъ ея указамъ. Сводъ названъ: «права, по которымъ судится малороссійскій народъ». Разсмотрѣніе свода откладывалось, а затѣмъ, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, «ничего не учинено опредѣлительнаго по сему предмету». Такимъ образомъ проектъ свода, къ сожалѣнію, остался однимъ проектомъ, не былъ напечатанъ и обнародованъ и не обращенъ къ исполненію. Нынѣ, благодаря трудамъ профессора кievскаго университета А. О. Кистяковскаго, этотъ замѣчательный памятникъ юридической дѣятельности лучшихъ силъ Малороссіи взятъ изъ архивной пыли и сдѣлался извѣстнымъ по рукописи 1780 года; онъ печатается въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» подъ редакцію и съ приложеніемъ изслѣдованія профессора Кистяковскаго.

Въ основаніе означеннаго свода положенъ литовскій статутъ, расположенный въ особомъ, принятомъ коммисіею, порядкѣ, причемъ постановленія, сходныя между собою по содержанию, соединялись. Съ статутомъ сличались и другіе законы, дѣйствовавшіе въ Малороссіи, а именно саксонское зеркало, съ приложенными къ нему артикулами правъ магдебургскаго и хемницкаго и особый сборникъ законовъ, называемый «порядокъ права цесарскаго»; эти послѣдніе служили дополненіемъ статута по тѣмъ предметамъ, о которыхъ въ статутѣ нѣтъ постановленій. Постановленія какъ самаго статута, такъ и вспомогательныхъ законовъ, несогласныя между собою, сличались, «примѣряясь къ ближайшей справедливости», по выраженію составителей свода; но при этомъ устранялось все неудобное въ Малороссіи и «въ самодержавной имперіи все-россійской»; а чего недоставало во всѣхъ этихъ сборникахъ законовъ и что слѣдовало, по мнѣнію редакторовъ, прибавить,

«то въ пользу онаго-жъ народа, въ согласіе и примѣръ тѣхъ же и другихъ христіанскихъ правъ, *тако-жъ древнихъ добрыхъ малороссійскихъ обыкновений и порядковъ, прибавлено*». Въ нашемъ изложеніи укажемъ на нѣкоторыя болѣе замѣчательныя измѣненія статута въ правахъ женщинъ, какія предполагалось сдѣлать въ означенномъ сводѣ.

Вмѣсто этого свода, составленнаго подъ диктовку народныхъ интересовъ и правъ, остались въ сводѣ законовъ только «предначертанныя статьи» 15 апрѣля 1842 г. (полн. собр. закон. № 15522), въ видѣ законовъ черниговской и полтавской губерній. Какъ отрывки, эти статьи не могутъ дать вѣрнаго понятія о цѣломъ законодательномъ памятникѣ и могутъ только служить рельефнымъ указаніемъ, что само правительство признавало непригодность свода по крайней мѣрѣ для двухъ губерній въ значительной части гражданскихъ отношеній.

III.

Въ изложеніи мѣстныхъ законовъ по избранному нами предмету будемъ держаться порядка свода, какъ наиболее удобнаго въ практическомъ отношеніи.

Въ первомъ раздѣлѣ свода законовъ о союзѣ брачномъ находимъ замѣчательное постановленіе, дѣйствующее только въ губерніяхъ черниговской и полтавской. По общему закону родителямъ запрещается принуждать дѣтей ко вступленію въ бракъ. Законъ этотъ, какъ видно изъ историческаго его происхожденія, выросъ на нравахъ народныхъ, допускавшихъ совершеніе брака вопреки основной его идеѣ, безъ согласія брачующихся, по принужденію родителей, даже съ угрозами; такъ сильна была власть родителей еще при Петрѣ Великомъ, издавшемъ законъ о непремѣнномъ согласіи на вступленіе въ бракъ жениха и невесты и о запрещеніи вынуждать это согласіе (Неволина, исторія гр. зак., 1, стр. 147 — 151). Но нравы не вдругъ исправляются, и въ настоящее время, къ со-

жалѣнію, встрѣчаются случаи принужденія родителей ко вступленію въ бракъ своихъ дѣтей. (Мейера, рус. граж. пр., изд. 1862 г., стр. 404). Но за родителями оставлено право отрицательное, не менѣе сильно вліяющее на устройство брачныхъ отношеній, право запрещать вступленіе въ бракъ своимъ дѣтямъ. Закрѣпляя это право, законъ строго охраняетъ его силу запрещеніемъ вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей (вв. зак. X т. 1 ч., ст. 6). Въ 1835 году это право расширено предоставленіемъ власти разрѣшенія на вступленіе въ бракъ опекунамъ и попечителямъ. Конечно, законъ имѣлъ въ виду устранить браки легкомысленные, въ интересахъ самихъ дѣтей, посредствомъ несогласія на нихъ родителей и заступающихъ ихъ мѣсто опекуновъ и попечителей; при этомъ законъ рассчитывалъ на семейный союзъ съ цивилизованными правами и порядками. Но сама исторія и практика ясно указывала, что нашъ семейный бытъ еще далекъ отъ такого идеала: если при Петрѣ Великомъ браки по положительному принужденію родителей были столь обыкновенны, что вынудили правительство издать особое запрещеніе для родителей, опекуновъ и попечителей принуждать дѣтей ко вступленію въ бракъ; то несомнѣнно слѣдовало имѣть въ виду, что родители могутъ отрицательно принуждать ко вступленію въ бракъ запрещеніемъ; очевидно, что, ограничивая власть родителей въ положительномъ смыслѣ, слѣдовало ограничить ее и въ отрицательномъ смыслѣ. Но законъ ничѣмъ не ограничилъ родительскаго запрета ни возрастомъ, ни положеніемъ дѣтей, ни поломъ ихъ, ни участіемъ общественной власти. Не нужно указывать, какія злоупотребленія власти родительской представляетъ дѣйствительная жизнь въ этомъ отношеніи, сколько уродливыхъ браковъ устраивается ради этой власти, сколько молодыхъ силъ пропало по произвольному запрещенію брака и какими тяжкими послѣдствіями для семейнаго счастья оплачиваются не только сами дѣти, но и вся общественная жизнь за безконтрольное запрещеніе родителей вступать въ бракъ: печальные результаты родительскаго благоусмотрѣнія слишкомъ извѣстны даже изъ уголовной хроники.

Иначе смотрѣлъ на родительскую власть въ устройствѣ брачныхъ отношеній дѣтей литовскій статутъ: ограждая вообще права дѣтей отъ произвола родителей, статутъ, какъ и слѣдовало ожидать, особенно внимателенъ къ лицамъ, болѣе другихъ могущимъ потерпѣть отъ таковаго произвола—къ дѣвушкамъ. Еще до составленія статута въ XIV и XV вѣкѣ въ сеймовыхъ привилеяхъ считалось нужнымъ обезпечить дѣвушекъ отъ принудительной выдачи ихъ замужъ общимъ правиломъ: «никого замужъ насильно не отдавать». Тоже подтверждено и литовскимъ статутомъ, съ объясненіемъ, что каждая дѣвица и вдова свободна по совѣту своихъ ближнихъ вступать въ бракъ съ кѣмъ пожелаетъ (лит. ст., разд. III, артик. 39). При составленіи свода правъ малороссійскихъ признано нужнымъ разъяснить, что сговоръ родителей относительно супружества ихъ дѣтей не обязательенъ для послѣднихъ, если нѣтъ ихъ согласія на него (свод. правъ малорос., глава 10, артик. 1, пун. 2). Литовскій статутъ также не дозволялъ дѣвицамъ вступать въ бракъ безъ согласія ихъ родителей и опекуновъ; но и въ этомъ отношеніи счелъ нужнымъ оградить права дѣвицъ отъ произвола родителей и опекуновъ. Статутъ содержалъ въ себѣ по этому предмету слѣдующее правило: «буде случится, что отецъ не захочетъ выдать дочь свою въ замужство, не желая разстаться съ имѣніемъ, доводящимся ей послѣ матери и состоящимъ у него въ опеку, или мать по тому же поводу въ разсужденіи имѣнія, слѣдующаго дочери по отцѣ и состоящаго у матери въ опеку; то таковая дочь имѣетъ право чрезъ родственниковъ своихъ или сосѣдей или постороннихъ увѣдомить о томъ судъ, который, удостовѣрясь въ томъ, что дѣйствительно отецъ или мать не хотятъ выдать ее въ замужство, имѣетъ дозволить ей вступить въ бракъ; а мужу ея позволяется вмѣстѣ съ нею отыскивать имѣніе жены своей. Однако сія дѣвица должна имѣть 13 лѣтъ». Тоже правило относится и къ братьямъ или дядямъ по отцѣ, которые станутъ удерживать дѣвицу отъ выхода замужъ (разд. V, арт. 8 и 9). Согласно съ этими правилами въ сводѣ законовъ внесено слѣдующее постановленіе: *въ*

губерніяхъ черниговской и полтавской, если отецъ или мать, имѣя въ своемъ опекуномъ управленіи имѣніе, принадлежащее совершеннолѣтней дочери, будетъ препятствовать выходу ея въ замужество, то ей предоставляется объявить о томъ въ судъ и съ его разрѣшенія вступить въ бракъ (ст. 7). Тоже правило сводъ законовъ относитъ и къ опекунамъ (ст. 264). При этомъ нужно замѣтить, что по законамъ черниговской и полтавской губерній согласіе опекуновъ на бракъ дѣвицы требуется и въ томъ случаѣ, если она живетъ при матери, не управляющей имѣніемъ дочери. Само собою разумѣется, что совершеннолѣтіе дѣвицы слѣдуетъ понимать въ смыслѣ общаго закона, то-есть съ достиженіемъ 21 года. Къ сожалѣнію, законъ, по буквальному его смыслу, оказывается весьма ограничительнымъ, потому что даетъ право испрашивать разрѣшенія суда только тѣмъ дочерямъ, которыхъ имѣніе состоитъ въ опекѣ отца или матери. Но, судя по основной идѣ литовскаго статута и тѣмъ оградѣмъ, которыя онъ ставилъ противъ всякаго посягательства на свободное ничѣмъ нестѣсняемое вступленіе въ бракъ дѣвицы, слѣдуетъ заключить, что на нахожденіе имѣнія подъ опекою родителя онъ указалъ какъ на болѣе обыкновенный мотивъ къ несправедливому запрету дочерямъ вступать въ бракъ вопреки ихъ желанію, заключающійся въ нежеланіи отца или матери разстаться съ опекаемымъ имѣніемъ, что единственное условіе со стороны дочери для приближенія къ суду заключается въ совершеннолѣтіи, какъ возрастѣ, въ которомъ дѣвица можетъ уже обдуманно, зрѣло избрать себѣ мужа, и что изложенное правило имѣетъ болѣе общее значеніе. Такое толкованіе, кажется, тѣмъ ближе къ истинѣ, что съ достиженіемъ совершеннолѣтія опека сама собою прекращается какъ по своду законовъ, такъ и по литовскому статуту (св. зак. XIII, ст. 221 лит. ст., разд. VI, арт. 1), и такимъ образомъ прекращается побужденіе, по которому родители и опекуны могутъ удерживать дѣвицу отъ вступленія въ бракъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать за изложеннымъ мѣстнымъ закономъ громаднаго преимущества предъ общимъ закономъ, не

дающимъ никакого выхода изъ произвольнаго стѣсненія дѣвицъ родителями и опекунами въ самостоятельномъ рѣшеніи своей собственной судьбы; нельзя не видѣть покровительства закона женщинѣ, которой особенно тяжело бороться со всѣми злоупотребленіями власти, ставящей ее въ полную зависимость по самому ея положенію. Толкуя изложенный законъ даже въ самомъ буквальной и тѣсномъ смыслѣ, нельзя не признать въ немъ существенной пользы, такъ какъ родители могутъ и по достиженіи совершеннолѣтія удерживать имѣніе дочери въ своемъ опекунскомъ управленіи подъ разными предлогами, такъ какъ дочери пришлось бы вооружить противъ себя родителей требованіемъ прекращенія опеки и сдачи ей имѣнія, особенно отца, пользующагося доходами безотчетно. Во всякомъ случаѣ признаніе закономъ столь важнаго огражденія права на самостоятельное и свободное вступленіе дѣвицы въ бракъ составляетъ великое достоинство закона. Сравнивая затѣмъ русскій законъ XIX вѣка съ малорусскимъ XVI вѣка въ отношеніи кары дѣвицъ за вступленіе въ бракъ безъ разрѣшенія родителей, мы должны отдать преимущество послѣднему. По уложенію о наказаніяхъ, за вступленіе въ бракъ противъ рѣшительнаго запрещенія родителей или безъ испрошенія согласія ихъ, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за похищеніе незамужней женщины съ согласія ея самой, то-есть къ заключенію въ монастырь на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, и, сверхъ того, лишаются права наследовать по закону въ имѣніи того изъ родителей, котораго они оскорбили своимъ неповиновеніемъ (ст. 1566 и 1549). Литовскій статутъ не видитъ въ выходѣ замужъ безъ согласія родителя такого важнаго оскорбленія его, которое заслуживало бы уголовного взысканія, и потому не подвергаетъ за это дѣвицу никакому личному наказанію, а соединяетъ только съ такимъ поступкомъ, если на него нѣтъ разрѣшенія суда, одну имущественную отвѣтственность: она лишается приданаго и наследства (разд. V, арт. 8, разд. XI, арт. 13).

Указанное въ 7. ст. X т. 1 ч. св. заѣ. постановленіе

можетъ встрѣтить въ практикѣ недоразумѣнія. Прежде всего правило, въ немъ изложенное, столь рѣзко выдѣляется изъ общаго закона, что суду представится несовмѣстнымъ съ его дѣятельностью: постановлять рѣшенія и приговоры; давать разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ. Но каковы бы ни были обязанности суда въ обычной его дѣятельности, тѣмъ не менѣе изложенный законъ такъ ясенъ и повелителенъ, что не оставляетъ нивакихъ сомнѣній въ правѣ суда разрѣшать вступленіе въ бракъ. Впрочемъ, судъ въ своемъ вѣдѣніи имѣетъ аналогическую дѣятельность, а именно по дѣламъ опеки: такъ, судъ даетъ разрѣшеніе по раздѣлу наслѣдствъ, въ которыхъ участвуютъ малолѣтніе, утверждая ихъ или отказывая въ ихъ утвержденіи, разбираетъ жалобы на опекунскія учрежденія (высочайше утвержд. 17 февр. 1869 г. мнѣніе государ. совѣт.). Полагаемъ, что разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ составляетъ одну изъ опекунскихъ обязанностей суда, дающую покровительство дѣвущей во имя закона. Весьма желательно, чтобы мѣстный законъ обратился въ общій и чтобы точнѣе былъ опредѣленъ порядокъ производства суда по разрѣшенію вступленія въ бракъ; такъ какъ наши суды, будучи наклонны въ буквальному примѣненію закона, крайне затрудняются въ разрѣшеніи тѣхъ дѣлъ, на производство которыхъ нѣтъ готовой указки, и потому всѣми способами устраниаютъ отъ себя такія дѣла. Очень можетъ быть, что суды дѣла по разрѣшенію брака отнесутъ къ исковымъ и тѣмъ вынудятъ отказаться отъ обращенія къ нимъ: пока дѣло пройдетъ нѣсколько инстанцій въ видѣ опыта и вырабатается кассационное наставленіе, бѣдная невѣста махнетъ рукою на такую длинную процедуру и сама порѣшитъ такъ или иначе этотъ жизненный вопросъ. И цѣль закона и постановленія статута несомнѣнно указываютъ на то, что сложная исковая процедура несовмѣстна съ разрѣшеніемъ брака, а должна быть упрощена до крайнихъ предѣловъ. Статутъ предоставляетъ не только самой дѣвницѣ, но и чрезъ родственниковъ или постороннихъ лицъ увѣдомить судъ о неправильномъ отказѣ ей вступить въ бракъ: настолько счи-

таетъ это дѣло безотлагательнымъ. Судъ долженъ удостовѣриться въ этомъ отказѣ, конечно, документами или показаніями свидѣтелей, и затѣмъ разрѣшить вступленіе въ бракъ (разд. V, арт. 9).

IV.

По законамъ черниговской и полтавской губерній, также какъ и по общему закону, жена не ограничена въ распоряженіи своимъ имуществомъ, но за исключеніемъ *приданого*. *Приданое жены хотя и почитается отдѣльно ея собственностію, но состоитъ въ общемъ владѣніи и пользованіи супруговъ и жена во время брачнаго сожителства не можетъ безъ согласія его дѣлать никакихъ распоряженій въ нарушеніе или ограниченіе правъ мужа на общее съ нею пользованіе ея приданымъ. Недвижимое имущество мужа, на коемъ обезпечено приданое жены, не можетъ быть отчуждаемо, ни обременяемо долами безъ ея согласія, изъясненнаго въ судебномъ мѣстѣ личнымъ ея сознаніемъ надлежащаго о томъ акта* (свод. зак. X т. 1 ч., ст. 111). Нельзя не признать особенной важности этого закона и преимущества его предъ общимъ. Правило, по которому бракомъ не составляется общей собственности, имѣетъ свои достоинства, обезпечивая жену въ самостоятельномъ распоряженіи ея имуществомъ, давая ей возможность отстаивать независимое положеніе и средство спасти себя отъ нищеты при неудачѣ брачной жизни; но въ этомъ правилѣ при его общности есть свои недостатки. Брачная жизнь связываетъ такимъ нераздѣльнымъ союзомъ мужа и жену, что раздѣльность имущества въ дѣломъ его составѣ представляется чѣмъ-то искусственнымъ; съ другой стороны, брачная жизнь влечетъ за собою общія издержки на содержаніе какъ мужа и жены, такъ и дѣтей. Имѣя все это въ виду, мѣстный законъ отдаетъ приданое жены въ общее владѣніе и пользованіе обоихъ супруговъ, во время брачной ихъ жизни. Но, съ другой стороны, законъ налагаетъ руку и на имущество

мужа, служащее обезпеченіемъ приданого, запрещаая его отчужденіе и обремененіе долгами безъ согласія жены. Такимъ образомъ, мѣстный законъ уравниваетъ права мужа и жены по имуществу, назначенному служить обезпеченіемъ общихъ издержекъ семейной жизни и общихъ обязанностей ихъ въ отношеніи къ дѣтямъ. Дальнѣйшее разъясненіе изложеннаго закона настолько связано со всѣми постановленіями о приданомъ, что мы относимъ его къ разсмотрѣнію этихъ постановленій.

V.

Въ общемъ законѣ нѣтъ никакихъ постановленій относительно правъ мужа и жены по имуществу въ случаѣ расторженія брака. Мѣстный законъ не обошелъ молчаніемъ этого важнаго обстоятельства, имѣющаго вліяніе не только на участь мужа и жены, но и дѣтей; онъ не могъ обойти его еще потому, что имущественныя отношенія супруговъ онъ связалъ вышеупомянутыми постановленіями о приданомъ и его обезпеченіи. Поэтому нужно было разрѣшить вопросъ о судьбѣ общаго имущества мужа и жены по прекращеніи брака при жизни ихъ обоихъ.

Въ губерніяхъ черниговской и полтавской признаніе брака недѣйствительнымъ, а равно и разлученіе супруговъ по опредѣленію духовнаго суда имѣютъ слѣдующія послѣдствія въ отношеніи къ ихъ имуществу: а) если мужъ признанъ виновнымъ, то обязанъ возвратить женѣ ея приданое, и жена, сверхъ того, удерживаетъ въ пожизненномъ владѣніи имущество мужа, служившее приданому обезпеченіемъ; б) когда-жъ судомъ обвинена жена, то лишается приданого и не можетъ отыскивать оное изъ имущества своего мужа; в) если никто изъ супруговъ не признанъ виновнымъ, а бракъ ихъ по какой-либо причинѣ объявленъ недѣйствительнымъ, то имущества ихъ обращаются въ то положеніе, въ коемъ были до брака; г) если при расторженіи брака, заключеннаго въ запрещенныхъ степеняхъ родства или свойства, оба супруга будутъ

изобличены въ знаніи о существовавшемъ сему браку препятствіи и потому признаны виновными, то лишаются права распоряжаться и владѣть своимъ имуществомъ, которое переходитъ или къ дѣтямъ ихъ или къ прежняго законнаго брака, или, въ случаѣ неимѣнія такихъ дѣтей, къ ближайшимъ изъ родственниковъ, съ тѣмъ однако-жъ, чтобы лишенымъ имуществомъ, отъ получившимъ оное, доставляемо было содержаніе, сообразное съ ихъ состояніемъ и доходами имѣнія (ст. 118). Такимъ образомъ, мѣстный законъ положеніе имущества супруговъ по расторженіи брака ставитъ въ зависимость отъ вины ихъ, за которую и наказывается лишеніемъ имущества того, кто будетъ признанъ виновнымъ по духовному суду въ нарушеніи брачныхъ отношеній и законовъ о родствѣ, запрещающихъ вступленіе въ бракъ, а въ случаѣ виновности обоихъ супруговъ имущество отъ нихъ отбирается и поступаетъ къ ихъ наслѣдникамъ — законнымъ дѣтямъ, принятымъ въ законномъ бракѣ, или ближайшимъ родственникамъ, если у нихъ такихъ дѣтей не будетъ (незаконныя дѣти и по литовскому статуту теряютъ право на наслѣдство и по закону и по духовному завѣщанію, разд. III, арт. 28), съ обязательствомъ только содержать обвиненныхъ супруговъ. При безвинномъ расторженіи брака (въ случаѣ заключенія его въ запрещенныхъ степеняхъ родства безъ знанія о томъ со стороны обоихъ супруговъ), каждый изъ супруговъ остается при своемъ: жена беретъ себѣ приданое, а имѣніе мужа освобождается отъ залоговаго права по обезпеченію приданого. При составленіи проекта положенія по изложенному закону, возникъ вопросъ: слѣдуетъ-ли 20 и 22 артикулы V раздѣла литовскаго статута, служившіе источниками проекта закона, относить къ Малороссіи, такъ какъ статутъ имѣлъ въ виду одни лишь браки римско-католическіе, а въ Малороссіи браки совершаются по обрядамъ православной церкви. При дальнѣйшемъ соображеніи замѣчено: 1) постановленіе литовскаго статута есть постановленіе общее, которое при разлученіи супруговъ имѣетъ въ виду одно лишь имущество ихъ, нисколько не касаясь совершенія самаго брака,

т.-е. разрѣшаетъ вопросъ чисто гражданскій, оставляя въ сторонѣ вопросъ духовный, и что изъ содержанія указанныхъ артикуловъ никакъ нельзя вывести, чтобы они упоминали единственно о бракахъ, совершаемыхъ по обрядамъ римско-католическаго исповѣданія; 2) равнымъ образомъ и приведеннымъ словамъ закона, подобно артикуламъ, данъ смыслъ чисто гражданскій, равно обязательный для браковъ всѣхъ исповѣданій; 3) установленная въ нихъ подсудность по дѣламъ брачнымъ совершенно согласна съ постановленіями общаго свода, который дѣла о недѣйствительности и расторженіи браковъ предоставляетъ духовному суду, а иски о гражданскихъ послѣдствіяхъ ихъ браковъ, отсылаетъ на разборъ свѣтскаго суда; 4) распоряженія, содержащіяся въ этихъ статьяхъ объ имуществѣ супруговъ, относятся исключительно къ малороссійскимъ гражданскимъ постановленіямъ и находятся въ тѣсной связи съ узаконеніями, дѣйствующими въ черниговской и полтавской губерніяхъ.

VI.

Согласно съ общимъ закономъ, мѣстный опредѣляетъ, что опека надъ малолѣтними дѣтьми принадлежитъ оставшемуся въ живыхъ родителю, то-есть какъ отцу, такъ и матери, если отцомъ въ духовномъ завѣщаніи не будетъ назначено опекуномъ другое лицо. Но по мѣстному закону мать въ отношеніи къ опеке надъ дѣтьми не сравнена съ отцомъ, а подчинена различнымъ ограниченіямъ. Такія ограниченія, какъ видно изъ постановленій литовскаго статута, возникли изъ недовѣрія вообще къ женской опеке, изъ подозрѣнія, что мать легко можетъ расточить, разорить имѣніе дѣтей, управлять имъ безпорядочно; это недовѣріе было такъ велико, что по смыслу постановленій статута можно заключить, что онъ допускалъ мать къ опеке надъ дѣтьми только въ видѣ исключенія, когда отецъ назначалъ мать опекуншею дѣтей и имѣнія; но и при этомъ статутъ оговаривался, что она должна такъ управлять,

чтобы не было причиняемо ею никакого вреда, убытка и разоренія имѣнію дѣтей, а въ случаѣ разоренія имѣнія опека отъ нея отнимается и передается дядямъ по отцѣ, а за неимѣніемъ ихъ другимъ родственникамъ (разд. V арт. 11). Но и сводъ законовъ имѣетъ въ виду случай, когда мать можетъ не участвовать въ опекѣ надъ дѣтьми, и на этотъ случай постановляетъ, что *дочери до замужества, а сыновья до отдачи въ училище, не должны быть разлучаемы, если бы она даже и не участвовала въ опекѣ надъ ними, безъ особыхъ причинъ, признанныхъ уважительными дворянскою опекою или сиротскимъ судомъ* (ст. 264). Это правило взято изъ V раздѣла, 11 арт., § 2 статута, по которому, если опека отцомъ никому не завѣщана и не поручена, то къ ней призываются дяди по отцѣ или другіе родственники. Такимъ образомъ, сводъ законовъ, по отношенію къ мѣстнымъ законамъ, принявъ общее правило, по которому опека всегда принадлежитъ отцу или матери малолѣтнихъ дѣтей, если не назначено завѣщаніемъ особаго опекуна (ст. 229), очевидно долженъ былъ отступить отъ изложеннаго правила статута, но не высказалъ прямо этого и не указалъ въ 264 ст., по какой причинѣ мать можетъ не участвовать въ опекѣ. Сопоставляя этотъ случай съ общимъ правиломъ (ст. 231), слѣдуетъ допустить, что онъ возможенъ только тогда, когда мать сама откажется отъ опеки.

Но предоставивъ опеку матери и безъ завѣщанія отца, сводъ законовъ, подчиняясь недоумѣрію, съ которымъ статутъ относился къ опекѣ матери, ограничилъ ее разными способами, неуказанными статутомъ и крайне неудобными въ практическомъ отношеніи. Законъ объ опекѣ матери выражается: *мать исправляетъ оную вѣсть съ назначенными отъ дворянской опеки или сиротскаго суда старшими родственниками малолѣтнихъ, преимущественно съ отцовской стороны, а за неимѣніемъ ихъ, и посторонними лицами* (ст. 232). Смыслъ этихъ словъ заключается въ томъ, что *мать управляетъ имуществомъ малолѣтнихъ не иначе какъ при содѣйствіи назначенныхъ вѣсть съ нею другихъ опекуновъ* (ст. 295, пунктъ 7). Этого ограниченія въ литовскомъ статутѣ нѣтъ:

онъ допускаетъ одно изъ двухъ: или вовсе не назначаетъ мать опекуншею или же ввѣряетъ ей опеку, какъ всякому опекуну, вполнѣ, безъ всякаго участія другихъ лицъ. Неудобство обязательнаго участія одного или двухъ лицъ въ опекѣ матери заключается въ томъ, что въ одномъ дѣлѣ являются два хозяина и притомъ съ различными взглядами на него: мать смотритъ на опеку въ интересахъ дѣтей, ставитъ на первомъ планѣ ихъ благосостояніе; опекунъ видитъ въ своей дѣятельности незавидную роль посторонняго приставника, могущаго мѣшать распоряженіямъ матери, лучше его знающей нужды дѣтей, положеніе имѣнія, его доходы, порядки управленія хозяйствомъ; при слабомъ развитіи у насъ сознанія общаго блага, при дурномъ исполненіи обязанностей для другихъ и при значительномъ ослабленіи семейнаго союза, родственныхъ связей, обыкновенно соопекунъ отказывается отъ всякаго участія въ опекѣ матери; такимъ образомъ, цѣль закона не достигается. Опекунское управленіе сопряжено съ разными формальностями, законными порядками, отчетностью, трудами и издержками; считая себя незаинтересованнымъ въ опекѣ матери, родственникъ или постороннее лицо старается избѣжать хлопотъ и употребляетъ всѣ усилія освободиться отъ назначенія въ соопекуну къ матери. Отъ этого на практикѣ является множество затрудненій въ опекѣ матери, такъ какъ она не можетъ совершить законнаго дѣйствія безъ участія другаго опекуна; тянется долгая переписка о назначеніи соопекуновъ, они постоянно мѣняются, а дѣла опеки, иногда самыя спѣшныя, останавливаются; эта медленность нерѣдко соединяется съ убытками для малолѣтнихъ. Это лучшая сторона монеты; худшая показывается тогда, когда соопекунъ не сходится ни понятіями, ни характеромъ съ матерью, когда ихъ взгляды на воспитаніе, издержки и управленіе имѣніемъ расходятся: въ этомъ случаѣ между ними поселяется вражда, размѣры которой иногда доходятъ до личной расправы, взаимныхъ доносовъ другъ на друга предъ опекунскими учрежденіями; эта борьба двухъ враговъ тяжело ложится на дѣла опеки и положеніе малолѣтнихъ. Кромѣ того, завѣдываніе имѣніемъ при двухъ

управителяхъ обходится слишкомъ дорого и выгоды отъ него далеко не выкупаются расходами. Словомъ, трудно было установить опеку, наименѣе обеспечивающую интересы малолѣтнихъ, какъ созданная сводомъ законовъ опека матери съ участіемъ другаго лица: законъ рассчитывалъ на благія родственныя чувства, на добрыя семейныя отношенія, на идеальныя понятія о долгѣ соопекуна предъ малолѣтними родичами, но отъ этихъ понятій дѣйствительная жизнь ушла слишкомъ далеко; ушла уже потому, что сама жизнь въ своемъ историческомъ теченіи унесла тѣ связи, которыми держался родъ на первыхъ порахъ развитія общественнаго союза.

Менѣе практическихъ затрудненій представляетъ другое ограниченіе матери въ опекѣ, когда она одна назначена опекушкою по духовному завѣщанію отца: тогда *она управляетъ имѣніемъ малолѣтнихъ дѣтей, согласно завѣщанію, но подъ наблюденіемъ родственниковъ, преимущественно съ отцовской стороны* (ст. 295, пун. 6). Но какими способами и порядкомъ осуществляется это наблюденіе сводъ законовъ не опредѣляетъ; заимствуя это начало изъ статута, сводъ оставилъ въ сторонѣ указанныя статутомъ по этому предмету подробныя правила. По статуту, если мать безпорядочно управляетъ предоставленною ей отъ мужа опекою и расточаетъ имущество дѣтей, то родственники по отцу обязаны заявить объ этомъ суду, и если расточительность матери будетъ доказана, то она лишается опеки надъ дѣтьми; если же у малолѣтнихъ нѣтъ родственниковъ по отцу, то судъ, получивъ свѣдѣніе о разореніи опекаемаго имѣнія матерью, обязанъ самъ войти въ положеніе дѣтей, отобрать опеку у матери и одѣть ее не описи постороннему лицу. Статутъ даже указываетъ, что должно считаться за разореніе имѣнія, чтобы по враждѣ родныхъ отца мать неправильно не обвинялась предъ судомъ; потому предмету онъ опредѣлительно выражается: «за разореніе имѣнія почитаться можетъ не иное что, какъ то, если бы она обременяла крестьянъ излишними налогами, поборами и взысканіями, гумна и другія хозяйственныя заведенія безпора-

дочю расточала и ничего для дѣтей не приращала» (разд. V, арт. 11).

Кромѣ матери статутъ и сводъ законовъ предоставляютъ и другимъ женщинамъ опеку, но, относясь съ недовѣріемъ къ нимъ, допускаютъ ихъ къ опекунству не иначе какъ вмѣстѣ съ мужьями и подъ общео ихъ отвѣтственности (ст. 232); незамужнія женщины, даже родственницы малолѣтнихъ, не могутъ завѣдывать опекою.

По принятію имѣнія малолѣтнихъ дѣтей, отчетности, управленію имѣніемъ, возвращенію его дѣтямъ и вознагражденію за труды по опекунству законъ подчиняетъ мать общимъ правиламъ и дѣлаетъ изъ нихъ только одно изъятіе въ пользу матери, пользующейся въ имуществѣ малолѣтнихъ дѣтей правомъ пожизненнаго владѣнія; въ этомъ случаѣ мать обязывается единственно къ возврату въ цѣлости имѣнія безъ полученныхъ съ оного доходовъ и вознагражденія за труды по опекѣ требовать не можетъ (ст. 295, пун. 8). Это исключеніе изъ общихъ правилъ по завѣдыванію опекою взято изъ VI разд., 2 арт. литовскаго статута, по которому отецъ, имѣющій въ опекѣ материнское имущество своихъ дѣтей, какъ недвижимое, такъ и движимое, обязанъ возвратить имъ это имущество въ цѣлости и никакого отчета въ опекѣ своей отдавать имъ не обязанъ. Это правило, установленное только для отца (св. зак. ст. 295, пун. 3 и 5), сводъ законовъ распространилъ и на мать въ томъ случаѣ, если она пользуется правомъ пожизненнаго владѣнія въ имуществѣ дѣтей. Такое право въ рѣдкихъ случаяхъ не принадлежитъ матери, такъ какъ по смерти мужа жена получаетъ часть его имѣнія въ пожизненное владѣніе, если она не получила при вступленіи въ бракъ приданаго (св. зак. ст. 1157, пун. 4—6). Такъ какъ при пожизненномъ владѣніи матери вмѣстѣ съ дѣтьми имуществомъ, состоящимъ въ ея опекѣ, управленіе имъ становится безотчетнымъ, то не представляется никакой надобности въ назначеніи соопекуна; дѣятельность его устраняется самымъ свойствомъ опеки. Такимъ образомъ сводъ законовъ, вводя особое учрежденіе соопекунства, неизвѣстное статуту, обрываетъ его на безъ-

дѣйствіе введеніемъ другаго непризнаннаго статутомъ начала — безотчетности материнской опеки. Смѣсь такихъ разнородныхъ правилъ еще болѣе увеличиваетъ нашу опекунскую неурядицу.

VII.

Самыми рѣзкими, яркими чертами мѣстные законы отличаются отъ общихъ въ постановленіяхъ о приданомъ. Литовскій статутъ представляетъ законченную форму юридическихъ положеній по этому предмету, пронизанную цѣльностью идеи, достойною римскаго права; поэтому эти положенія, находящіяся въ связи съ другими отдѣлами семейнаго права, развиты въ статутѣ весьма подробно. Но при перенесеніи ихъ въ сводъ законовъ съ ними сдѣланъ такой же опытъ урѣзыванія и перекройки, какой мы уже видѣли по другимъ отдѣламъ мѣстнаго права. Хотя въ 1005 ст. св. зак. насчитано 14 пунктовъ, содержащихъ въ себѣ законы о приданомъ, но эти 14 пунктовъ сбиты весьма безпорядочно въ одну статью и оставляютъ многіе пробѣлы въ разныхъ правоотношеніяхъ, съ которыми связано приданое, отчего въ практикѣ представляется много недоразумѣній, которыя были бы устранены, если бы сводъ полнѣе и цѣльнѣе выразилъ правила литовскаго статута. При неполнотѣ свода практика дополняетъ мѣстные законы о приданомъ общими постановленіями и тѣмъ нерѣдко впадаетъ въ противорѣчіе со смысломъ первыхъ.

Постановленія литовскаго статута о приданомъ представляютъ громадныя преимущества какъ предъ общими русскими законами, такъ и предъ многими западно-европейскими законодательствами: выросши на народной, бытовой почвѣ, развитыя лучшими современными юристами страны, обсужденныя сеймовыми представителями, они являются отраженіемъ ихъ соображеній о наилучшемъ устройствѣ брака, отношеній супруговъ по имуществу, обезпеченія главнымъ образомъ женщины какъ въ супружествѣ, такъ и за предѣлами его. Эти законы настолько хороши и согласны съ бытомъ всей Руси, что по

поводу составления уложенія 1767 года въ наказахъ комисіи мы встрѣчаемъ заявленія такихъ требованій, которые соотвѣтствуютъ правиламъ литовскаго статута о приданомъ, объ обезпеченіи женъ и дочерей. Въ историческомъ изложеніи мы уже указали основанія, давшія такую прочную систему ученію о приданомъ. Думаемъ, что если бы общій русскій законъ послѣдовательно развилъ начала, указанные въ русской правдѣ и псковской судной грамотѣ относительно приданого, если бы оставался вѣрнымъ требованіямъ обычнаго права, то онъ вмѣстѣ бы въ свои статьи о приданомъ если не всѣ, то большую часть постановленій литовскаго статута. По своимъ основнымъ чертамъ, они представляютъ систему законовъ, ближе всего подходящую къ такъ-называемой *дотальной системѣ* брачныхъ отношеній по имуществу, установленной позднѣйшимъ римскимъ правомъ. По этой системѣ приданое есть имущество, которое дается мужу женою, ея родными или посторонними для облегченія ему тяжести расходовъ брачной жизни (*ibi dos esse debet, ubi onera matrimonii sunt* — L. 56 § 1. D. de jure dotium. XXIII, 3). Но при этомъ мужъ съ своей стороны, пользуясь приданнымъ, обязывается содержать жену; это право и обязанность такъ тѣсно, неразрывно связаны съ идеею брака и приданнымъ, что римское право не допускаетъ добровольнаго условія относительно отказа отъ приданого и освобожденія мужа отъ обязанности содержать жену, такое условіе признается не действительнымъ въ силу общаго начала, по которому «обязанность общественная не можетъ быть отмѣнена частнымъ договоромъ» (L. 4 et 5 D. XXIII, 4). Но римская система возникла среди особыхъ условій общественнаго быта, въ которомъ законъ старался поддержать брачныя узы, распавшіяся роскошью, легкими нравами и стремленіемъ гражданъ къ безбрачной жизни мужчинъ съ женщиною. Желая поощрить и облегчить бракъ, эта система доводитъ идею о приданомъ до юридической обязанности родителей дать приданое дочери, къ чему они принуждаются (C. 19 D. XXIII, 2); количество приданого опредѣляется судомъ. Желая смягчить тяжесть послѣдствій большой легкости разводовъ у римлянъ, римскіе юристы

заботились обезпечить бытъ жены, сохранить за нею право на приданое по прекращеніи брака; по словамъ Павла: *rei-publicae interest, mulieres dotes suas salvas habere, propter quae nubere possint* (государству желательно, чтобы женщины имѣли непривосновеннымъ свое приданое для того, чтобы онѣ могли выходить замужъ). Эта система приданого принята и особенно развита французскимъ закономъ (*code civil art 1540—1580*); она же положена въ основу и литовскаго статута. Но очевидно, что статутъ, перенося эту систему въ Литву среди другихъ условій быта, чѣмъ въ Римѣ, не имѣлъ надобности проводить всѣхъ началъ ея, а принятыя дополнилъ и развилъ сообразно съ бытовыми условіями и обычаями. Такъ, по литовскому статуту выдача приданого не составляетъ юридической обязанности родителей, а зависитъ отъ ихъ воли и усмотрѣнія; но, съ другой стороны, статутъ, предполагая нравственную обязанность отца дать приданое дочери, юридически обязываетъ наслѣдниковъ отца, братьевъ, выдать приданое сестрамъ изъ имущества отца и строго опредѣляетъ часть этого имущества, идущую на приданое. По статуту, приданое, оставаясь въ пользованіи мужа, тѣмъ не менѣе признается собственностью жены, подлежитъ ограниченіямъ въ распоряженіи имъ, составляетъ общее ихъ достояніе и обезпечено имуществомъ мужа, не подлежащимъ отчужденію безъ согласія жены.

Общіе законы о приданомъ расходятся съ мѣстными въ самыхъ основныхъ положеніяхъ: 1) общие законы видятъ въ приданомъ добровольный актъ выдѣла дочерей и родственницъ по случаю ихъ замужества (X т. 1 ч. ст. 1001), и такъ какъ выдѣлъ вообще предоставленъ личному усмотрѣнію и произволу выдѣляющаго (ст. 995), то общій законъ вовсе не признаетъ обязательства выдачи приданого ни со стороны восходящихъ, ни со стороны боковыхъ родственниковъ. Эта черта, отдѣляя общій законъ отъ мѣстнаго, получаетъ тѣмъ большее значеніе, что по первому—приданое зачитывается въ наслѣдство и служитъ замѣною его (ст. 1003), а такъ какъ право на наслѣдство возникаетъ только по смерти наслѣдодателя, то и несовмѣстно съ этимъ характеромъ требованіе при-

даного. 2) Составляя замѣну наслѣдства, приданое по общему закону представляетъ лишь юридическія отношенія между дающимъ приданое и принимающею его, но не имѣетъ никакой связи съ бракомъ и брачными отношеніями; бракъ выставляется лишь поводомъ къ полученію приданого. 3) Не связывая приданого ничѣмъ съ бракомъ, общій законъ не признаетъ за мужемъ никакого права на приданое и считаетъ его такою же отдѣльною собственностью жены, какъ и всякое другое имущество (ст. 110); поэтому и ничѣмъ не регулируетъ отношеній мужа и жены къ приданому. Уравнивая приданое съ выдѣломъ, общій законъ смотритъ на него одинакожъ какъ на особый правовой институтъ, очевидно подчиняясь жизненнымъ явленіямъ, дающимъ особое значеніе приданому и подчиняющимъ его потребностямъ брачныхъ отношеній. Отсюда вся несостоятельность общихъ законовъ о приданомъ, несообразность ихъ съ требованіями науки и бытовыми условіями; отсюда путаница въ примѣненіи законовъ къ жизни и безвыходныя затрудненія практики (о приданомъ Оршанскаго, Журн. Гражд. и Торг. Права 1872 г., кн. 6, стр. 985 — 1013). Это различіе въ основаніяхъ ученія о приданомъ сразу указываетъ, до какой степени невозможно приравнивать общій законъ къ мѣстному.

Сводъ законовъ, примѣняя къ приданому по литовскому статуту свою точку зрѣнія, заявляетъ, будто въ губерніяхъ черниговской и полтавской наслѣдство дочерей въ имѣніи отца при сыновьяхъ и ихъ нисходящихъ замѣняется назначеніемъ имъ приданого (ст. 1133 п. 3). Это—ошибка, объясняемая только стремленіемъ свода навязать литовскому статуту взглядъ составителей свода на приданое и опровергаемая какъ статутомъ, такъ и тою самою 1005 ст. свода, на которую сдѣлана ссылка въ изложенномъ общемъ положеніи свода. Никакой замѣны наслѣдства приданое не представляетъ ни по литовскому статуту, ни по 1005 ст. св. гр. зак. и такого понятія приданому ими не дается; напротивъ, приданое составляетъ совершенно особый институтъ, который никакъ не можетъ быть поставленъ на одну доску съ наслѣдствомъ и отдѣленъ отъ него по системѣ самаго свода. Въ томъ артикулѣ статута, на

который въ цитатѣ подъ изложеннымъ правиломъ сдѣлана ссылка, какъ бы въ опроверженіе его, ни единымъ словомъ не упоминается ни о наслѣдствѣ дочерей, ни о замѣнѣ его приданнымъ, а говорится, какъ видно изъ самаго оглавленія, о томъ, какое приданое должна получать дѣвица изъ имущества отца, налагаются права ея на приданое и обязанности брата и дяди къ выдачѣ приданого даже въ случаѣ отчужденія ими отцовскаго имѣнія (ст. разд. V, арт. 3).

Ошибка свода заключается и въ томъ, будто *приданое ограничивается назначеніемъ*. Напротивъ, изъ 1005 ст. зак. гр., указанной въ ссылкѣ, назначеніе приданого предоставлено только отцу; если же оно не было имъ назначено, то приданое выдается братомъ, независимо отъ его воли, въ силу закона, опредѣляющаго точно и количество его. Указанное общее положеніе свода, отступающее отъ коренныхъ правилъ статута, было бы безобидною вставкою лишннихъ словъ, столь частыхъ въ сводѣ, если бы не вводило въ заблужденіе практику, которая, опираясь на это положеніе, иногда приравниваетъ приданое къ наслѣдству и черпаетъ изъ послѣдняго выводы по отношенію къ приданому. Это заблужденіе практики замѣтилъ и государственный совѣтъ въ своемъ мнѣніи 7 апрѣля 1840 г. (полн. собр. зак. № 13356), заявляя, что оно произошло отъ сліянія понятій о двухъ правахъ—приданого и наслѣдованія. Составители свода повидимому желали въ упомянутомъ правилѣ высказать постановленіе статута, по которому дочери наслѣдуютъ въ отцовскомъ имѣніи только въ томъ случаѣ, если не останется по смерти отца ни братьевъ, ни ихъ потомства (разд. III, арт. 17, § 3), то-есть, что дочери при братьяхъ и ихъ потомствѣ не имѣютъ права на наслѣдство по отцѣ (разд. V, арт. 14). Другаго значенія 3 п. 1133 ст. зак. гр. не имѣетъ и имѣть не можетъ, тѣмъ болѣе, что право дочерей на приданое опредѣлено въ своемъ мѣстѣ.

Болѣе точное опредѣленіе приданого и другаго близкаго къ нему института, называемаго *отномъ* и породившаго вѣковую записъ, мы нашли въ «правахъ, по которымъ судится малороссійскій народъ»; вотъ точныя слова этого сборника:

«между посагомъ или приданымъ и между вѣнгомъ разнствіе тое есть, что посагъ или приданое значить тое имѣніе движимое и недвижимое, которое жена до мужа приносить или что ему за женою придаютъ для вспоможенія въ супружествѣ ихъ; вѣно же есть даръ, что мужъ или именемъ его родители противъ приданого женѣ, при сговорѣ или уже по сговорѣ свадебномъ, съ недвижимыхъ имѣній поступаютъ и записываютъ, и то инако именуется даръ брачный или даръ супружескій; се же для того, дабы жена, по смерти мужевой, была о томъ, на чемъ будетъ жить и чѣмъ довольствоваться, извѣстна» (глава X артик. 4, пункт. 1). Связь приданого съ вѣномъ, построенная на исторической почвѣ, удержана и въ литовскомъ статутѣ и въ законахъ черниговской и полтавской губерній по своей практической важности, получивъ дальнѣйшее развитіе. Связь эта такъ велика, что пятый раздѣлъ статута озаглавленъ: о приданомъ и о вѣнѣ (обеспеченіи приданого). Составляя въ началѣ даръ жениха невѣстѣ за вѣнецъ, впоследствии вѣно стало имуществомъ, даваемымъ въ обезпеченіе приданого, представляемымъ въ залогъ цѣлости его и составляющимъ способъ къ содержанію вдовы по смерти мужа.

Установивъ общія понятія о приданомъ, обращаемся къ разрѣшенію частныхъ вопросовъ:

1) *Кто имѣетъ право на приданое?* По общему закону, приданое назначается дочерямъ и родственницамъ по случаю ихъ замужества (зап. гр. ст. 1001). Литовскій статутъ говорить о приданомъ только дочерей, даваемомъ родителями, и сестеръ, получающихъ приданое отъ братьевъ при выходѣ ихъ замужъ по смерти родителей изъ ихъ имущества (ст. 1005; 1133, пункт. 6.). Статутъ главнымъ образомъ занимается обязательною выдачею и судьбою приданого во время брака и по прекращеніи его, но мало говоритъ о добровольномъ назначеніи приданого, предоставляя его усмотрѣнію родителя, желающаго дать приданое. Поэтому нельзя отвергать, чтобы родственницы не могли получать приданого отъ боковыхъ родственниковъ по ихъ волѣ и чтобы данное ими приданое не подчинялось правиламъ о немъ мѣстнаго закона. Такъ какъ

по этому закону приданое имѣетъ неразрывную связь съ бракомъ и ставится цѣлью выдачи дѣвицъ замужъ, то очевидно, что самое право на приданое возникаетъ только при условіи вступленія въ бракъ, выхода замужъ. Изъ словъ статута, что братья обязаны назначить приданое «незамужней» сестрѣ, что приданое назначено по законамъ «дѣвицамъ» (разд. V, арт. 1 и 19, § 2), нельзя не заключить, что право на приданое возникаетъ до выхода ихъ замужъ. Тоже заключеніе подтверждаетъ и сводъ законовъ, по которому приданое назначается дочерямъ «дѣвицамъ» (зак. гр. ст. 1005, пункт. 3). Такой выводъ согласенъ и съ требованіями дѣйствительной жизни: назначеніе приданого заключается въ расходахъ для брачной жизни, которые предшествуютъ вступленію въ бракъ, и нерѣдко самое вступленіе въ бракъ обуславливается выдачею приданого. Такъ понималъ жизнь и статутъ, устанавливая, чтобы отецъ *прежде выдачи замужъ* дочери взялъ отъ своего зятя вѣнцовую запись въ обезпеченіе приданого (разд. V, арт. 1). Кромѣ того приданнымъ часто ограничивается все содержаніе дѣвицы, обезпеченіе ея жизни. Въ этомъ отношеніи литовскій статутъ заботился о положеніи дѣвицъ и установилъ, что братья и родственники, имѣющіе въ своей опеку сестеръ, обязаны до замужества прилично ихъ содержать и воспитывать, приставивъ къ нимъ пожилыхъ лѣтъ и честнаго поведенія женщину; а еслибы прилично содержать и воспитывать ихъ не захотѣли, то такимъ дѣвицамъ, пока онѣ не выйдутъ замужъ, должно быть содержаніе изъ ихъ частей, въ приданое имъ слѣдующее (разд. V, арт. 9). Сводъ законовъ, взявъ изъ этого постановленія самую несущественную часть: объ обязанности братьевъ содержать при дѣвицахъ немолодыхъ лѣтъ доброй нравственности женщину (зак. гр. ст. 264), упустилъ изъ виду существенную часть, хотя и ссылается на означенный артикулъ статута.

Изъ изложеннаго оказывается: 1) приданое служить какъ средствомъ къ удовлетворенію потребностямъ брачной жизни, такъ и способомъ къ содержанію дѣвицъ; 2) приданое можетъ быть требуемо отъ лицъ, которыхъ законъ обязываетъ къ вы-

дачѣ не только по совершеніи брака, но и до совершенія брака, не только по случаю замужества дѣвицы, но и по случаю устройства ихъ положенія внѣ брачной жизни. Это послѣднее положеніе вполне согласно съ общимъ правиломъ, высказаннымъ въ 17 арт. III разд. статута, по которому *по смерти отцовъ и матерей дѣти ихъ, сыновья и дочери, отъ имѣній отческихъ и материнскихъ не должны быть удаляемы; но они сами и потомки ихъ могутъ тѣ имѣнія взять, оными владѣть и навсегда пользоваться; отеческія и купленныя имѣнія (отца) идутъ въ раздѣлъ только на братьевъ или на ихъ потомковъ, на сестеръ же слѣдуетъ выдѣлъ приданого, соразмѣрно четвертой части отческаго и купленнаго имѣнія*. Отсюда очевидно, что братъ не можетъ удерживать и пользоваться въ ущербъ сестрѣ частью имѣнія, составляющею ея достояніе, какъ приданое, и устранять ее отъ пользования этою частью, иначе онъ воспользовался бы тѣмъ, что ему не принадлежитъ по закону; что сестра имѣетъ полное право требовать выдѣла этой части, независимо отъ того, выходитъ ли она замужъ или нѣтъ. Между тѣмъ судебная практика, вопреки этимъ указаніямъ закона, нерѣдко отказываетъ сестрѣ въ требованіи отъ брата части имѣнія, слѣдующей ей въ приданое, оставляетъ за нимъ тѣ права, которыхъ по закону онъ не имѣетъ, а сестру ставитъ въ безвыходное положеніе нищеты, потому только, что она не вышла замужъ. Не устанавливая времени требованія приданого и предоставляя это дѣйствительной жизни, законъ опредѣляетъ только тотъ крайній предѣлъ, за которымъ начинается теченіе давности, погашающей право на приданое. Въ этомъ отношеніи статутъ говоритъ, что еслибы братьямъ по смерти отца случилось выдавать сестеръ своихъ замужъ и они бы изъ суммы, отцомъ записанной, или изъ четвертой части имѣнія не отдали имъ слѣдующаго приданого каждой по нѣслѣдственному праву (статутъ уравниваетъ требованіе приданого съ требованіемъ нѣслѣдства), въ такомъ случаѣ со времени выхода замужъ могутъ они искать онаго приданого въ теченіи десяти лѣтъ, и если которая изъ нихъ въ теченіи сего срока не начинала

иска о своемъ приданомъ, то она навсегда теряетъ сіе право. Но еслибы она, не пропустивъ сей давности, сама, не отыскавъ отъ братьевъ приданого, умерла, то дѣтямъ и потомкамъ ея позволяется искъ о приданомъ своей матери или бабки съ тѣмъ только, чтобы они по достиженіи совершенныхъ лѣтъ не пропустили вышеозначенной давности (разд. V, арт. 4). Тоже въ сущности опредѣляетъ и сводъ законовъ (зак. гр. ст. 1005 пункт. 7). Такимъ образомъ обязательство выдачи приданого, какъ всякое другое обязательство, погашается давностью и, производя вещное право, переходитъ къ наслѣдникамъ имѣющей право на приданое.

2) *Кто обязанъ выдать приданое?* Римское право, какъ извѣстно, обязывало отца дать приданое за дочерью при выходѣ ея замужъ. Литовскій статутъ, усвоивъ многое изъ римскаго права въ ученіи о приданомъ, не принявъ этого начала и предоставилъ волю отца и матери назначеніе приданого. Такое воззрѣніе на произволъ отца статутъ прямо высказалъ, отнимая у дочерей, выданныхъ замужъ отцомъ, право требовать приданого отъ своихъ братьевъ по смерти отца: *«поелмику отецъ зналъ, что дѣлалъ по любви изъ дѣтямъ своимъ и попеченію своему о ихъ благосостояніи»* (разд. V, арт. 4, зак. гр. ст. 1005, п. 7). Но изъ этихъ словъ и самаго предположенія назначенія отцомъ приданого при выдачѣ имъ дочери замужъ ясно видно сознаніе закона нравственной обязанности отца дать приданое дочери. Ставя волю отца закономъ и предполагая ее благопріятною участи дочерей, сводъ устанавливаетъ общее правило, что опредѣленіе количества приданого за дочерью отцомъ его *при ея жизни* зависитъ отъ воли его, и по сему отецъ властенъ назначать дочери приданое изъ своего имущества родового или благопріобрѣтеннаго, движимаго или недвижимаго, *по своему усмотрѣнію* (зак. гр. ст. 1005, п. 1).

Тоже самое разумѣется въ отношеніи назначенія приданого *матерью* изъ ея имѣнія. Статутъ и сводъ, упоминая о приданомъ изъ материнскихъ имѣній, придаютъ ему ту особенность, что связываютъ его съ наслѣдствомъ, признавая дочь, получившую приданое отъ матери, выдѣленною и потому не

имѣющею никакого участія въ наслѣдствѣ послѣ матери изъ ея имѣнія. Эта связь основана на постановленіяхъ статута о порядкѣ наслѣдованія въ материнскихъ имѣніяхъ, по которому всѣ дѣти, какъ сыновья, такъ и дочери, имѣютъ одинаковое право на наслѣдство въ материнскихъ имѣніяхъ (стат. V разд., 14 арт., зак. гр. 1005 ст. 8 п., 1133 ст. 6 п.). При этомъ нельзя не замѣтить, что дочь, получившая приданое изъ имѣнія матери, признается отрекшеюся отъ наслѣдства и не принимаетъ никакого участія въ немъ, какова бы ни была доля ея, полученная въ приданое. Эта связь приданого отъ матери съ наслѣдствомъ вполне уничтожаетъ законное обязательство выдачи приданого изъ материнскихъ имѣній, данное мѣстнымъ закономъ въ отцовскихъ имѣніяхъ дочерямъ дѣвицамъ по смерти отца; такъ какъ, по смерти матери, дочери, не получившія приданого при ея жизни, получаютъ право на наслѣдство. За исключеніемъ этой особенности, въ остальныхъ своихъ послѣдствіяхъ приданое, полученное изъ материнскихъ имѣній, ничѣмъ не отличается отъ приданого изъ имѣній отцовскихъ. Литовскій статутъ, а за нимъ и сводъ законовъ не упоминаютъ о порядкѣ совершенія актовъ о добровольномъ назначеніи приданого. Очевидно, что статутъ не дѣлалъ никакого различія отъ общаго установленнаго имъ порядка совершенія актовъ, изложеннаго въ VII раздѣлѣ 1 арт. по отношенію къ имуществу недвижимому и 7 арт. по отношенію къ движимости. Сводъ законовъ говоритъ только, что когда мать имѣла участіе въ назначеніи приданого изъ своего имѣнія, то объ этомъ должно быть упомянуто какъ въ рядной, такъ и въ вѣнковой записи (зак. гр. ст. 1005 п. 14). Упоминаніе въ записи о назначеніи приданого изъ имѣнія матери имѣетъ важное значеніе, для предупрежденія спора относительно устраненія отъ наслѣдства въ этомъ имѣніи дочери, получившей приданое.

Предоставивъ на волю родителей назначеніе приданого, статутъ и сводъ возлагаютъ положительную и точно определенную обязанность выдачи приданого дочерямъ и сестрамъ:

а) *На родителей и опекуновъ*, которые, по выраженію ста-

тута, не желая «разстаться» съ имѣніемъ, назначеннымъ дочери и состоящимъ въ нихъ опекунскомъ управленіи, будутъ препятствовать ей вступленію въ бракъ (стат. разд. V, арт. 8, § 2, арт. 9, § 2, зак. гр. ст. 7). Разъясняя этотъ важный законъ, «права, по которымъ судится малороссійскій народъ» высказываются весьма знаменательно: «се же для того, что родители дѣвицы должны двѣ вещи—и мужа ей сыскать и приданое за нею дать; а понеже мужа она сама сыскать себѣ принуждена, того ради отъ одной той должности свободны бывають, но отъ другой, паки приданого не отдадутъ ей, вольны быть не могутъ» (глава X, арт. 14, пун. 3). б) На *братьевъ и дядей* возлагается обязанность выдать приданое: 1) назначенное отцомъ или матерью и состоящее въ нихъ завѣдываніи (стат. разд. V, арт. 3, § 1, зак. гр. ст. 1005, пун. 1, 8). Сводъ законовъ негѣрно обязываетъ къ выдачѣ приданого только братьевъ; по смыслу статута, къ ней обязаны и дяди и всѣ родственники, получившіе по смерти отца дѣвицы его имѣніе; 2) опредѣленное по закону изъ имущества отца, умершаго и не назначившаго дочери приданого; но при этомъ существеннымъ условіемъ законъ ставитъ, чтобы она не была выдана замужъ отцомъ (стат. разд. III, арт. 17, разд. V, арт. 4, зак. гр. ст. 1005, пун. 2, 7).

Обязывая братьевъ къ выдачѣ сестрамъ приданого, волею родителей или закономъ назначеннаго, статуть укрѣпляетъ это обязательство не только точнымъ опредѣленіемъ, но и охраненіемъ его. Въ этомъ отношеніи статуть установилъ: 1) когда братъ или дядя растратили сумму или другія какія-либо вещи, назначенныя или оставленныя отцомъ или матерью въ приданое за дочерью; тогда по сему назначенію обязаны за оныя такъ, какъ за собственный долгъ, вознаградить и заплатить, а вознаградивъ и заплативъ то, что родителями записано было, или *давъ при семъ случаѣ въ сходство сего статута приданое изъ имѣнія недвижимаго*, болѣе уже ничего изъ дорогихъ и другихъ движимыхъ вещей, по отцѣ оставшихся, сестрамъ своимъ давать не обязаны. 2) *Въ случаѣ расточенія братомъ отцовскаго имѣнія, четвертая часть, сестрамъ принадлежа-*

чая, всегда имъ слѣдуетъ и они имѣютъ право искать оной на томъ, съ чѣмъ бы та часть владѣнія ни была (разд. V, арт. 3, § 3—4). Сводъ законовъ, упомянувъ о правѣ сестеръ отписывать приданое отъ братьевъ въ теченіи 10 лѣтъ, не разъясняетъ вполнѣ этого права, какъ это дѣлаетъ статутъ (зак. гр. ст. 1005 пун. 7). Такимъ образомъ, по мѣстному закону обязательство выдачи приданого даетъ вещное право и порождаетъ вещный искъ по отношенію къ четвертой части отцовскаго имущества. Означенныя постановленія статута имѣютъ громадное практическое значеніе; имъ нельзя не приписывать всей важности, такъ какъ безъ установленной ими охраны права дочерей на приданое право это было бы болѣе теоретическимъ, чѣмъ практическимъ.

3) *Изъ каковаго имѣнія выдается приданое?* Когда приданое назначается волею родителей, то отъ ихъ личнаго усмотрѣнія зависитъ избраніе рода имущества, или, какъ выражается законъ, они властны назначить приданое изъ своего имущества, родоваго или благопріобрѣтеннаго, движимаго и недвижимаго (зак. гр. 1005 п. 1, 8).

Обязательная выдача приданого распространяется на четвертую часть всего имущества, оставшагося въ моментъ смерти отца, какъ недвижимаго, такъ и движимаго. Въ текстѣ закона сказано, что дочери при братьяхъ должны получить приданое изъ четвертой части всего оставшагося послѣ отца имѣнія (зак. гр. ст. 1005, п. 2). Въ практикѣ возникло недоразумѣніе по поводу значенія слова «имѣнія», подъ которымъ обыкновенно разумѣется недвижимое имущество. Это недоразумѣніе разрѣшается въ пользу высказаннаго мнѣнія статутомъ: по III разд. 17 арт. на сестеръ слѣдуетъ выдѣлѣть приданого соразмѣрно четвертой части всего отческаго и купленнаго имѣнія; по V разд. 3 арт.: оцѣня четвертую часть *всею* *наследственнымъ отцовскою имѣніемъ*, ничемъ изъ него не исключая и не теряя, долженъ онъ (братъ) дать сестрамъ своимъ, сколько-бы ни было, равное приданое; по V разд. 19 арт.: буде братья пожелають взять таковое оной сестры своей приданое, то вмѣсто онаго обязаны незамужней сестрѣ назначить

по оцѣнѣ изъ четвертой части имѣнія; ибо по прежнимъ законамъ особенно назначена четвертая часть имѣнія *безъ всякаго различія* въ приданое дѣвницамъ. Такимъ образомъ, по смыслу статута, въ составъ приданого входитъ четвертая часть всего имущества, оставшагося по смерти отца, въ чемъ бы оно ни заключалось.

Кромѣ того, въ судебной практикѣ возбужденъ былъ вопросъ: входитъ ли въ составъ приданого часть имущества, завѣщанная отцомъ? Вопросъ этотъ разрѣшается въ положительномъ смыслѣ какъ изложенными указаніями статута, такъ и текстомъ 2 пун. 1005 ст. зак. гражд., по которому дочери при живыхъ братьяхъ должны получить приданое изъ четвертой части *всего оставшагося послѣ отца имѣнія, хотя онъ и оставитъ завѣщаніе*. Иного толкованія, по нашему мнѣнію, и допустить нельзя, такъ какъ въ противномъ случаѣ незамужняя дочь была бы лишена приданого, вопреки волѣ закона, потому только, что отцу заблагоразсудилось завѣщать все имѣніе; но въ силу закона дочь тогда только лишается приданого, когда отецъ самъ выдалъ ее замужъ, такъ какъ законъ предполагаетъ, что онъ надѣлилъ ее приданнымъ по любви и попеченію своему о ней (зак. гр. ст. 1005, п. 7). Законъ ограничиваетъ отца въ его распоряженіи имуществомъ по духовному завѣщанію лишь только въ отношеніи четвертой его части, подлежащей выдѣлу въ приданое дочерямъ, и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ въ духовномъ завѣщаніи не назначилъ имъ приданого. Разрѣшая тотъ же вопросъ по отношенію къ правамъ матери на вдовью часть, назначенную также закономъ какъ и приданое дочери, и разъясняя смыслъ постановленій статута по этимъ предметамъ, «права, по которымъ судился малороссійскій народъ» даютъ слѣдующее толкованіе: «когда же бы случилось такой отъ мужа умершаго вѣнчанной или невѣнчанной вдовѣ, отдѣльно, отъ сыновъ своихъ на третьей части имѣній, мужемъ себѣ завѣщанныхъ, живущей или купно равною между сынами часть имѣющей, дочь свою, а сестру ихъ родную, или нѣсколько такихъ дочерей выдавать въ супружество изъ четвертой доли мужниныхъ

имѣній, тогда остъ оныя мужскія имѣнія, движимое и недвижимое, какъ онымъ сынамъ въ вѣчность, такъ ей матери по смерти во владѣнiе надлежащая, должно совокупить и со вѣсть тѣхъ имѣній приданое оной одной или сколько ихъ будетъ дочерямъ опредѣлить по вышесказанному. Тоже разумѣть и о такой вдовѣ вѣнчанной, которая-бъ на вѣнчъ своемъ неразлучно съ сынами жила» (глава X, арт. 17, пункт. 2).

4) *Количество приданого.* Изъ вышесказаннаго видно, что приданое составляетъ четвертую часть всего оставшагося по смерти отца имѣнiя (заб. гр. ст. 1005, пункт. 2). Такъ какъ по прежнимъ законамъ была назначена въ приданое всѣмъ дочерямъ четвертая часть имѣнiя, по выраженiю статута, то эта часть и дѣлится между всѣми дочерьми дѣвцами, сколько бы ихъ ни было (разд. V, арт. 19, § 2). Если же отецъ при жизни своей выдалъ замужъ одну или нѣсколько дочерей, а остается еще въ дѣвцахъ одна или нѣсколько, то этимъ оставшимся назначается въ приданое не вся четвертая часть, но сколько имъ по числу вѣсть сестеръ изъ этой части слѣдовать будетъ (заб. гр. ст. 1005, п. 3). Статутъ выражается яснѣе слѣдующими словами: «когда отецъ при жизни своей выдалъ замужъ нѣсколько дочерей, а остается еще въ дѣвцахъ одна или нѣсколько, то имъ оставшимся назначается приданое не изъ всей четвертой части, но сколько имъ по праву и по числу ихъ изъ той четвертой части слѣдовать будетъ» (разд. V, арт. 19, § 3).

Это значитъ, что четвертая часть слѣдуетъ не со включенiемъ въ общую массу даннаго замужнимъ дочерямъ имуществъ, а изъ того, что осталось за вычетомъ ея. Раздѣлъ этой четвертой части между всѣми дочерьми незамужними статутъ и сводъ законовъ прежде всего подчиняють общему началу, что каждая изъ сестеръ должна получить равную часть, — *равное приданое*, затѣмъ для опредѣленiя количества этой равной части принимается та часть, *какую получила первая сестра при живомъ отцѣ*. Можетъ случиться, что эта часть будетъ слишкомъ велика сравнительно со всею четвертою частью оставшагося послѣ отца имѣнiя. На этотъ случай законъ опре-

дѣлаетъ: если бы братья были не въ состояніи за каждую изъ сестеръ по столько дать приданого, сколько получила первая сестра при живомъ отцѣ, въ такомъ случаѣ, отпня четвертую часть всего оставшагося послѣ отца имѣнія, ничего изъ того не исключая и не теряя, они должны дать сестрамъ своимъ, сколько бы изъ ни было, равное приданое (св. зак. ст. 1005, п. 4). Употребленныя въ текстѣ закона слова: «не въ состояніи» не имѣютъ точно опредѣленнаго значенія, а скорѣе указываютъ на нравственное внушеніе братьямъ дать сестрамъ такое приданое, какое далъ отецъ первой сестрѣ. Статутъ въ томъ артикулѣ, изъ котораго взять этотъ законъ, дѣлаетъ весьма важную прибавку: «когда бы ни записанной, ни въ наличности опредѣленной суммы не было» (разд. V, арт. 3, § 2). Этими словами ясно указывается на то, что, считая волю отца главнымъ мѣриломъ приданого, статутъ присваиваетъ такую силу этой волѣ, что даже опредѣленная имъ въ наличности сумма, то-есть простая записка, или отмѣтка отца о назначеніи оставленныхъ имъ денегъ въ приданое, считается достаточнымъ доказательствомъ его воли и не требуетъ другаго болѣе точнаго акта для исполненія.

Поставивъ мѣриломъ количества приданого каждой дочери волю отца, выразившуюся по отношенію къ первой дочери, выданной имъ замужъ, законъ уменьшаетъ четвертую часть, соображаясь съ этою волею. Это выражаетъ онъ слѣдующимъ постановленіемъ: *если братья найдутъ, что изъ четвертой части отцовскаго имѣнія достанется въ приданое каждой изъ сестеръ болѣе, нежели получила первая, при жизни отца вышедшая замужъ, то они властны ту четвертую часть удержать за собою, а сестрамъ по столько дать въ приданое, сколько отецъ далъ за первую* (св. зак. ст. 1005, п. 5). Ограждая интересы сестеръ, законъ указалъ и порядокъ оцѣнки имѣнія, оставшагося по смерти отца, для точнаго опредѣленія четвертой части: прежде всего онъ допускаетъ взаимное согласіе братьевъ и сестеръ по этому предмету; если же согласія не послѣдуетъ, то оцѣнка производится однимъ изъ членовъ суда съ участіемъ землемѣра и въ присутствіи двухъ свидѣ-

телей изъ того сословія, къ которому принадлежать владѣльцы оцѣниваемаго имѣнія; въ основаніе оцѣнки принимаются качества имущества и доходъ или прибыль, отъ него получаема (св. зак. ст. 1005 п. 4, стат. разд. V, арт. 3, § 2).

Уменьшая законную долю приданого по волѣ отца, законъ и увеличиваетъ эту долю установленіемъ особаго *порядка наслѣдованія въ приданомъ*, а именно: *когда сестра, получившая приданое отъ братьевъ изъ четвертой части отцовскаго имѣнія, умретъ, не распорядившись онымъ при жизни, не оставивъ по себѣ дѣтей, или хотя она имѣла отъ брака дѣтей, но эти дѣти умерли прежде ея смерти или хотя послѣ ея смерти, но въ несовершеннолѣтнѣхъ; то въ такомъ случаѣ ея приданое достается не братьямъ, а той сестрѣ, которая еще не выдана замужъ и не имѣетъ себѣ опредѣленнаго приданого* (статутъ, разд. V, арт. 19, § 2, св. зак. ст. 1005, п. 6). И здѣсь законъ предоставляетъ братьямъ взять себѣ такое приданое; но обязываетъ братьевъ *взаимно его назначить незамужней сестрѣ приданое по оцѣнкѣ изъ всей четвертой части имѣнія*; ибо, поясняетъ статутъ, по прежнимъ законамъ особенно назначена четвертая часть имѣнія, безъ всякаго различія, въ приданое дѣвицамъ, сколько бы ихъ ни было или только одна (разд. V, арт. 19, § 2). Это весьма важное поясненіе еще разъ указываетъ на характеръ приданого по статуту, и на вещное право дѣвицъ въ приданомъ.

5) *Обезпеченіе приданого.* Съ законами о приданомъ неразрывно связаны, какъ выше сказано, постановленія о *опѣнѣ* или *обезпеченіи приданого*. Литовскій статутъ особенно богатъ постановленіями о немъ. Изъ свойства ихъ видно, что статутъ столько же заботился обезпечить приданое имуществомъ мужа, сколько старался устроить участь дочерей посредствомъ приданого; очевидно, статутъ считалъ необходимымъ вполне охранить права и имущество женщины отъ всякихъ посягательствъ на нихъ, входя въ ея беззащитное положеніе и имѣя въ виду легкость растраты приданого, при переходѣ его въ руки мужа. Эта цѣль указывается прямо оглавленіемъ 1 артикула V раздѣла, излагающаго о томъ, *какимъ образомъ отецъ при вы-*

дочѣ своей дочери въ замужество имѣть *опрадитъ* и *обезпечить* ея приданое записаніемъ въна отъ зятя». Сводъ законовъ, помѣстивъ въ 1005 ст. отрывки статута по этому важному предмету, далеко не исчерпалъ того богатаго матеріала, который предлагался ему статутомъ; поэтому и здѣсь многія неясности могутъ быть устранены только при помощи статута.

А. *Кто долженъ требовать обезпеченія приданого?* Отвѣчая на этотъ вопросъ, сводъ законовъ постановляетъ: *отецъ, отдавая дочь въ замужество, можетъ принять къ обезпеченію назначеннаго имъ приданого всякія, по своему благоусмотрѣнію, мѣры; но если дѣвица выдается въ замужество братьями ея или опекунами, то слѣдующее ей приданое должно быть ими обезпечено посредствомъ особой о томъ записи* (св. зак. ст. 1005, п. 9). Статутъ не дѣлаетъ этого различія между отцомъ, братьями и опекунами, даетъ общее правило, по которому требуется, чтобы «каждый обыватель, какова бы званія ни былъ, выдавая дочь свою въ супружество и опредѣляя для нея по доброй волѣ своей приданое, прежде нежели дочь свою выдастъ замужъ, взявъ отъ зятя своего записку обезпечить оную. Соотвѣственно сему имѣютъ поступать мать, братья, дяди по отцѣ и другіе ближайшіе, въ разсужденіи выдачи въ замужество дѣвицъ дворянокъ и прежде совершенія брака получить отъ зятя въно» (разд. V арт. 1 § 1). Вмѣстѣ съ тѣмъ статутъ опредѣляетъ и послѣдствія неисполненія этого требованія, а именно: «если бы отецъ, мать или ближайшіе родственники, при выдачѣ въ замужество не взяли отъ зятя въновной записи, какъ выше сказано; то она, по смерти своего мужа, на сколь велику сумму ни принесла приданого, лишается онаго» (тамъ же, § 3). Хотя сводъ законовъ и упоминаетъ объ этомъ, но лишь вскользь и въ другомъ мѣстѣ (ст. 1157, пунктъ 4).

Б. *Кто обязанъ обезпечить приданое?* Обязанность эта лежитъ прежде всего на женихѣ, имѣющемъ недвижимую собственность, достаточную для обезпеченія приданого; если же у него такой собственности нѣтъ, то обязанность эта лежитъ на

отцѣ и родственникахъ, выдающихъ дѣвицу замужъ (св. зак. ст. 1005 п. 10—11, статута раздѣлъ V, арт. 2, § 4).

В. *Въ чемъ должно состоять обезпеченіе?* По своду законовъ оно должно заключаться въ недвижимомъ имѣніи жениха, соотвѣтствующемъ принятому имъ приданому и опредѣляемому вѣнною записью; если же у него такого имѣнія нѣтъ, то родственники, выдающіе дѣвицу замужъ, могутъ на сумму, назначенную ей въ приданое, приобрести покупкою на ея имя недвижимое имущество или же внести приданые деньги на проценты въ кредитныя установленія или отдавать частнымъ лицамъ на проценты подъ вѣрные залоги, но всегда не иначе, какъ на ея имя (св. зак. ст. 1005, п. 10—11). Статутъ даетъ болѣе опредѣленные постановленія по этому вопросу. Отецъ, мать, братья и другіе родственники прежде еще совершенія брака должны смотрѣть, чтобы *третья часть имѣнія зятя вдвое* соотвѣтствовать могла приданому дѣвицы, которое онъ тою *третьею частью* обезпечить бы. А если бы таковая третья часть не соотвѣтствовала приданому, то отецъ, или кто-либо иной, выдающій дѣвицу въ супружество, долженъ купить имѣніе изъ суммы, въ приданое опредѣляемой и оное дать зятю за сею дѣвицею (разд. V, арт. 2, § 4). При этомъ статутъ разъясняетъ, что мужъ можетъ записать женѣ какъ движимое, такъ и недвижимое имѣніе, но только третьею частью недвижимаго имѣнія, дабы она могла изъ сей третьей части государственную земскую службу отправлять; въ противномъ случаѣ, то есть если бы наследственное родовое имѣніе было записано женѣ свыше третьей части, запись признается недействительною (тамъ же, § 3 — 4). Съ другимъ государственнымъ устройствомъ обязанность мужа обезпечивать приданое непременно третьею частью имѣнія не имѣла мѣста, потому въ сводѣ законовъ о третьей части имѣнія мужа не упоминается (полн. собр. зак. 15 апрѣля 1842 г. № 15327).

Для объясненія значенія вѣнновой записи здѣсь укажемъ на то, что безъ вѣнновой жена по смерти мужа лишается приданого (разд. V, артик. 1, § 3; св. зак. X т. 1 ч. ст. 1157, пунктъ 4). Статутъ точно опредѣляетъ способъ оцѣнки прида-

наго и вѣна, содержаніе и составленіе вѣнковой записи. На- личныя деньги, золото, серебро, жемчугъ и дорогія каменья должны быть оцѣниваемы вдвое и описаны въ записи, прочее же приданое, какъ-то платья, наряды, бѣлье, лошади, коляски и всѣ другія движимыя вещи—полагаются въ дѣйствительной, а не въ двойной цѣнѣ, но должны быть точно описаны. Въмѣсто двойной цѣны приданого, мужъ женѣ давалъ подарокъ на другой день послѣ брака; такой подарокъ назывался *приепыкомъ*. Мужъ долженъ оцѣнить всѣ свои недвижимыя имѣнія и обезпечить приданое на третьей части всѣхъ своихъ имѣній, на каждомъ ли имѣніи или на одномъ какомъ-нибудь или на нѣсколькихъ имѣніяхъ, полагая ихъ въ третью часть, изъявъ оныя и исклю- чивъ соотвѣтственно приданому жены (стат. разд. V, арт. 2). Кромѣ записи, женихъ долженъ дать обязательство съ не- устоякою въ томъ, что эта записка будетъ явлена въ судѣ (тамъ же, арт. 1, § 1). Въ статутѣ и сводѣ законовъ относительно порядка совершенія вѣнковыхъ записей сказано, что онѣ дол- жны быть сознаны въ томъ судѣ, въ вѣдомствѣ котораго со- стоитъ имѣніе, а сознанныя въ другихъ судахъ записи при- знаются недействительными (св. зак., ст. 732). Въ настоящее время за введеніемъ нотаріальнаго положенія, вѣнковыя записи должны быть совершаемы у нотаріусовъ и обрацаемы къ ут- верженію мѣстнаго старшаго нотаріуса, такъ какъ эти записи устанавливаютъ ограниченіе права собственности (нотар. полож. стат. 66). Главное содержаніе вѣнковой записи должно заклю- чать въ себѣ, что за такою-то при выходѣ ея замужъ назна- чено приданое въ такихъ-то вещахъ или имѣніяхъ, оцѣнен- ныхъ въ такую-то сумму; это приданое дающій записъ обез- печиваетъ такимъ-то имѣніемъ, и потому какъ нынѣ, такъ и по вступленіи въ бракъ не имѣетъ права продавать, дарить или инымъ способомъ отчуждать, а также закладывать означен- ное имѣніе и долженъ хранить его въ цѣлости; въ случаѣ смерти дающаго записъ, вступающая съ нимъ въ бракъ такая то, пожелаетъ ли остаться во вдовствѣ или вступить во второй бракъ, вольна будетъ тѣмъ имѣніемъ владѣть и пользоваться по законамъ (права, по которымъ суд. малорос. глава X, ар-

тик. 6, пунктъ 4, форма записи). Изъ этой формы и смысла статута видно, что запись должна быть совершена до вступленія въ бракъ (разд. V, арт. 1), но могло быть и иначе. На этотъ случай статутъ постановляетъ, что если бы мужъ до окончательнаго совершенія записи (сознанія въ судѣ) умеръ, то тѣмъ не менѣе жена обязана запись въ книги суда вписать, и если бы родственники умершаго мужа ея стали потомъ силу записи оспаривать, то она доказывается показаніями свидѣтелей, подписавшихъ запись, а за смертью ихъ присягою самой жены (тамъ же, § 2).

6) *Права жены и мужа на приданое и тѣмъ.* Литовскій статутъ, развѣвъ весьма подробно начала, которыми устанавливается выдача приданого, столь же подробно разработалъ вопросъ о правахъ распоряженія, владѣнія и пользованія приданнымъ какъ во время брака, такъ и послѣ брака. Законы общій и мѣстный въ этомъ вопросѣ сходятся только въ одномъ: приданое жены считается во всякомъ случаѣ собственностью жены (св. зак. ст. 110—111), то-есть, что мужъ не имѣетъ права отчужденія приданого по своей волѣ; но только этимъ и ограничивается сходство. Затѣмъ по общему закону мужъ не имѣетъ никакихъ правъ на приданое жены, а мѣстный законъ даетъ ему весьма важныя права на общее съ женою владѣніе и пользованіе приданнымъ и на ограниченіе правъ жены въ распоряженіи имъ. Оршанскій совершенно правильно указываетъ на этотъ капитальный недостатокъ общаго закона, отрицающаго всякое право мужа на приданое, на противорѣчіе его съ дѣйствительною жизнью и обычаями, на несоотвѣтствіе даже съ нѣкоторыми статьями свода законовъ (60, 1009, 1153 ст. зак. гр.) (Журн. Гражд. и Торг. Пр. 1872 г. № 6). Сводъ законовъ въ этомъ отношеніи стоитъ въ ряду тѣхъ законовъ средневѣковой эпохи, которые интересуются исключительно родою жизнью, и потому смотрятъ на приданое какъ на выдѣлъ переходящихъ въ чужой родъ дочерей и заботятся главнымъ образомъ лишь о томъ, чтобы приданое не вредило интересамъ рода и родоваго имущества, а другую сторону приданого — отношенія между супругами по приданому во

время брака, какъ не имѣющую значенія для рода и государства, — предоставляютъ обычаю. Это не составляло бы еще особыхъ затрудненій въ практикѣ, если бы жизнь текла мирно и гладко, если бы въ дѣйствительности мужъ любилъ свою жену какъ собственное свое тѣло, жилъ всегда съ нею въ согласіи, а жена пребывала къ нему въ любви и почтеніи, какъ обязываетъ ихъ законъ (зак. гр. ст. 106 — 107); но дѣло въ томъ, что чувства нельзя навязать никому закономъ, что опытъ житейскій далекъ отъ такихъ идеаловъ, что между супругами могутъ возникать и дѣйствительно возникаютъ споры, что для разрѣшенія ихъ нужны болѣе твердыя и болѣе уловимыя правила, чѣмъ обычай, нужны законы, съ нимъ согласные. Литовскій статутъ по своимъ опредѣленіямъ относительно разсматриваемаго предмета стоитъ въ ряду тѣхъ законовъ, которые въ приданомъ видятъ средство къ достиженію цѣлей брака, пособіе къ содержанію семьи и имущество, обезпечивающее жену отъ бѣдности и несчастій супружеской жизни. Сообразно съ этимъ понятіемъ, статутъ, выгораживая личность и права жены отъ подавляющей власти мужа, не отдаетъ приданого въ собственность мужа, а оставляетъ за нимъ только право на владѣніе и пользованіе приданнымъ и на охраненіе его отъ легкомысленной растраты женою. Впрочемъ, и статутъ, вышедшій въ вѣкъ значительной силы родовыхъ понятій, въ нѣкоторыхъ частныхъ постановленіяхъ о судьбѣ приданого подчиняется еще этимъ понятіямъ. Сводъ законовъ, смотря на приданое и отношенія къ нему супруговъ съ своей точки зрѣнія, былъ весьма невнимателенъ къ постановленіямъ статута объ этихъ отношеніяхъ, опускалъ многія изъ нихъ, и тѣ, которыя принималъ въ соображеніе, разбросалъ по разнымъ мѣстамъ безъ всякой связи. Поэтому и здѣсь приходится дополнять сводъ законовъ постановленіями статута. Разсматриваемый общій вопросъ раздѣлимъ на отдѣльные.

А. Права и обязанности мужа по приданому. По этому предмету статутъ высказываетъ слѣдующее общее правило: *имѣніемъ, которое отецъ, братъ или родственники купили и въ приданое за дѣвицею дали, имѣютъ супруги пользоваться*

вѣсть по смерти мужа, а по смерти его жена имѣетъ право владѣть и располагать онымъ, какъ своею собственностью (разд. V, арт. 2, § 5). Сводъ законовъ, устанавливая въ сущности тоже правило, распространяетъ его объясненіемъ, что жена во время брачнаго съ нимъ сожителства не можетъ безъ согласія его дѣлать никакихъ распоряженій въ нарушеніе или ограниченіе правъ мужа на общее съ нею пользованіе ея приданымъ. Впрочемъ, въ этой прибавкѣ едва ли предстояла надобность, такъ какъ общее владѣніе и пользованіе само по себѣ указываетъ на упоминаемое сводомъ ограниченіе жены. Такая прибавка сдѣлана несомнѣнно подъ диктовку общихъ началъ семейнаго права, принятыхъ сводомъ. Крѣпко стоя за права мужа и отца, сильныхъ по ихъ природѣ, сводъ всюду на первомъ планѣ ставитъ эти права, какъ будто есть какое-нибудь опасеніе, что они въ дѣйствительности будутъ нарушены; по этой рѣзко выдающейся чертѣ свода можно думать, что наши общіе гражданскіе законы пропитаны началомъ устраниженія. Въ указанной 107 ст. выражено, что жена обязана пребывать къ своему мужу въ любви и въ неограниченномъ послушаніи; можно подумать, что это изреченіе взято изъ домостроя, а между тѣмъ подъ нимъ помѣченъ указъ Екатерины II. Между тѣмъ главная задача семейнаго права состоитъ именно въ томъ, чтобы препятствовать проявленію произвола въ семейной жизни, въ огражденіи слабыхъ отъ угнетенія сильныхъ. Такими началами проникнута и наша церковь, видящая въ бракѣ таинство, неразрывно связывающее супруговъ на всю жизнь; неограниченнымъ послушаніемъ и внушеніемъ страха такая связь не можетъ быть поддержана. Закону слѣдовало, напротивъ, взять на себя обузданіе нашихъ и безъ того суровыхъ нравовъ въ обращеніи съ женами и дочерьми. Въ противоположность своду статутъ XVI вѣка далекъ отъ возведенія на пьедесталъ правъ, которыя сами по себѣ сильны; поэтому и права мужа на приданое жены онъ ограничиваетъ указаніемъ на общее ихъ владѣніе и пользованіе, понимая, что мужъ, какъ глава семейства, долженъ имѣть въ виду, что это имущество назначено не для него одного, а для обоихъ супру-

говъ и дѣтей ихъ. Далѣе статутъ, оставаясь вѣрнымъ своему началу, что приданое составляетъ собственность жены, предоставляетъ ей распорядиться приданымъ на случай своей смерти и завѣщать его мужу, дѣтямъ или постороннему лицу; если же она этого не сдѣлала, то приданое поступаетъ въ наслѣдство дѣтямъ, а если ихъ нѣтъ, возвращается въ тотъ родъ, изъ котораго она замужъ вышла (разд. V, арт. 2, § 6). Очевидно, что назначеніе приданого и самая судьба его налагаютъ на мужа отвѣтственность за растрату его. Кромѣ изложеннаго правила, самымъ очевиднымъ указаніемъ этой отвѣтственности служить обезпеченіе приданого вѣнною запискою на имѣніи мужа, описью и оцѣнкою въ этой записи имущества, какъ выше сказано. Но позднѣе сборники правъ малороссійскихъ смотрятъ на отношенія мужа къ приданому, какъ опекуна, по смыслу III разд. 4 арт. статута, но съ тѣмъ различіемъ, что о доходахъ и расходахъ мужъ не даетъ отчета (права малорос. нар. глава X, арт. 22, пункт. 3). Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ мужъ отвѣчаетъ за приданое, не разрѣшенъ вполне статутомъ. Редакторы «правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ», весьма удовлетворительно разрѣшили этотъ вопросъ и установили, что мужъ, по смерти бездѣтной жены, если наслѣдники ея станутъ требовать возврата приданого, обязанъ по общему правилу отвѣчать за утрату приданого; но долженъ быть освобожденъ отъ взысканія, если «правильными доводами, свидѣтелями или присягою» докажетъ, что приданое истрачено не по его волѣ и нерадѣнію и что онъ самъ не былъ причиною «потерянія» его и себѣ его «не утаилъ» (тамъ же, арт. 11). Отсюда очевидно, что мужъ не отвѣчаетъ за приданое, когда оно истрачено на расходы брачной жизни, и отвѣчаетъ только за то, что потеряно и издержано по его винѣ и нерадѣнію и что осталось у него лично. По вышеуказанному правилу, мужъ владѣетъ и пользуется приданнымъ вмѣстѣ съ женою только до смерти, то-есть до прекращенія брака. Но бракъ можетъ прекратиться и разводомъ; о вліяніи развода на приданое было говорено въ III главѣ. Въ развитіе началъ, принятыхъ статутомъ, редакторы

правъ Малороссіи признали нужнымъ дополнить пробѣлъ статута относительно положенія мужа, не имѣющаго средствъ къ обезпеченію приданого, и установили: отъ такого мужа берется письменное обязательство въ слѣдующемъ: 1) онъ обязывается не только не тратить безъ нужды приданое, но стараться общими съ женою трудами увеличить его; 2) всякое имущество, составляющее прибавленіе къ приданому, поступить, по смерти мужа, къ женѣ и его дѣтямъ, а безъ дѣтей вдова владѣеть этимъ имуществомъ вмѣстѣ съ приданнымъ до смерти своей; по смерти же ея безъ завѣщанія приданое и половина нажитаго имущества поступаетъ къ ея наслѣдникамъ, а другая половина этого имущества переходитъ къ наслѣдникамъ мужа; въ случаѣ вступленія жены во второй бракъ она получаетъ только приданое, а нажитое имущество переходитъ къ дѣтямъ отъ перваго мужа. Въ случаѣ смерти жены приданое переходитъ къ ея дѣтямъ, а нажитое имущество остается у мужа (тамъ же, арт. 9, пунк. 1 и 2).

Б. Права жены на приданое. Жена, какъ выше сказано, признается по закону собственницею приданого, но во время брачнаго сожителства ограничена правами мужа на общее съ нею пользованіе имъ; поэтому не можетъ и отчуждать и вообще распоряжаться имъ безъ согласія мужа. Только по прекращеніи брака смертью или разводомъ или же по разлученіи супруговъ (зак. гр. ст. 118) жена вступаетъ во всѣ права на приданое. Но всѣ эти ограниченія правъ жены въ отношеніи къ приданому имѣютъ мѣсто при томъ непремѣнномъ условіи, если отъ зятя была взята вѣнчая записка; если же этой записки взято не было, то по статуту она по смерти своего мужа лишается приданого (разд. V, арт. 1, § 3), по своду законовъ считается какъ бы не принесшею приданого (зак. гр. ст. 1157, пунк. 4). Эти слова, конечно, имѣютъ тотъ смыслъ, что жена не получаетъ приданого, отданнаго на руки мужу, отъ его наслѣдниковъ; но жена не лишается правъ на приданое ни въ какомъ случаѣ, если оно находилось у нея, въ ея завѣдываніи и управленіи. Указанныя слова статута не могутъ быть приняты въ буквальный значе-

ніи относительно вѣнковой записи, потому что статутъ предусматриваетъ случай смерти мужа до сознанія въ судѣ вѣнковой записи (разд. V, арт. 1, § 2). Не становясь исключительно на формальную сторону, редакторы малороссійскихъ правъ установили, что если мужъ обѣщалъ при свидѣтеляхъ записать вѣно женѣ своей, но умеръ, не составивъ записи, то жена или «ея пріятели» имѣютъ право требовать отъ наслѣдниковъ мужа возврата приданого, и если наслѣдники будутъ спорить, то она должна доказать свидѣтелями или своею присягою, что мужъ принялъ приданое, а судъ присуждаетъ ей какъ приданое, такъ и вѣно; если же приданого на лицо не оказалось и не по винѣ ее было растрчено, то дѣти или наслѣдники мужа должны уплатить ей за приданое по той вышеуказанной оцѣнкѣ (простой и двойной) вещей, поступившихъ въ приданое, какая указана статутомъ для вѣнковой записи (права малорос. народ., глава X, артик. 5, пункт. 4, артик. 7, пункт. 5). Эти положенія относительно вѣнковой записи отчасти согласны съ постановленіемъ свода законовъ, по которому отецъ, отдавая дочерей своимъ замужъ, можетъ принять къ обезпеченію приданого всякія, по своему благоусмотрѣнію, мѣры, слѣдовательно и не брать записи (зак. гражд., ст. 1005, пункт. 9). По прекращеніи брака или при несовмѣстномъ жителствѣ съ мужемъ (тамъ же ст. 111), жена пріобрѣтаетъ всѣ права на приданое и можетъ распорядиться имъ какъ при жизни, такъ и на случай смерти какъ всякою другою своею собственностью (статут. разд. V, арт. 2, § 6). Вмѣстѣ съ тѣмъ статутъ устанавливаетъ особый порядокъ наслѣдованія въ приданомъ. Оно переходитъ: 1) къ дѣтамъ жены, 2) при бездѣтствѣ ея къ сестрѣ жены, не получившей приданого и невданной замужъ, 3) къ родителямъ, давшимъ приданое, которое возвращается имъ «въ однорядѣ» (безъ привѣнка), а не вдвое, 4) къ роднымъ братьямъ жены (стат. разд. V, арт. 19, § 1—2). Въ наслѣдованіи приданого статутъ имѣлъ въ виду нѣсколько случаевъ, весьма важныхъ въ практическомъ отношеніи. При второмъ и третьемъ брагѣ дѣти отъ каждаго изъ нихъ получаютъ приданое своихъ ма-

терей; въ случаѣ же растраты приданого, прежде всего изъ имѣнія отца выплачивается приданое въ пользу дѣтей той жены, которой оно принадлежит (тамъ же, арт. 15, § 1—2). Въ разъясненіе этого постановленія «права малороссійскаго народа» предписываютъ, чтобы наряды и платье, оставшіеся послѣ первой жены, не были отдаваемы второй женѣ, а были предоставлены дочерямъ первой (права, глава X, арт. 29, пункт. 3).

В. Права и обязанности жены по вѣну. По началамъ, принятымъ въ основаніе постановленій статута о вѣнѣ, оно служить обезпеченіемъ приданого и вмѣстѣ съ тѣмъ дополненіемъ приданого для доставленія средствъ къ содержанію вдовы. Поэтому статутъ прежде всего принимаетъ мѣры къ сохраненію въ цѣлости вѣна и въ этомъ отношеніи подчиняетъ распоряженія мужа волѣ жены. Мужъ не имѣетъ права «ни въ какія крѣпости укрѣплять» имѣнія, обезпечивающаго приданое жены, хотя бы на то имѣлъ на письмѣ согласіе жены своей, если оно ею самою въ судѣ лично не признано (стат. разд. V, арт. 17, зак. гражд. ст. 111). Но въ разъясненіе этого ограниченія мужа редакторы «правъ малороссійскаго народа» считали нужнымъ прибавить: 1) мужъ имѣетъ право управлять вѣновнымъ имѣніемъ и доходы съ него употреблять на потребности брачной жизни, но безъ разоренія его, а жена не можетъ завладѣть такимъ имѣніемъ и передать своимъ наслѣдникамъ; 2) мужъ можетъ для какой-либо общей своей и жены пользы вѣновное имѣніе употребить и вмѣсто его иное равное ему имѣніе отдать въ обезпеченіе приданого, но не иначе, какъ съ соизволенія жены безъ всякаго принужденія ея къ тому (права малорос., глава X, арт. 31, пункт. 2 и 3); 3) жена какъ при жизни мужа, такъ и по смерти его не вправе себѣ вѣновное имѣніе присвоить, ни продать, ни заложить; если оно, безъ воли и вѣдома наслѣдниковъ мужа, будетъ продано или уступлено кому-либо женою, то наслѣдники имѣютъ право отобрать имѣніе, уплативъ за него новымъ владѣльцамъ то, что слѣдуетъ женѣ за него по закону; но если бы жена вѣновное имѣніе была вынуждена продать, не имѣя возможности поддерживать хозяйство, то на-

слѣдники имѣютъ право выкупить его или сами взять его въ арендное содержаніе и уплачивать деньги женѣ, и если они не согласятся на это, то она вправѣ, съ разрѣшенія суда, заложить имѣніе (тамъ же арт. 21, пунк. 1—2); 4) во всякомъ случаѣ жена отвѣчаетъ предъ наслѣдниками мужа за растрату вѣнчанаго имѣнія лишь въ томъ случаѣ, если это произошло по ея винѣ и нерадѣнію (тамъ же, арт. 11); 5) въ случаѣ растраты мужемъ приданаго и невозможности уплатить за него ей или ея наслѣдникамъ, мужъ и наслѣдники его теряютъ всякое право на вѣнчанное имѣніе (тамъ же, арт. 9). По смерти мужа вдова остается на приданомъ и вѣнѣ; таково главное правило статута. Вѣно достается вдовѣ во владѣніе и пользованіе; поэтому статутъ говоритъ, что вдова остается при имѣніи, обезпеченномъ для нея вѣнчною записью, а сыновья владѣютъ всѣми отцовскими имѣніями и богатствами (разд. V, арт. 5); вдова бездѣтная пользуется вѣнчнымъ имѣніемъ до смерти и до вступленія во второй бракъ, а прочія всѣ имѣнія достаются наслѣдникамъ мужа (тамъ же, арт. 6). Разъясняя этотъ законъ, права Малороссіи опредѣляютъ, что постройки, сдѣланныя вдовою въ вѣнчномъ имѣніи на свой счетъ, принадлежать ей, какъ собственность; она можетъ перенести или продать при выкупѣ того имѣнія наслѣдниками мужа, а за пристройку или починку старыхъ строеній наслѣдники должны уплатить ей по оцѣнкѣ (глава X, арт. 18, пунк. 3). Если вдова вступить во второй бракъ, то дѣти и наслѣдники мужа, если пожелаютъ, имѣютъ право выкупить имѣніе вѣнчанное, заплативъ ей всю вѣнчную сумму, въ записи означенную, какъ простою, такъ и двойною цѣною приданаго, независимо отъ вознагражденія за утраченное приданое (стат. разд. V, арт. 2, § 1, права малор., глава X, арт. 6, пунк. 2). Если же дѣти или наслѣдники мужа не захотятъ до смерти вдовы, вступившей во второй бракъ, выкупать имѣнія, то они обязаны за приданое заплатить, что она въ домъ ихъ внесла, если оно будетъ утрачено мужемъ, но простою, а не двойною цѣною, тому, кому она запишетъ; а привѣнча, то-есть того, что мужъ ей записалъ противъ приданаго еще столько же,

(или подарилъ какія-либо вещи), платить они не обязаны; такъ какъ она записанною ей другою противъ приданого суммою располагать не можетъ (эти деньги или вещи составляютъ собственность дѣтей) (статут. разд. V, артик. 2, § 2). Вдова, вступившая во второй бракъ и имѣвшая отъ перваго мужа вѣнговую запись, не имѣетъ права уже требовать отъ втораго мужа вѣнговой записи. Но ежели второй мужъ умретъ, оставя послѣ себя дѣтей, то она получаетъ равную съ ними часть изъ имѣнія его и владѣетъ ею по смерти (тамъ же, арт. 16, § 1).

Г. *О домахъ мужа и жены.* Статутъ не даетъ точныхъ опредѣленій о томъ, падаетъ ли отвѣтственность за долги мужа и жены на приданое и въ какой мѣрѣ. Редакторы правъ Малороссіи не упустили изъ виду и этого вопроса и разрѣшили его слѣдующими положеніями: за долгъ мужа, сдѣланный до свадьбы, приданое жены не отвѣчаетъ, если она сама взятыми въ долгъ деньгами не воспользовалась; всякіе же другіе долги, которые сдѣланы по обязательствамъ супруговъ на ихъ брачную жизнь (понеже мужъ и жена, въ общеніи всѣхъ имѣній пребывая, подлежатъ равному прибытку и убытку), удовлетворяются изъ собственныхъ имѣній обоихъ супруговъ, безъ всякаго различія вѣна или другаго имущества мужа. По смерти мужа жена, получившая вѣнговое имѣніе, должна уплачивать третью часть долга мужа, въ которомъ она вмѣстѣ съ нимъ участвовала и обязалась (права Малорос., глава X, артик. 33, пункт. 1—2).

VIII.

Наслѣдованіе женщинъ по законамъ черниговской и полтавской губерній различается отъ наслѣдованія ихъ по общему закону не менѣе крупными чертами, какъ и приданое. Общій законъ представляетъ собою въ этомъ отпечатокъ преданій глубокой старины, когда вся забота въ призваніи лицъ въ наслѣдованію была обращена исключительно на интересы рода и

охраненіе правъ его, когда права женщинъ поглощались этими интересами, когда преобладаніе представителей рода — братьевъ было столь велико, что выработало крайне эгоистическую, несправедливую въ кровномъ и семейномъ отношеніи поговорку: «сестра при братьяхъ не вотчинница»; она превратилась въ основное начало наслѣдованія для женщинъ, до такой степени сильное, что, вѣрная преданіямъ старины, практика смотритъ на призваніе женщинъ къ наслѣдованію только какъ на исключеніе изъ этого кореннаго правила и ставить его преградою къ допущенію женщинъ въ наслѣдованіе всюду, гдѣ только можно ухватиться за это правило, хотя бы такое толкованіе закона шло въ разрѣзъ съ древними законами и съ справедливостью. Сводъ законовъ не пошелъ далѣе этихъ преданій старины и частью вовсе устранилъ женщинъ отъ наслѣдованія (въ боковыхъ линіяхъ при братьяхъ), частью же удѣлилъ имъ крошечную долю въ немъ, извѣстную подъ именемъ указной доли. Здѣсь мы не станемъ разбирать вопіющихъ недостатковъ общей системы наслѣдованія женщинъ, сохраняющихся только по совершенному упущенію изъ виду правъ женщинъ въ нашемъ законѣ; эти недостатки подробно разобраны въ прекрасной статьѣ Оршанскаго «Наслѣдственные права русской женщины» (Журн. Гражд. и Угол. Права 1876 г. №№2—3) Литовскій статутъ, хотя и подчинился въ нѣкоторыхъ случаяхъ наслѣдованія женщинъ требованіямъ и условіямъ родоваго быта, но избѣгнулъ ихъ крайностей и согласилъ ихъ съ понятіями о стѣсненномъ положеніи женщинъ; тамъ, гдѣ не нашелъ возможнымъ отклонить родовые интересы, сдѣлалъ уступку въ пользу женщинъ назначеніемъ приданаго и вдовьей части въ имѣніи мужа въ формѣ пожизненнаго владѣнія. Но гдѣ оказывалась возможность пожертвовать родовыми интересами, тамъ онъ исполнѣ уравнивалъ права женщинъ съ правами мужчинъ: такъ, въ материнскомъ имѣніи онъ открылъ доступъ въ наслѣдованіи дочерямъ въ равномъ правѣ и въ равной долѣ съ сыновьями. Въ этомъ отношеніи начала мѣстнаго закона, представляя высокое достоинство, рѣзко указываютъ недостатки общаго закона. Мѣстный законъ, давая участіе дочерямъ, сестрамъ и

вдовамъ въ имуществѣ родителей и мужа, не урѣзываетъ его до бѣдности, какъ общій законъ, а назначаетъ имъ относительно достаточную долю всего имущества. По порядку изложенія законовъ о наслѣдствѣ, будемъ говорить 1) о наслѣдованіи дочерей и сестеръ, 2) о вдовьей части.

1) А. *Наслѣдованіе въ имуществѣ отцовскомъ*. Въ имуществѣ отцовскомъ сыновья устраняютъ дочерей отъ наслѣдства; на сестеръ же слѣдуетъ выдѣлять приданого соразмѣрно четвертой части всѣхъ отцовскихъ имѣній, какъ въ отдѣлѣ о приданомъ сказано (статут. разд. III, арт. 17, § 2). Если же братьевъ и ихъ нисходящихъ не будетъ, то всѣ отцескія и всякіи образомъ нажитыя имѣнія достаются сестрамъ и ихъ потомству (тамъ же, § 3, зав. гражд. ст. 1133, пункт. 1—4). Дочери дѣлятъ наслѣдство послѣ отца между собою поголовно, а ихъ нисходящіе поколѣнно, то-есть внуки и внучки получаютъ отъ дѣда столько, сколько слѣдовало бы ихъ матери, если бы она была жива.

Б. *Наслѣдованіе въ имуществѣ материнскомъ*. По этому предмету статутъ постановляетъ: *все матернее имѣніе, никому ею незаписанное, какъ недвижимое, такъ и движимое, также и приданое ея должно быть раздѣлено по равнымъ частямъ между всеми дѣтьми, какъ сыновьями, такъ и дочерьми* (стат. разд. V, арт. 14). На этомъ основаніи и въ сводѣ законовъ опредѣлено: всякое имущество, оставшееся послѣ матери, родовое и благопріобрѣтенное, недвижимое и движимое, дѣти ея, какъ сыновья, такъ и дочери, замужнія и незамужнія, дѣлятъ между собою по равнымъ частямъ поголовно; внуки же и правнуки, по праву представленія, поколѣнно (ст. 1133, пункт. 5). Такимъ образомъ относительно материнскаго имѣнія законъ не дѣлаетъ никакого различія между дѣтьми, считаетъ ихъ всѣхъ равными для матери, не отличаетъ сына отъ дочери; установивъ такое общее правило, законъ распространяетъ его на всякое имущество матери, какъ родовое, такъ и благопріобрѣтенное; такимъ образомъ законъ вполне поступилъ родовыми понятіями, чтобы дать въ материнскомъ имѣніи дочерямъ участіе въ наслѣдованіи, совершенно равное съ

сыновьями. Давая дочерямъ право въ наслѣдованіи материнскимъ имѣніемъ, равное съ сыновьями, законъ совершенно послѣдовательно отнимаетъ это право у тѣхъ дѣтей, которыя уже получили свою долю при жизни матери, и потому опредѣляетъ: когда сынъ или дочь получили отъ матери при ея жизни часть собственнаго ея имущества, первый посредствомъ выдѣла, а послѣдняя въ приданое, то при открытіи послѣ нея наслѣдства они отъ участія въ ономъ уstraиваются; но чрезъ сіе однакожъ не лишаются права въ такомъ наслѣдствѣ, которое могло бы къ нимъ дойти послѣ смерти матери по праву представленія (тамъ же, ст. 999, 1133, пун. 6). Такимъ образомъ законъ ограничиваетъ отдѣленныхъ дѣтей въ наслѣдованіи только въ отношеніи къ имѣнію самой матери, а не въ отношеніи къ тому имуществу, которое можетъ достаться ей впослѣдствіи по праву наслѣдованія и въ которомъ дѣти, отдѣленные какъ выдѣломъ, такъ и приданнымъ (ст. 1105, пун. 8), могутъ наслѣдовать чрезъ нее; потому что мать, выдѣляя и давая приданое, не принимала въ расчетъ того, что ей самой можетъ достаться впослѣдствіи.

В. *Наслѣдованіе въ боковыхъ линіяхъ.* По отношенію къ черниговской и полтавской губерніямъ, сводъ законовъ въ порядкѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ оставилъ въ силѣ общее правило, по которому въ этихъ линіяхъ сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ обоего пола не имѣютъ права на наслѣдованіе (ст. 1135), и сообразно съ этимъ правиломъ допустилъ женщинъ къ наслѣдованію въ боковыхъ линіяхъ лишь въ томъ случаѣ, когда по смерти наслѣдодателя не останется ни братьевъ, ни ихъ нисходящихъ (ст. 1137). Не станемъ входить въ подробный разборъ этой системы наслѣдованія, такъ какъ ею опредѣляется не мѣстный, а общій порядокъ наслѣдованія. Но не можемъ не сдѣлать одного общаго замѣчанія: наша практика слишкомъ растагиваетъ это правило во вредъ женщинѣ и становится болѣе родовой, чѣмъ сама родовая система. Устраненіе женщинъ отъ наслѣдованія практика примѣняетъ не только въ тѣмъ женщинамъ, которыя стоятъ съ мужчинами наслѣдниками въ равной степени, но и

въ тѣмъ женщинамъ, которыя представляютъ призываемыхъ къ наслѣдованію, хотя бы онѣ и не встрѣчали рядомъ съ собою въ одинаковой степени мужчинъ; словомъ, если гдѣ-либо въ верху родословной встрѣчается женщина, то всѣ нисходящіе отъ нея теряютъ право на наслѣдованіе, они подводятся подъ запретную *женскую линію*; по понятіямъ нашей практики, право представленія опредѣляетъ не только наслѣдственную долю, но и право наслѣдованія (русск. гражд. право Д. И. Мейера, изд. 1862 г., ч. 2, стр. 502). Нельзя обвинять нашу практику въ таковой путаницѣ, коль скоро и само уложеніе, откуда почерпнуть законъ, даетъ совершенно противорѣчивыя толкованія (глава XVII, ст. 4). Но если самый источникъ права, уложеніе, не отвергаетъ возможности толкованія, согласнаго съ современными понятіями и требованіями справедливости; то, кажется, и практика должна была бы съуживать, а не расширять начало, затерявшееся въ архивной пыли; это самое начало не идетъ далѣе ограниченія, установленнаго еще судебникомъ, по которому сестра только *при братѣ* не вотчинница.

Изъ этого общаго порядка наслѣдованія въ боковой линіи мѣстный законъ дѣлаетъ слѣдующее изъятіе: *«въ губерніяхъ черниговской и полтавской, когда умершій оставилъ послѣ себя имѣніе, доставшееся ему отъ матери, то таковое наслѣдство дѣлятъ между собою по равнымъ частямъ всѣ родные братья и сестры; когда же не будетъ ни родныхъ братьевъ, ни сестеръ, ниже ихъ нисходящихъ, то наслѣдуютъ, сообразно съ правилами, въ статьѣ 1137 установленными, родные по матери дяди или тетки съ ихъ нисходящими и такъ далѣе»* (зак. гражд. ст. 1139). Несмотря на буквальную ясность этого закона, практика встрѣчаетъ нѣкоторыя недоразумѣнія въ толкованіи его. Поводъ къ такимъ недоразумѣніямъ даетъ то обстоятельство, что подъ текстомъ изложенной статьи нѣтъ никакого указанія на литовскій статутъ и что въ самомъ текстѣ сдѣлана ссылка на общій законъ. Привыкнувъ къ буквальному толкованію закона, какъ самому легкому, и не обращая вниманіе на начала, лежащія въ осно-

ваніи закона, наша практика весьма склонна къ ошибкамъ всякаго рода въ примѣненіи закона; отчего и выходитъ, что на разные случаи, вызывающіе примѣненіе закона, ему даются различные толкованія, иногда самыя противоположныя. Толкованіе мѣстныхъ законовъ черниговской и полтавской губерній представляетъ еще большую опасность, вслѣдствіе того, что они помѣщены рядомъ съ общими законами; поэтому является сильный соблазнъ дать буквальный смыслъ общаго мѣстному закону, тѣмъ болѣе, что для уразумѣнія послѣдняго нужно обращаться къ статуту и нерѣдко изъ нѣсколькихъ артикуловъ его выводить мысль закона. Такое обращеніе съ мѣстнымъ закономъ, очевидно, противорѣчитъ основнымъ правиламъ толкованія законовъ. Несомнѣнно, что всякій мѣстный законъ предполагаетъ существованіе общаго, ему противоположнаго, и потому отмѣняетъ послѣдній. Даже въ томъ случаѣ, гдѣ нѣтъ прямо выраженаго общаго закона противоположнаго мѣстному, слѣдуетъ допускать, что въ виду законодателя было именно несогласіе мѣстнаго закона съ общимъ и что мѣстный законъ долженъ стать на мѣсто общаго; такъ какъ если бы общій законъ совпадалъ съ мѣстнымъ, то послѣдній былъ бы излишнимъ и изложенное въ немъ правило было бы выражено въ общемъ законѣ, а не въ мѣстномъ. На это общее правило толкованія мѣстнаго закона указываетъ отчасти 79 ст. т. I ч. I свод. зак., по которой законы, особенно для какой-либо губерніи изданные, общимъ закономъ не отмѣняются, если въ немъ именно такой отмѣны не постановлено. Въ частности по отношенію къ законамъ черниговской и полтавской губерній, насильное перекрещиваніе ихъ общими законами имѣетъ тѣмъ менѣе основанія, что эти мѣстные законы взяты отрывками изъ цѣльнаго кодекса и что поэтому для уясненія ихъ нужно обращаться къ этому кодексу, а не къ своду законовъ.

Указанная 1139 ст., какъ мѣстный законъ, очевидно представляетъ рѣзкое различіе съ общимъ закономъ о порядкѣ наследованія въ боковыхъ линіяхъ по отношенію къ *материнскимъ имѣніямъ*, очевидно она составляетъ отрицаніе 1138 ст., рядомъ съ которою поставлена: 1138 ст. имѣетъ въ виду ре-

довыя имѣнія матери; ст. 1139 говоритъ объ имѣніи, доставшемся отъ матери наследодателю, не различая родовыхъ отъ благопріобрѣтенныхъ; по общему закону сестры при братьяхъ не наследуютъ; по мѣстному—въ имѣніяхъ, доставшихся отъ матери наследодателю, наследуютъ въ равныхъ частяхъ все родные братья и сестры. Поэтому для разъясненія точнаго смысла 1139 ст. и примѣненія ея къ данному случаю никакъ нельзя прибѣгать къ общему закону, а слѣдуетъ обратиться къ статуту, къ его постановленіямъ относительно наследованія въ имѣніяхъ матери, имѣть въ виду его начала, совершенно отличныя отъ началъ общаго закона по наследованію въ этихъ имѣніяхъ; очевидно, что 1139 ст. имѣетъ прямую связь съ тѣми положеніями, которыя лежатъ въ основаніи 1133 ст. зак. гражд. Ссылка въ 1139 ст. на 1137 ст., очевидно, составляетъ неправильность редакціи, такъ какъ въ этой послѣдней указывается начало, совершенно противоположное мѣстному закону и 1139 ст. этого закона: по 1137 ст. сестры въ боковыхъ линіяхъ наследуютъ только за недостаткомъ братьевъ и ихъ нисходящихъ, а между тѣмъ въ 1139 ст., наоборотъ, сестры наследуютъ вмѣстѣ съ братьями по равнымъ частямъ. Статутъ указываетъ порядокъ наследованія «въ отческихъ и матернихъ имѣніяхъ»; по поводу послѣднихъ онъ говоритъ: материнскія имѣнія принадлежатъ тѣмъ, которые къ материнскому имѣнію состоятъ ближайшими по матери оныхъ умершихъ и имѣнія отъ нихъ никому не записаны (разд. III, арт. 17, § 3). Въ томъ, что статутъ по отношенію къ порядку законнаго наследованія въ материнскихъ имѣніяхъ не дѣлаетъ никакого различія между имѣніями родовыми и благопріобрѣтенными, недвижимыми и движимыми, выдѣломъ и приданымъ, вполне подтверждаетъ вышеуказанный 14 артик. V разд. статута. Вотъ почему, при опредѣленіи порядка наследованія въ боковыхъ линіяхъ 1139 ст. не дѣлаетъ никакого различія въ материнскихъ имѣніяхъ и даже не указываетъ на способъ пріобрѣтенія ихъ сыномъ или дочерью отъ матери, а буквально выражается: когда умершій оставилъ послѣ себя имѣніе, «оставшееся ему отъ матери» кажимъ бы то ни было способомъ

по порядку ли наслѣдованія, по выдѣлу, по назначенію въ приданое или по какому-нибудь аету укрѣпленія, имѣніе во всѣхъ этихъ случаяхъ переходить въ наслѣдство послѣ получившаго его отъ матери къ роднымъ братьямъ и сестрамъ его по ровну. Какъ въ прямой линіи, такъ и въ боковой мѣстный законъ по отношенію къ такому имѣнію не признаетъ и не примѣняетъ правила общаго закона, по которому сестра при братьяхъ не наслѣдница. Впрочемъ, литовскій статутъ нигдѣ и не высказалъ этого правила; онъ прямо устраняетъ дочерей отъ наслѣдованія въ имѣніи отца и вмѣсто этого даетъ имъ приданое. Установивъ общее начало по отношенію къ материнскому имѣнію для нисходящихъ въ прямой линіи, совершенно уравнивающее права братьевъ и сестеръ, законъ очевидно держался этого уравниванія и въ боковыхъ линіяхъ; это прямо онъ выразилъ въ 1139 ст. Послѣдовательность этого начала, разъ допущенная по отношенію къ братьямъ и сестрамъ даже въ боковой линіи, несомнѣнно приводитъ къ заключенію, что статутъ не имѣлъ въ виду ограничивать наслѣдственные права женщинъ по доставшемуся отъ матери имѣнію наслѣдодателя и въ дальнѣйшихъ степеняхъ—тамъ, гдѣ братъ и сестра или ихъ потомство стоятъ вмѣстѣ. Поэтому, въ словахъ 1139 ст.: «родные по матери дяди или тетки съ ихъ нисходящими», слѣдуетъ признать не совсѣмъ вѣрною редакцію: вмѣсто: или—слѣдовало поставить и. Смысла на 1137 ст., приводящая къ ошибочному толкованію всего текста 1139 ст., во всякомъ случаѣ совершенно лишняя, такъ какъ смыслъ конца статьи 1139 и безъ нея понятенъ. Такого значенія закона, выраженнаго въ этой статьѣ.

Оно отчасти подтверждается и толкованіемъ постановленій статута о порядкѣ наслѣдованія, изложенномъ въ мнѣніи государственнаго совѣта 15 апрѣля 1842 года (полн. собр. закон. № 15520). Съ нимъ въ извѣстной части согласился и стародумскій окружный судъ по дѣлу Косевича съ Долинскимъ (Суд. Вѣстн. 1876 г. № 108). Но въ разрѣзъ съ этимъ толкованіемъ пошла харьковская судебная палата по дѣлу Р—во съ Б—скими, по поводу примѣненія къ данному случаю

1139 ст. Палата прежде всего ищетъ сближенія этой статьи съ 1138 и затѣмъ прибѣгаетъ къ толкованію свойства материнскихъ родовыхъ имѣній посредствомъ 400 ст., сопоставляетъ всѣ эти разнородныя статьи и дѣлаетъ такой выводъ: сопоставленіе этихъ статей между собою приводитъ къ тому заключенію, что подъ *родовымъ* материнскимъ имѣніемъ, которое при наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ подлежитъ переходу въ родъ матери, разумѣтся такое имѣніе, которое досталось наслѣдодателю послѣ матери по праву законнаго наслѣдованія; примѣняя этотъ выводъ къ данному случаю, палата признаетъ, что имѣніе, *доставшееся Х Р—ко отъ матери* не по смерти ея по праву законнаго наслѣдованія, а по уступкѣ при жизни ея, не можетъ почитаться родовымъ материнскимъ имѣніемъ, а становится оно для Х Р—ко благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, которое въ порядкѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ должно поступить въ родъ отца. По нашему мнѣнію, палата не имѣла основанія привязывать къ 1139 ст. толкованіе, неумѣстное по ясному буквальному смыслу содержанія 1138 ст.: въ послѣдней излагается особый законъ по общему праву о наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ въ *родовыхъ* имѣніяхъ отца и матери; первая содержитъ въ себѣ мѣстный законъ о наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ въ имѣніи, *доставшемся* умершему исключительно *отъ матери*; въ ней ни единымъ словомъ не упоминается о родовыхъ имѣніяхъ. Чтобы связать обѣ эти статьи, палата должна была прибѣгнуть къ посредству третьей 400 ст., но такая искусственная спайка нѣсколькихъ статей, различныхъ по содержанію, можетъ привести къ самымъ неожиданнымъ выводамъ и сама по себѣ порождаетъ сомнѣніе въ правильности вывода. Ст. 1139 потому и существуетъ, что собою исключаетъ силу и дѣйствіе 1138 ст., иначе въ ней не было бы надобности, она оказалась бы совершенно лишнею; такою она и представляется по толкованію палаты: въ сущности палата примѣнила къ данному случаю 1138 ст., не придавая никакого значенія 1139 ст. Но для такого примѣненія не было надобности прибѣгать къ содѣйствію 400 ст., ни указывать на 1139; нужно было прямо обойти послѣд-

нюю и подвести разрѣняемый случай подъ ст. 1138, по крайней мѣрѣ выводъ былъ бы логически простъ и ясенъ, хотя и невѣренъ по главной посылкѣ. Указаніе на 400 ст. неправильно еще и потому, что по законамъ черниговской и полтавской губерній въ порядкѣ законнаго наслѣдованія не дѣлается никакого различія между родовыми и благопріобрѣтенными имѣніями ни въ прямой, ни въ боковой линіи, а только спрашивается, отъ кого досталось наслѣдодателю имѣніе, отъ отца или матери. Это видно изъ указанныхъ постановленій статута и изъ 1133 и 1139 ст. зак. гражд. Ст. 400, опредѣляющая свойство родовыхъ имѣній по законамъ черниговской и полтавской губерній, имѣетъ только одно примѣненіе къ наслѣдствѣ, а именно: родовыя имѣнія не подлежатъ духовному завѣщанію (ст. 1068); это правило общаго закона признается и литовскимъ статутомъ (разд. VIII, арт. 2). По статуту и мѣстному закону, родовыя имѣнія подлежатъ даренію наравнѣ съ благопріобрѣтенными (разд. VII, арт. 1; зак. гражд. ст. 970). За исключеніемъ этого случая статутъ вообще не обращаетъ никакого вниманія на родовое свойство имѣній. Это вполне подтверждается мнѣніемъ государственнаго совѣта 15 апрѣля 1842 г. (полн. собр. зак. № 15534). Это мнѣніе прямо указываетъ, что литовскій статутъ не признаетъ существованія родовыхъ имѣній собственно въ томъ смыслѣ, какъ сіе разумѣется по общему своду, и наслѣдственные имѣнія въ статутѣ подчинены совершенно особымъ условіямъ; что по статуту отцовскія и материнскія имѣнія (наслѣдственные) отличены тѣмъ, что не могутъ быть передаваемы посредствомъ завѣщаній, и потому самое даже названіе «родовыхъ» есть слишкомъ обширный и произвольный выводъ изъ смысла узаконеній, находящихся по сему предмету въ литовскомъ статутѣ; что государственный совѣтъ призналъ нужнымъ замѣнить выраженіе «наслѣдственные имѣнія» словомъ *родовыя* только для устраненія разнообразныхъ въ узаконеніяхъ наименованій. Это разъясненіе весьма замѣчательно и указываетъ на то, какъ техническія слова литовскаго статута замѣнялись только для однообразія такими словами, которыя составляютъ «произвольный»

выводъ изъ смысла постановленій статута; отсюда понятно несогласіе взятыхъ изъ статута и помѣщенныхъ въ сводъ постановленій съ самымъ статутомъ.

2) *Вдовья часть.* Сводъ законовъ въ отношеніи наслѣдованія супруговъ другъ отъ друга въ черниговской и полтавской губерніяхъ установилъ общее правило: *вообще ни мужъ послѣ жены, ни жена послѣ мужа не имѣютъ права на наслѣдованіе принадлежащихъ въ собственность одному изъ нихъ и остающихся послѣ изъ смерти имущества* (зак. гражд. ст. 1157). Подъ этою статьею сдѣлана ссылка на V разд., 10 арт., и на VII разд., 17 арт. статута, но въ этихъ артикулахъ вовсе не выражено такого общаго правила. Очевидно, что это правило выведено изъ общаго смысла всѣхъ постановленій статута о наслѣдованіи, въ которыхъ вообще ничего не говорится о наслѣдованіи супруговъ между собою, а упоминается только объ опредѣленной долѣ имущества мужа, которая слѣдуетъ вдовѣ его на прожитокъ. Это свойство наслѣдованія супруговъ имѣетъ сходство съ общимъ закономъ, по которому тоже супругъ получаетъ только указанную долю изъ имущества умершаго супруга (зак. гражд. ст. 1148, 1153). Разница между общимъ и мѣстнымъ закономъ оказывается въ томъ: 1) что по первому оба супруга поставлены въ одинаковое положеніе, оба получаютъ указанную долю, а по второму — только жена имѣетъ право на эту долю, мужъ же ничего не получаетъ изъ имущества жены; 2) что общій законъ умаляетъ до крайности эту долю, отдавая главную часть имущества отца сыновьямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ эту долю въ полную собственность супруговъ; мѣстный законъ даетъ вдовѣ значительную долю имущества мужа, но оставляетъ ее въ пожизненномъ владѣніи вдовы, а не въ собственность. Очевидно, что мѣстный законъ былъ болѣе внимателенъ къ положенію вдовы, потерявшей мужа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства къ существованію; онъ заботился, чтобы эта потеря была какъ можно менѣе для нея чувствительна; интересы мужа онъ оставляетъ въ сторонѣ, зная, что онъ и по смерти жены, какъ мужчина, найдетъ себѣ средства къ существованію. Таковы общія начала наслѣдованія супру-

говъ между собою по мѣстнымъ законамъ; но изъ этихъ правилъ есть нѣкоторыя исключенія. Къ нимъ мы прежде всего и обращаемся. Когда супруги при вступленіи въ бракъ не имѣли ни тотъ, ни другой никакого имущества, а впоследствии общими трудами приобрѣли оное и при жизни своей не распорядились симъ имуществомъ: въ семъ случаѣ мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа получаютъ при дѣлѣ третью часть всего оставшагося имущества; когда же дѣтей въ бракъ прижито не было, то наследуютъ во всемъ томъ имущество (зак. гр. ст. 1157, пунктъ 2). Этотъ законъ взятъ изъ V разд. 21 арт. лит. статута, носящаго оглавленіе: «о вступленіи въ бракъ бѣдныхъ людей». Въ сущности законъ этотъ такъ же изложенъ и въ статутѣ; но съ тѣмъ дополненіемъ, что по смерти вдовы безъ дѣтей половина имѣнія должна достаться родственникамъ мужа, а другая ея родственникамъ (тамъ же, § 2). Это дополненіе разъясняетъ смыслъ закона, который желаетъ дѣлить имѣніе, нажитое трудами обоихъ супруговъ, на двѣ равныя половины, не давая никакого преимущества трудамъ мужа. Въ этомъ постановленіи заключается одно общее правило, свойственное всему мѣстному закону: вдова получаетъ только третью часть имущества при дѣлѣхъ; изъятіе же состоитъ въ томъ, что эта доля принадлежитъ вдовѣ въ полную собственность, какъ нажитое ею имущество, что мужъ получаетъ такую же долю и что бездѣтные супруги наследуютъ другъ другу въ полномъ составѣ имущества. Практическое неудобство этого закона состоитъ въ трудности доказать, что оба супруга до вступленія въ бракъ были бѣдны и приобрѣли имущество общими трудами. Впрочемъ, трудность не исключаетъ возможности найти доказательства въ свидѣтеляхъ или письменныхъ документахъ. Иногда попадаются акты, въ которыхъ дѣйствительно означается, что имѣніе куплено на общія обоихъ супруговъ деньги. Согласно съ буквою закона, для огражденія обоихъ супруговъ, а въ особенности жены, въ такихъ актахъ слѣдовало бы означать, что супруги при вступленіи въ бракъ не имѣли имущества и что они приобрѣли имущество, по которому составляется актъ, общими трудами.

Предостерегая отъ неопредѣленности актовъ, мѣстный законъ предупреждаетъ, что на прибрѣтенное мужемъ и женою по актамъ дарственнымъ или продажнымъ имѣніе жена тогда только имѣетъ право, ежели въ актахъ именно сказано, что имѣніе подарено мужу вмѣстѣ съ женою или куплено за ихъ общія или ея собственныя деньги (ст. 1157 пункт. 9). Изложенному мѣстному закону нельзя не придавать особенной важности, потому что въ общемъ законѣ нѣтъ никакихъ опредѣленій объ общемъ обоихъ супруговъ имуществѣ, а между тѣмъ весьма часто у нихъ есть имущество, которое они нажили именно общими трудами и общими денежными средствами, мужъ умираетъ, а жена дѣлается нищею съ дѣтьми, потому что имущество мужа, въ которомъ есть ея доля, нерѣдко весьма значительная, обращается на уплату долговъ, ею сдѣланныхъ на его личныя прихоти.

Далѣе, говоря о наслѣдственныхъ правахъ жены, сводъ законовъ упоминаетъ о правахъ жены на приданое и объ отвѣтственности мужа и наслѣдниковъ его по имѣнію, обезпечивающему приданое (ст. 1057, пункт. 3). Но объ этомъ предметѣ уже изложено подробно въ статьѣ о приданомъ и вѣнѣ.

Если приданое не было обезпечено никакимъ способомъ, то предполагается, какъ выше объяснено, что жена не получила приданого; поэтому для обезпеченія ея средствъ къ существованію законъ счелъ нужнымъ предоставить ей опредѣленную долю имущества мужа въ ея пользованіе. Это право жены законъ называетъ не наслѣдствомъ, а *наиражденіемъ* на прожитокъ, и потому законъ не предоставляетъ назначенной закономъ части имущества мужа въ собственность вдовы, а только отдаетъ въ пожизненное владѣніе. Эту часть законъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ.

Вдова послѣ первую брака получаетъ во владѣніе по смерти своей, буде не вступитъ въ другой бракъ, изъ имѣнія мужа при дѣтяхъ равную съ ними часть; если-же дѣтей она отъ него не имѣла, то третью часть всего оставшагося послѣ мужа имѣнія; при вступленіи же въ другой бракъ ей, вмѣстѣ таковыя опредѣляемыя части, выдается изъ имѣ-

нѣ мужа въ пожизненное владѣніе четвертая часть. Буде наследники мужа пожелаютъ сію четвертую часть выкупить, то судъ, оцѣнивъ оную, выдѣляетъ вдовѣ въ собственность половину оцѣночной суммы; но когда жена умерла прежде мужа, то наследники ея не могутъ требовать сей четвертой части (ст. 1157, пунктъ 5). Такимъ образомъ, мѣстный законъ устанавливаетъ довольно сложныя правила относительно вдовой части. Въ опредѣленіи этой части законъ дѣлаетъ различіе по разнымъ условіямъ: 1) потому, осталась-ли вдова послѣ перваго или втораго брака, 2) имѣетъ-ли она дѣтей или она бездѣтна, 3) остается-ли она вдовою или вступаетъ въ другой бракъ. Все изложенное постановленіе относится лишь къ тому случаю, когда женщина осталась вдовою послѣ перваго брака; участь ея вдовства послѣ втораго брака опредѣляется иначе, какъ увидимъ ниже. Если вдова осталась по смерти мужа съ дѣтьми отъ него, то законъ назначаетъ ей лично часть равную съ ними изъ имѣнія мужа. Подъ имѣніемъ здѣсь разумѣется все имущество мужа, оставшееся въ моментъ смерти мужа, какъ недвижимое, такъ и движимое; это вполне разъясняется словами закона: «всего оставшагося послѣ мужа имѣнія». Вообще статутъ, какъ видно изъ многихъ его текстовъ, подъ имѣніемъ разумѣетъ совокупность всего имущества извѣстнаго лица.

Въ изложенномъ законѣ представляются неясными слова, опредѣляющія вдовью долю: вдова получаетъ равную съ дѣтьми часть. Законъ этотъ можетъ быть толкуемъ весьма различно: одни полагаютъ, что имѣніе, оставшееся послѣ мужа, нужно дѣлить на равныя доли по числу дѣтей мужскаго и женскаго пола, и что одна изъ такихъ долей будетъ составлять законную часть вдовы; другіе думаютъ, что вдовья часть составляетъ половину всего имѣнія, а другая половина принадлежитъ дѣтямъ; наконецъ, третьи находятъ, что право наследованія въ имѣніи отца по мѣстному закону принадлежитъ только сыновьямъ, поэтому выраженіе: «равную съ ними часть» означаетъ такую долю, какая придется въ отдѣльности на каждого сына, при раздѣлѣ имѣнія по числу сыновей. Первое мнѣніе, очевидно,

ошибочно, потому что наследственные части въ имѣніи отца принадлежать только сыновьямъ, а дочери получаютъ приданое, слѣдовательно, части сыновей и дочерей будутъ неравны; во всякомъ случаѣ такое толкованіе закона было бы совершенно произвольно. Такимъ образомъ остается выбирать между вторымъ и третьимъ мнѣніемъ. Г. Пестржецкій, подробно разобравшій этотъ вопросъ, соглашается съ третьимъ мнѣніемъ. Въ подтвержденіе такого толкованія закона онъ ссылается на историческое происхождение его и другія соображенія. По статуту всѣхъ трехъ редакцій, приданое жены обезпечивалось третью частью имѣнія мужа; эта третья часть была вмѣстѣ съ тѣмъ и тахішимъ ея обезпеченія на случай смерти мужа. Такое ограниченіе права жены на обезпеченіе приданого ея одною третью частью имѣнія мужа находится въ связи съ постановленіями 1-го и 2-го статута, исключенными впослѣдствіи изъ 3-го статута (1588 г.), по которымъ собственникъ наследственного имѣнія (отчизнаго) могъ отчуждать въ вѣчность только $\frac{1}{3}$ часть этого имѣнія (разд. и арт. 4, изд. 1566 г.). Такое же ограниченіе права распоряженія существовало въ статутѣ и относительно движимаго имѣнія. Уничтоживъ это ограниченіе распоряженія имуществомъ, статутъ однакожъ установилъ законную мѣру обезпеченія вдовъ, если приданое не было обезпечено имѣніемъ мужа: относительно этой мѣры статутъ во всѣхъ трехъ изданіяхъ представляетъ слѣдующее опредѣленіе: «вдова невѣнована отъ мужа своего маєтъ во всемъ равную часть отъ дѣтей dorosлыхъ лѣтъ своихъ мети у скарбехъ и у именахъ рухимыхъ и лежащихъ» (разд. 4, ст. 2 по статуту 1529 г., изд. моск. общ. ист. и древн. рос.). Вдова, оставшаяся послѣ мужа безъ дѣтей, получаетъ одну третью часть имѣнія мужа, на которое имѣетъ право до вступленія во второй бракъ (стат. 1529 г., разд. 4, ст. 4, и стат. 1588 года, разд. V, арт. 6). Если отецъ умретъ, не назначивши дѣтямъ своимъ (дѣтей своихъ не поручивши никому), тогда они находятся подъ опекою матери, которая, выражаясь словами 1-го статута, «маєтъ на всемъ имени сидети на вдовѣмъ столыци до летъ дѣтиныхъ». По достиженіи же дѣтьми

совершеннолѣтія, «она маєть равную часть взяти межи детей своихъ, а если бы одного сына мела, тогда маєть сыну две части имене поступити, а сама має стати на третьей части» (стат. 1529 г., разд. 4, ст. 7). Изъ наложеннаго оъазывается, что статутъ не высказываетъ оснований, по которымъ слѣдовало бы считать право жены, совсѣмъ не принесшей приданнаго, преимущественнѣе права вдовы, получившей отъ мужа вѣнговую запись, и выдѣлять, сообразно съ этимъ, первой изъ нихъ половину имѣнія мужа, тогда какъ право жены, устанавливаемое по вѣнговой записи, не можетъ распространяться болѣе какъ на $\frac{1}{3}$ часть имѣнія мужа. Кромѣ того, статутъ указываетъ на неудобство управленія имѣніемъ умершаго мужа женою, которая сидитъ «на вдовьемъ столыци», въ интересахъ государственной службы и родственниковъ мужа, и на этомъ основаніи постановляетъ, чтобы бездѣтная вдова, не имѣющая вѣнговой записи, не владѣла послѣ смерти мужа болѣе какъ одною третью имѣнія его (стат. 1 разд. ст. 1). Владѣніе ея также не могло превышать одной третьей части имѣнія мужа и въ томъ случаѣ, когда остались послѣ умершаго дѣти. Законъ, назначая вдовѣ при этомъ послѣднемъ условіи равную часть «отъ детей дорослыхъ межи детей своихъ», опредѣляя ея право при одномъ сынѣ тѣмъ, что она получала въ пожизненное владѣніе одну третью часть, а остальные дѣти поступали къ сыну (разд. ст. 7 стат., изд. 1529 г.). Такимъ образомъ, по мысли перваго статута вдова послѣ смерти мужа, какъ бездѣтная, такъ и при дѣтяхъ, не могла получить въ пожизненное владѣніе изъ имѣнія мужа болѣе $\frac{1}{3}$ части; если же послѣ умершаго осталось сыновей больше двухъ, то вдовья часть ея, какъ равная сыновнимъ каждой порознь, была меньше одной трети. Позднѣйшія изданія статута не ввели въ этомъ отношеніи ничего новаго. Слѣдовательно, въ словахъ 5 пун. 1157 ст. зак. гражд.: «при дѣтяхъ равную съ ними часть» — говорится о дѣтяхъ мужескаго пола. Въ такомъ буквальномъ смыслѣ изложенъ латинскій текстъ изданнаго Дзялинскимъ перваго литовскаго статута; указанныя слова переведены выраженіемъ: «aequalem partem a pueris». Выраженіе «равную

часть» означает равномѣрность послѣдней не со всею совокупностью сыновнихъ частей или съ половиною того имѣнія мужа, которое остается за отдѣленіемъ дочерямъ четвертой части, а съ каждою сыновнею частию порознь. Такой смыслъ разсматриваемому постановленію придавалъ и профессоръ Даниловичъ въ его монографіи о литовскомъ статутѣ, напечатанной въ Юридическихъ Запискахъ Рѣдина 1841 г., т. 1, говоря, что жены недостаточныхъ дворянъ, проживая вмѣстѣ съ дѣтьми до вступленія во второй бракъ, получали доходъ въ равной съ сыновьями доль. Это мнѣніе г. Пестржецкій подтверждаетъ и рѣшеніемъ сената по дѣлу о выдѣлѣ вдовьей части вдовѣ штабсъ-капитана Аннѣ Битицкой (о вдовьей части въ губерніяхъ черниг. и полтав. А. Пестржецкаго, Журн. Мин. Юст., т. VI, ч. 2).

Съ такими доводами г. Пестржецкаго нельзя не согласиться, тѣмъ болѣе, что даже въ томъ случаѣ, когда супруги приобрѣли имущество общими трудами, законъ не предоставляетъ вдовѣ при дѣтахъ половину этого имущества, а оставляетъ за нею право только на третью часть (зак. гражд. ст. 1157, пунктъ 2). Такимъ образомъ, въ мысли закона не было ни въ какомъ случаѣ давать вдовѣ при дѣтахъ такую равную съ ними часть, которая соотвѣтствовала бы половинѣ всего оставшагося по смерти мужа имѣнія.

Вдовья доля различается не только потому, имѣетъ ли вдова дѣтей или не имѣетъ и сколько ихъ, но и потому, остается ли она вдовою или вступаетъ во второй бракъ. Если она остается вдовою, то получаетъ часть, соотвѣтствующую изложеннымъ условіямъ относительно дѣтей. Если же вдова вступаетъ во второй бракъ, то, по статуту, дѣти и родственники мужа должны дать ей, какъ дворникѣ, только вѣнечнаго 30 копѣ грошей; если же имѣніе не стоитъ этихъ денегъ, то для нея отдѣляется въ пожизненное владѣніе только четвертая часть имѣнія; но если наследники пожелаютъ выкупить и эту четвертую часть, то судъ, оцѣнивъ оную, имѣетъ ей выдать только половину оцѣночной суммы, а не болѣе; по смерти вдовы дѣти и ближайшіе родственники (перваго мужа) не имѣютъ больше права

требовать вѣчнаго (статут. разд. V, арт. 1, § 3—4). Сводъ законовъ уже не упоминаетъ о вѣчномъ вдовы, а только назначаетъ ей, при вступленіи во второй бракъ, четвертую часть имѣнія перваго мужа въ пожизненное владѣніе, но съ правомъ выкупа этой доли и выдачи вдовѣ половины оцѣночной суммы въ полную ея собственность (зак. гр. ст. 1157, пункт. 5).

Кромѣ изложенныхъ условій, опредѣляющихъ права вдовы, статутъ и сводъ законовъ предусматривалъ еще другія условія и случаи. Прежде всего представляется тотъ случай, когда вдова вступивъ во второй бракъ, вновь овдовѣетъ: представляется вопросъ о правахъ ея на имущество втораго мужа, какъ отдѣльно, такъ и при участіи дѣтей отъ обоихъ браковъ. По этому случаю статутъ постановилъ:

Если вдова выйдетъ замужъ и найдетъ у мужа дѣтей отъ перваго его брака, а потомъ съ этимъ вторымъ мужемъ приживетъ дѣтей, то по смерти его съ дѣтьми обоихъ браковъ мужа ея въ недвижимомъ его имѣніи равную часть имѣть должна, а если бы съ этимъ мужемъ дѣтей не имѣла, то также съ дѣтьми мужа своего отъ первой жены равную часть только въ недвижимыхъ имѣніяхъ будетъ имѣть по смерти своею, если замужъ не пойдетъ. А если бы она еще вступила въ бракъ, то ту равную часть должна оставить дѣтямъ, которыя за вѣнецъ ей уже платить не обязаны (статут. по разд. V, арт. 10). Сводъ законовъ въ сущности даетъ такія же постановленія; но съ тѣмъ разъясненіемъ, что вдова получаетъ *равную часть съ дѣтьми, буде какъ прижито нѣсколько, — когда же остается только одинъ сынъ или одна дочь, то пользуется пожизненною третьею частію*. При этомъ сводъ законовъ различаетъ случаи, когда у мужа нѣтъ дѣтей отъ перваго брака и когда они есть: въ первомъ случаѣ жена получаетъ часть равную съ дѣтьми, прижитыми ею во второмъ бракѣ изъ всякаго имущества мужа; во второмъ случаѣ она получаетъ только изъ *недвижимаго* имущества долю, равную со всѣми дѣтьми отъ перваго и втораго брака мужа ея (зак. гражд. ст. 1157, пункт. 6 и 7). Этими правилами еще болѣе подтверждается указанное

толкование словъ: *часть равную съ дѣтьми*, такъ какъ вдова получаетъ только третью часть при одномъ сынѣ или одной дочери. Не менѣе важное отклоненіе отъ общаго правила мѣстнаго закона въ изложенномъ постановленіи состоитъ въ томъ, что если у мужа отъ перваго брака остались дѣти, то вдова отъ втораго брака получаетъ вдовью долю только изъ недвижимаго, а не со всего имущества умершаго мужа. Это вполне справедливо; дѣти отъ перваго брака если и должны терять при второмъ бракѣ ихъ отца, то во всякомъ случаѣ какъ можно менѣе.

Опредѣляя вдовѣ часть изъ имущества мужа, литовскій статутъ и средъ законовъ имѣютъ въ виду, что она осталась вдовою безъ всякаго обезпеченія съ положенія мужемъ. Разъясняя это, законъ устанавливаетъ, что *дѣти и родственники умершаго въ такомъ только случаѣ выдаютъ вдовѣ ея во владѣніе опредѣленные выше части изъ оставшагося послѣ него имѣнія, когда она самъ при своей жизни по доброй волѣ ничего изъ своего имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, ей законнымъ образомъ не уступила или не отдала въ ея пожизненное владѣніе* (зак. гражд. ст. 1157, пунктъ 8). По статуту, это устраненіе вдовы отъ имущества мужа относится лишь ко второму браку вдовы (статутъ разд. V, ар. 10, § 3, ар. 16 § 3). Текстъ статута выраженъ слѣдующими словами: «однако же, предоставляемъ мужу таковую свободу, что дозволяется ему записать что-либо изъ недвижимаго или движимаго имѣнія и таковой женѣ своей, вдовою вступившей съ нимъ въ бракъ; но второй женѣ мужемъ что-либо будетъ записано изъ недвижимаго имѣнія, таковая уже изъ мужняго имѣнія отъ дѣтей или ближайшихъ родственниковъ не можетъ требовать вышеупомянутой части» (разд. V, ар. 16, § 3). Такимъ образомъ, сводъ расширилъ постановленіе статута, относящееся исключительно ко второбрачной вдовѣ. При этомъ статутъ поясняетъ, что обезпеченіе, данное вдовѣ на приданое первымъ мужемъ, освобождаетъ втораго мужа только отъ новаго обезпеченія, но не освобождаетъ его имѣнія отъ вдовьей части (тамъ же, § 1). Статутъ ставитъ некрѣпимымъ условіемъ для вдовы, чтобы

она не вступала во второй бракъ ранѣе 6 мѣсяцевъ со дня смерти перваго своего мужа и съ нарушеніемъ этого правила соединяетъ гражданскія послѣдствія. Для объясненія ихъ приводимъ буквальный текстъ статута: «желая, чтобы супружество соблюдалось въ предѣлахъ благопристойности и чтобы вѣнчанъ былъ плодъ брака, узаконяемъ: дабы каждая вдова дворянка не дерзала вступать во второй бракъ прежде истеченія шести мѣсяцевъ по смерти перваго своего мужа. А если бы, не дожидаясь сего времени, вышла замужъ, то лишается вѣна, первымъ мужемъ ей записаннаго; ежели же ей такового не было записано, а будетъ на нее поданъ позывъ въ земскій судъ и она въ преждевременномъ вступленіи во вторичный бракъ будетъ изобличена дѣтьми или родственниками перваго ея мужа, то обязана заплатить имъ 12 рублей» (статут. разд. V, арт. 13). Сводъ законовъ постановилъ въ сущности тоже самое (зак. гражд. ст. 1157, пункт. 10).

Въ отношеніи вдовьей части по мѣстному закону въ практикѣ представляется весьма важнымъ вопросъ: отвѣчаетъ ли вдова за долги мужа, не имѣя наслѣдственныхъ правъ на его имущество и получая долю его въ награжденіе на прожитокъ въ пожизненное владѣніе? Этотъ вопросъ былъ уже разрѣшенъ нами отрицательно (Журн. Гражд. и Угол. Права, 1875 г., книжка. 2, стр. 106—111). Судебная практика до сихъ поръ еще не установила опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. При разрѣшеніи его нерѣдко руководствуются общими законами; нельзя не отмѣтить всей опасности толкованія этими законами постановленій мѣстнаго. Эта опасность столь велика, что грозитъ изгладить всѣ характерныя особенности мѣстнаго закона, все различіе источниковъ, изъ которыхъ вышли оба закона, и мало по малу вывести изъ примѣненія мѣстный законъ. Вся настоящая статья дастъ рядъ указаній, какъ различенъ самый духъ этого закона отъ общаго. Само официальное толкованіе статута, по поводу законовъ черниговской и полтавской губерній, проникнутое желаніемъ сблизить его со сводомъ законовъ, находитъ большія трудности изъ этого именно въ различіи основныхъ началъ того и другаго, и иногда вынуж-

дено указать на нихъ. Такъ, говоря объ опеѣ по статуту и своду, государственный совѣтъ усматриваетъ «рѣшительныя и существенныя различія», и между прочимъ указываетъ на то, что малолѣтній по всякому неправильному отчужденію опекуномъ его имѣнія можетъ обратиться къ тому, въ чѣмъ владѣніи окажется сіе имѣніе, тогда какъ общій сводъ малолѣтнихъ, потерявшихъ имѣніе, обращаетъ съ искомъ къ опекунамъ (полн. собр. зак. 15 апрѣля 1842 г. № 15532), въ этомъ случаѣ и сводъ законовъ выразилъ такое различіе (зак. гражд. ст. 275 пун. 9). Но въ большей части случаяхъ коренное, основное различіе между статутомъ и сводомъ, дѣйствительно существующее, не приводится прямо въ сводъ по отношенію къ мѣстному закону и можетъ быть выведено только изъ смысла постановлений того и другаго, а главное изъ внимательнаго соображенія статута со сводомъ; иногда даже это различіе стирается вовсе, несмотря на то, что составители мѣстнаго закона ясно видѣли его. Такъ, мы видѣли, что государственный совѣтъ, переименовавъ наследственные имѣнія по статуту въ родовыя, сдѣлалъ это только для устраненія различныхъ наименованій имущества, хотя и находилъ, что самое названіе *родовыхъ* имущества вовсе несвойственно статуту въ смыслѣ общаго закона, а между тѣмъ въ сводѣ законовъ этого кореннаго различія не высказано ясно. Такъ, мы видѣли, что статутъ признаетъ и прямо высказываетъ вещное право дочерей на имущество отца, слѣдующее имъ въ приданое; а между тѣмъ, по своду, это начало только можетъ быть выведено изъ смысла всѣхъ мѣстныхъ постановленій о приданомъ; вмѣсто этого основнаго правила, сводъ говоритъ, что при дѣвицахъ братья и опекуны должны содержать немолодыхъ лѣтъ доброй нравственности женщину. При такомъ составленіи свода мѣстныхъ законовъ, очевидно, нѣтъ никакой возможности разъяснять ихъ общими законами, не рискуя впасть въ крайне грубую ошибку. Также слѣдуетъ сказать и о толкованіи мѣстныхъ законовъ объ отвѣтственности вдовей доли за долги мужа.

Не менѣе важны вопросы, касающіеся порядка осуществленія и охраненія правъ на вдовью часть. Вопросы этого рода,

связанные съ новымъ уставомъ гражданского судопроизводства, нерѣдко представляются болѣе существенными, чѣмъ самое опредѣленіе права. Въ дѣйствительности оно такъ и бываетъ: какая польза въ правѣ, котораго нельзя осуществить? Значительную дѣлу теряетъ оно и въ томъ случаѣ, когда для осуществленія и охраненія его представляются затрудненія, могущія повлечь за собою самый отказъ отъ права. Эти затрудненія должны быть устранены особенно въ отношеніи къ правамъ женщинъ, какъ для лицъ, вообще нуждающихся въ огражденіи ихъ отъ посягательства на ихъ права, нерѣдко беззащитныхъ, поставленныхъ въ самыя тягостныя житейскія обстоятельства, мало свѣдущихъ въ законахъ. Наша судебная практика не выработала еще твердыхъ правилъ въ особенностяхъ по утвержденію и охраненію правъ вдовъ. Руководствуясь соображеніемъ, что по 1408 ст. уст. гражд. суд. только явившіеся по вызовамъ наследники могутъ обратиться къ суду для опредѣленія ихъ правъ на наследство, нѣкоторые суды отказываютъ, въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, въ утвержденіи правъ вдовъ на слѣдующую ей часть въ имущество мужа, такъ какъ по мѣстному закону вдова не имѣетъ права на наследство и получаетъ часть этого имущества въ вознагражденіе на прожитокъ. Такимъ образомъ, по ученію практики, вдовѣ остается одно изъ двухъ: или вести дѣло исковою порядкомъ, то есть подвергаться всѣмъ тягестямъ процесса, съ проволочками, задержками и до рѣшенія дѣла платиться мажорною небесною; или, бросивъ этотъ ненадежный, а въ большей части случаевъ невозможный путь, принять то, что заблагорассудитъ ей дать наследники. Вообще наша практика такъ бузвально и стѣснительно примѣняетъ законы охранительнаго судопроизводства, что этотъ порядокъ превратился въ запретительный. Кромѣ самой строгой буквы въ толкованіи закона, достаточно сдѣлать самое пустое возраженіе, ни на чемъ не основанное, по дѣлу, начатому въ охранительномъ порядкѣ, чтобы самое безспорное дѣло превратилось въ спорное, въ исковое. Несомнѣнно, что для практики удобнѣе однообразный порядокъ разрѣшенія дѣлъ, порядокъ исковой, къ которому она примѣ-

нилась и привыкла. Но бѣда въ томъ, что жизнь и дѣйствительность далеко не всегда складываются согласно съ удобствами практики; напротивъ, нерѣдко отказъ помогающемуся судебнаго признанія и утвержденія своихъ правъ въ охранительномъ порядкѣ равняется отказу въ правосудіи; насколько легокъ и удобенъ исковой порядокъ для практики, настолько же онъ труденъ для тяжущихся; нужно во всякомъ случаѣ тратить издержки на сложный спорный порядокъ, который не всякій можетъ нести, брать повѣреннаго, которого не всегда можно найти, терять большую проволочку времени въ такихъ правахъ и интересахъ, которые требуютъ немедленнаго удовлетворенія, нести нерѣдко громадные убытки отъ спора въ правѣ безспорномъ (достаточно оцѣнить послѣдствія нашихъ охранительныхъ онекъ), затѣвать работу, въ которой сущность — толченіе воды, такъ какъ подобный вздутый, навязанный практикою процессъ оканчивается тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ кончиться въ простомъ охранительномъ порядкѣ, иногда же быть поставленнымъ въ положеніе невозможности придумать, кто долженъ быть противною стороною и наугадъ изобрѣтать отъѣтчика. Если извѣстить всѣ экономическія потери отъ такого неустройства нашего безспорнаго порядка, то нельзя не сказать, что общество слишкомъ дорого платится за него: независимо отъ громадныхъ потерь на спорный порядокъ и медленности его, самое колебаніе правъ, долгое держаніе ихъ въ сомнѣніи, въ спорѣ, слишкомъ ослабляетъ силу права и закона, а если права шатки, то и экономическая жизнь общества лишена твердой опоры: отдѣльный человѣкъ можетъ бросить безспорно принадлежащее ему имущество, можетъ отказаться отъ несомнѣннаго права, чтобы не тягаться или не имѣя возможности тягаться, но экономическіе интересы общества нельзя держать въ застоѣ, подвергая сомнѣнію и спору права безспорныя, отказывая въ укрѣпленіи ихъ силы судебнымъ признаніемъ. Страдаютъ отъ такого порядка и интересы правосудія: развивается сутяжничество, судъ обременяется дѣлами безъ дѣйствительной надобности, такъ какъ разводятся два дѣла — охранительное и исковое. Всю вину за такое тягостное со-

стояніе нашего охранительнаго порядка обыкновенно сваливают на недостатки самаго закона. Въ этомъ объясненіи, конечно, есть доля правды; но, съ другой стороны, нельзя ожидать такого совершенства законовъ, которое предусматрѣло бы всѣ условія жизни, такъ что практикѣ приходилось бы только всякій разъ прикладывать къ данному случаю только букву закона, не проникая въ его смыслъ и духъ и не выводя изъ нихъ руководящихъ началъ. Возможность такого осмысленнаго примѣненія закона обусловливается отсутствіемъ излишняго формализма и устраненіемъ наклонности искать спасенія только въ буквѣ закона. По отношенію къ порядку охранительнаго судопроизводства въ высочайше утвержденномъ, 14 апрѣля 1866 года, мнѣніи госуд. совѣта высказано довольно общихъ положеній, какъ о предѣлахъ спорнаго и безспорнаго порядка, такъ и по каждому отдѣлу охранительнаго производства. Устанавливая общія начала этого производства, означенное мнѣніе признало, что безспорному порядку судебного производства принадлежитъ все то, что требуетъ охраненія и утвержденія судебною властью правъ частныхъ лицъ. Говоря о судебномъ признаніи правъ, возникающихъ по случаю смерти извѣстнаго лица, это мнѣніе высказываетъ то начало, что къ охранительному порядку могутъ обратиться наслѣдники, когда считаютъ нужнымъ прибѣгнуть къ содѣйствію суда для опредѣленія ихъ правъ на наслѣдство, какъ то „при взаимныхъ спорахъ сонаслѣдниковъ“, при взятіи имѣнія въ опеку или въ секвестръ. при нахожденіи его подъ запрещеніемъ и т. п. „Исчислять однако подобныя случаи въ самомъ законѣ“, говоритъ мнѣніе, „не представляется никакой необходимости, такъ какъ это будетъ зависетьъ всегда отъ случайныхъ обстоятельствъ дѣла“. Судебная практика сама нашла возможнымъ отнести къ безспорному производству судебное признаніе о приобрѣтеніи извѣстнымъ лицомъ, по давности владѣнія, права на состоящее въ его владѣніи имѣніе и разрѣшеніе суда о полученіи свидѣтельства нотариуса, для ходатайства о вводѣ его во владѣніе (гражд. васс. рѣш. 1872 г. № 792); судебная практика допускаетъ примѣненіе порядка, указаннаго въ 1409—1423 ст.

уст. гражд. суд., для судебного раздѣла не только наслѣдства, но и общаго имущества, несмотря на то, что эти статьи по буквѣ закона относятся только къ раздѣлу наслѣдства. Поэтому нельзя съуживать судебное признаніе правъ однихъ наслѣдниковъ и обходить вдову, потому только, что она получаетъ часть наслѣдственнаго имущества въ пожизненное владѣніе; такое участіе ея съ наслѣдниками въ правахъ на имущество, оставшееся по смерти ея мужа, конечно, уравниваетъ ее съ ними въ охраненіи и признаніи ея правъ судомъ; такъ какъ цѣль охранительнаго производства заключается именно въ томъ, чтобы предупредить нарушеніе правъ, опредѣленныхъ закономъ по наслѣдству, устранить по возможности самый споръ о правахъ по наслѣдственному имуществу. Намъ кажется несомнѣннымъ и другое право вдовы: ходатайствовать предъ судомъ о немедленномъ выдѣлѣ слѣдующей ей части въ порядкѣ, указанномъ 1409—1423 ст. уст. гражд. суд., если она не пожелаетъ оставаться въ общемъ владѣніи и пользованіи своею долею съ наслѣдниками мужа. Обыкновенно положеніе вдовы, по смерти мужа, бываетъ весьма тягостно; поэтому судъ и законъ должны немедленно оказать ей содѣйствіе въ огражденіи ея правъ всѣми способами. Если по смыслу мѣстнаго закона непримѣнимъ въ раздѣлѣ наслѣдства двухлѣтній срокъ, установленный 1317 ст. X т. 1 ч. св. зак., какъ это разъяснено нами (Журн. Гражд. и Угол. Пр. 1875 г., кн. 2, стр. 111—117), то еще менѣе можно связывать этимъ срокомъ выдѣлъ слѣдующей вдовѣ части, такъ какъ въ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ случаяхъ отсрочка выдѣла равнялась бы отказу вдовѣ въ пропитаніи.

А. Квачевскій.

О началі производства въ окружныхъ судахъ дѣлъ, производимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, и о дальнѣйшемъ движеніи ихъ.

Производство въ окружныхъ судахъ дѣлъ, производимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, вызвало, какъ извѣстно, много недоразумѣній. Особенно чувствительны эти недоразумѣнія въ судахъ округа варшавской судебной палаты, въ которыхъ, благодаря существующему тамъ пока порядку подсудности, множество дѣлъ производится въ порядкѣ частнаго обвиненія. Поэтому нѣсколько словъ о началіи этихъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ и дальнѣйшемъ движеніи ихъ не будутъ, можетъ быть, лишены интереса.

Постановленія уст. угол. суд., относящіяся въ разсматриваемому вопросу, слѣдующія: по уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, которыя не иначе могутъ быть возбуждаемы, какъ вслѣдствіе жалобы потерпѣвшаго отъ преступленія или проступка лица, и которыя дозволяется прекращать примиреніемъ, обличеніе обвиняемыхъ передъ судомъ предоставляется исключительно частнымъ обвинителямъ (ст. 5); вѣдомству мировыхъ судей, собственно для склоненія сторонъ къ миру, подлежатъ всѣ дѣла, которыя хотя

и влекутъ за собою наказанія болѣе строгія, чѣмъ тѣ, которыя указаны въ 33 ст., но по закону начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ вредъ и убытки, и могутъ быть прекращаемы примиреніемъ (ст. 35); производство въ окружныхъ судахъ по дѣламъ уголовнымъ начинается по жалобѣ частнаго обвинителя, не получившей разрѣшенія у мирового судьи (ст. 543 и 3); окружной судъ можетъ приступить къ разсмотрѣнію переданной ему жалобы частнаго обвинителя по свидѣніямъ и доказательствамъ, представленнымъ сторонами мировому судѣ (ст. 546). Приведенными статьями совершенно ясно и точно опредѣленъ порядокъ возбужденія въ окружныхъ судахъ дѣлъ, производимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія; здѣсь можетъ возникнуть только одинъ вопросъ, а именно, какимъ способомъ поступаетъ въ окружной судъ жалоба частнаго обвинителя, не получившая разрѣшенія у мирового судьи, т.-е. передается ли она въ судъ мировымъ судьей *ex officio*, или нѣтъ? Относительно этого вопроса прямыхъ указаній въ уставѣ угол. суд. не имѣется. Ст. 35, какъ мы уже видѣли выше, говоритъ, что дѣла, производимыя въ порядкѣ частнаго обвиненія, подсудны мировымъ судьямъ собственно для склоненія сторонъ къ миру; слѣдовательно, склоненіемъ сторонъ къ миру исчерпываются обязанности мирового судьи; коль скоро примирительное производство окончено и миръ не состоялся, судья не можетъ продолжать разсмотрѣніе дѣла, и если не имѣетъ въ виду просьбы сторонъ о передачѣ дѣла въ окружной судъ, то поступаетъ правильно и согл. 104 ст. уст. угол. суд., если прекращаетъ у себя дѣло и возвращаетъ жалобу частному обвинителю для подачи ея въ окружной судъ. Но, съ другой стороны, нельзя сомнѣваться въ томъ, что мировой судья имѣетъ полное право передать жалобу частнаго обвинителя даже безъ просьбы сторонъ въ судъ (или судебному слѣдователю), ибо 546 ст. прямо говоритъ, что судъ можетъ приступить къ разсмотрѣнію *переданной* ему жалобы частнаго обвинителя; слѣдовательно, законъ допускаетъ передачу жалобы и не ставитъ эту передачу въ зависимость отъ ходатайства участвующихъ въ дѣлѣ. Но если они заявятъ

подобное ходатайство, то исполненіе его обязательно для мирового судьи, ибо нельзя признать за мировымъ судьей права лишить сторону возможности воспользоваться такимъ способомъ дальнѣйшаго движенія дѣла, который допускается закономъ.

Поэтому и слѣдуетъ признать, что смыслъ 3 п. 543 ст. заключается въ томъ, что дѣла, производимыя въ порядкѣ частнаго обвиненія, могутъ быть начаты въ окружномъ судѣ безразлично, или подачею жалобы частнымъ обвинителемъ послѣ несостоявшаго примиренія у мирового судьи, или непосредственною передачею въ судъ жалобы мировымъ судьей, по окончаніи мирового разбирательства, или наконецъ жалобою, переданною судьей не въ судъ, а слѣдовательно, и поступившею затѣмъ въ судъ на основ. 511 ст.

Къ этому окончательному выводу пришла, кажется, и кассационная практика; такъ, напр., въ рѣш. 1868 г. № 65 сказано, что дѣло, подсудное мировымъ учрежденіямъ только для примирительнаго разбирательства, за недостиженіемъ примиренія, согл. 3 п. 543 ст. уст. угол. суд., подлежитъ передачѣ въ общія судебныя мѣста; а въ рѣш. 1874 г. № 651, что въ случаѣ недостиженія примиренія мировой судья не обязанъ передать дѣло въ общія судебныя мѣста, а можетъ его у себя производствомъ прекратить.

Всѣ три способа начатія дѣлъ, производимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, предполагаютъ, какъ мы видѣли, предварительное окончаніе мирового разбирательства у мирового судьи и несогласіе сторонъ на примиреніе. Но могутъ быть случаи, что подобное дѣло поступаетъ въ судъ, не бывъ предварительно въ разсмотрѣніи мирового судьи; очевидно, что въ такомъ случаѣ дѣло не можетъ получить никакого движенія въ окружномъ судѣ, ибо согл. 543 ст. производство по жалобамъ частныхъ обвинителей начинается только въ томъ случаѣ, если дѣло не разрѣшено мировымъ судьей, т.-е. предварительно было въ его разсмотрѣніи. Поэтому, если жалоба прямо подана въ судъ, то она должна быть оставлена безъ послѣдствій; если же жалоба была подана судебному слѣдователю и имъ произведено предварительное слѣдствіе, то такое должно быть прекра-

щено, какъ неправильно и преждевременно возбужденное. —
Объ обязанности же суда передать дѣло отъ себя мировому
судѣ для исполненія 35 ст. не можетъ быть рѣчи, ибо при-
мирительное разбирательство должно предшествовать дальнѣй-
шему его производству, необходимымъ условіемъ котораго оно
служить. Совершенно другаго мнѣнія правительствующій сенатъ;
въ рѣш. 1868 г. № 948 сказано, что такъ какъ на основ.
157 ст. улож. о нав. примиреніе сторонъ допускается во вся-
комъ положеніи дѣла, то и примирительное разбирательство,
установленное 35 ст., можетъ быть произведено во всякомъ
положеніи дѣла, даже послѣ постановленія приговора. Но это
мнѣніе сената очевидно неправильно; 157 ст. улож. заклю-
чаетъ въ себѣ общее правило, что извѣстнаго рода дѣла мо-
гутъ быть окончены примиреніемъ во всякомъ положеніи дѣла,
а 35 ст. уст., не отменяя дѣйствія этого общаго правила, уста-
новляетъ для тѣхъ же дѣлъ особенное примирительное раз-
бирательство и притомъ опредѣляетъ, что оно должно быть
первымъ дѣйствіемъ при производствѣ дѣлъ, которыя могутъ
быть окончены примиреніемъ. Слѣдовательно, 157 ст. улож.
и 35 ст. уст. не имѣютъ ничего общаго, и нельзя ссылаться
на первую статью, чтобы объяснить смыслъ второй. Поэтому,
при совершенно точномъ и ясномъ смыслѣ 35 ст. и 3 п. 543 ст.
уст. угод. суд., приведенное рѣшеніе въ руководство принято
быть не можетъ.

Итакъ, выводъ изъ всего сказаннаго будетъ тотъ, что по-
ступленіе въ окружный судъ жалобы частнаго обвинителя, быв-
шей на основ. 35 ст. въ разсмотрѣніи мирового судьи и не по-
лучившей у него разрѣшенія, поданной или частнымъ обвини-
телемъ прямо въ судъ или переданной мировымъ судьей или
предложенной по 511 ст. прокуроромъ, — есть законный поводъ
къ началу уголовного по сей жалобѣ производства.

Но какое дальнѣйшее движеніе получаетъ эта жалоба въ
окружномъ судѣ? Въ уст. угод. суд. нѣтъ статьи, трактую-
щей специально о дальнѣйшемъ движеніи въ окруж. судахъ
дѣлъ, производимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія. Согласно
же 547 ст., окруж. судъ по всякому дѣлу, вступившему на

его разсмотрѣніе, обязанъ прежде всего обсудить въ разпорядительномъ засѣданіи: не требуетъ-ли дѣло какихъ-либо особенныхъ съ его стороны распоряженій и опредѣлить порядокъ, въ которомъ оно подлежитъ дальнѣйшему производству. Известно, что по дѣламъ, предложеннымъ прокуроромъ суду на основ. 523 ст. съ обвинительнымъ актомъ, судъ обсуждаетъ лишь вопросъ, подсудно-ли дѣло суду, или нѣтъ, и если дѣло подсудно окружному суду, то дается дѣлу дальнѣйшій ходъ, въ установленномъ порядкѣ. Этотъ-ли самый порядокъ долженъ быть соблюденъ по жалобамъ частныхъ обвинителей? Есть очень распространенное мнѣніе, что дѣла этого рода должны остаться безъ движенія, пока частный обвинитель не подастъ въ судъ новую жалобу, составленную по образцу обвинительнаго акта. На чемъ основано это мнѣніе — неизвестно; оно не только не подтверждается ни одною статьею уст. угол. суд., но прямо противорѣчитъ приведенной уже выше 548 ст.; ибо если судъ можетъ приступать къ разсмотрѣнію переданной ему жалобы частного обвинителя, то изъ этого слѣдуетъ, что другой жалобы частного обвинителя не требуется, и что подсудному должна быть сообщена копія съ первоначальной переданной въ судъ жалобы, а не съ какою-нибудь другой. Мало того, противоположный порядокъ не представляетъ и никакихъ практическихъ удобствъ, а именно: онъ очень стѣснителенъ для участвующихъ въ дѣлѣ, особенно для обвиняемыхъ. Отвѣчики по гражданскому дѣлу могутъ просить о слушаніи и разрѣшеніи дѣла и противъ желанія истца; подсудимый лишенъ этой возможности, ибо если судъ даже желалъ бы удовлетворить его просьбу, то не можетъ этого сдѣлать, ожидая подачи жалобы. И нельзя обвиняемому надѣяться на давность, ибо частный обвинитель можетъ подать въ судъ, вмѣсто требуемой отъ него жалобы, ходатайство о назначеніи дѣла къ слушанію. Подобное ходатайство прерываетъ давность, но не даетъ суду возможности дать дѣлу дальнѣйшій ходъ, такъ какъ второй жалобы частного обвинителя все еще нѣтъ. А обвиняемый между тѣмъ считается находящимся подъ судомъ, противъ него можетъ быть принята мѣра пресѣче-

нія, — а выхода изъ этого положенія нѣтъ никакого. Далѣе, этотъ крайне неудобный порядокъ становится положительно невозможнымъ по тѣмъ дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, по коимъ обвиняемымъ грозятъ тяжкія наказанія; ибо по этимъ дѣламъ обвиняемый можетъ быть подвергнутъ предварительному заключенію и рискуетъ, въ случаѣ требованія новой жалобы частнаго обвинителя, просидѣть въ тюрьмѣ если не всю жизнь свою, то по крайней мѣрѣ до истеченія давности, т. е. шесть, восемь или десять лѣтъ. Очевидно, что подобный порядокъ совершенно немыслимъ. Можно возражать, что по дѣламъ, для которыхъ установленъ обрядъ преданія суду, подачи частнымъ обвинителемъ новой жалобы не требуется. Но на чемъ основано подобное мнѣніе? Почему жалоба частнаго обвинителя не служитъ законнымъ основаніемъ для дачи дѣлу дальнѣйшаго хода въ окружныхъ судахъ, а служитъ таковымъ въ судебныхъ палатахъ? Удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ дать нельзя уже потому, что жалоба частнаго обвинителя имѣетъ одинаковое значеніе, все равно — требуется ли по дѣлу преданіе суду или нѣтъ; опредѣленіе палаты о преданіи суду не отмѣняетъ и не замѣняетъ жалобы частнаго обвинителя, копія съ жалобы, а не съ опредѣленія палаты вручается обвиняемому (1 п. 556 ст., р. 1874 г. № 143), и жалоба, а не опредѣленіе палаты читается на судѣ. Слѣдовательно, нужно признать, что подача новой жалобы вовсе необязательна и что окружной судъ, получивъ жалобу частнаго обвинителя, долженъ, не ожидая подачи второй жалобы, приступить къ разсмотрѣнію ея въ порядкѣ, указанномъ въ 547 ст.

Выше уже было сказано, что судъ, разсматривая согласно 547 ст. дѣло, предложенное ему съ обвинительнымъ актомъ, прежде всего опредѣляетъ, подсудно-ли ему дѣло или нѣтъ; слѣдовательно, по каждому предложенному ему обвинительному акту судъ входитъ въ разсмотрѣніе вопроса, можно-ли дѣлу дать дальнѣйшій ходъ или нѣтъ. Тотъ же самый порядокъ, разумѣется, долженъ быть соблюденъ относительно дѣлъ, воз-

нивших по жалобам частных обвинителей, замѣняющимъ согласно 526 ст. обвинительный актъ.

Какія условія требуются отъ жалобы частнаго обвинителя для того, чтобы судъ могъ дать ей дальнѣйшій ходъ? Первый и главный вопросъ, который здѣсь можетъ быть возбужденъ— это вопросъ о содержаніи жалобы; должна ли она заключать въ себѣ *все* свѣдѣнія, требуемыя 520 ст. для обвинительныхъ актовъ, и *только* эти свѣдѣнія? Отвѣтъ долженъ быть только отчасти утвердительный; ибо съ этой стороны нужно различать существенныя части обвинительнаго акта отъ несущественныхъ, а съ другой—нельзя упускать изъ виду, что хотя частная жалоба и замѣняетъ обвинительный актъ, но она все-таки остается жалобою, и какъ таковая должна заключать въ себѣ такіа указанія, которыя помѣстить въ обвинительный актъ не только совершенно излишне, но даже невозможно.

Спрашивается сначала, какія части обвинительнаго акта принадлежать къ существеннымъ и какія къ несущественнымъ; къ послѣднимъ должно быть причислено прежде всего опредѣленіе по закону, какому именно преступленію соответствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія по 5 п. 520 ст., ибо сенатъ неоднократно и совершенно правильно высказалъ мнѣніе, что неуказаніе въ обвинительномъ актѣ признаковъ преступленія или указаніе въ актѣ на такую статью, которая не относится къ данному преступленію, не имѣетъ никакого существеннаго значенія, такъ какъ обвинительный актъ необязателенъ въ отношеніи опредѣленія признаковъ преступленія для суда, рѣшающаго дѣло по существу. Слѣдовательно, указаніе признаковъ преступленія и статьи закона, подъ которую оно должно быть подведено, есть въ сущности одно упражненіе составителя обвинительнаго акта, не имѣющее никакого серьезнаго значенія для дѣла, и потому можетъ быть и совершенно пропущено. Далѣе, къ несущественнымъ частямъ обвинительнаго акта должно быть отнесено указаніе на сущность доказательствъ и уликъ, *собранныхъ* по дѣлу противъ обвиняемаго (4 п. 520 ст.), ибо исполненіе этого требованія закона возможно лишь по тѣмъ дѣламъ, по коимъ

произведено предварительное слѣдствіе; по дѣламъ же, по коимъ обвинительный актъ составляется безъ производства предварительнаго слѣдствія, разумѣется нельзя говорить о «собранныхъ» доказательствахъ и уликахъ, а нужно ограничиться указаніемъ на доказательства и улики еще непровѣренныя. Наконецъ, указаніе времени и мѣста совершенія (2 п. 520 ст.) не можетъ составлять такого условія, безъ соблюденія котораго самый обвинительный актъ не могъ бы считаться дѣйствительнымъ; оно можетъ имѣть существенное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если является сомнѣніе о подсудности дѣла по мѣсту совершенія или о томъ, покрыто-ли преступное дѣяніе давностью. Слѣдовательно, существенными условіями обвинительнаго акта, безъ соблюденія которыхъ онъ потерялъ бы характеръ обвинительнаго акта, могутъ быть признаны лишь: означеніе событія, заключающаго въ себѣ признаки преступнаго дѣянія, и точное означеніе обвиняемаго. Очевидно, что и жалоба частнаго обвинителя должна заключать въ себѣ эти указанія; уголовное производство по дѣлу возможно лишь въ томъ случаѣ, когда кто-либо обвинялся въ уголовномъ проступкѣ; если же частный обвинитель въ жалобѣ указываетъ лишь на гражданскія правонарушенія или на дѣйствія предосудительныя и безнравственныя, но не имѣющія характера противозаконнаго уголовного проступка, то такой жалобѣ не можетъ быть данъ дальнѣйшій ходъ въ уголовномъ порядкѣ.

— Не менѣе необходимо точное указаніе лица обвиняемаго, что требуется уже потому, что примирительное разбирательство безъ этого указанія было бы невозможно.

Можетъ ли судъ дать дальнѣйшій ходъ жалобѣ частнаго обвинителя, въ которой не указано ни одного доказательства? Отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Встрѣчаются на практикѣ иногда такіе обвинительные акты, по коимъ въ подтвержденіе обвиненія не вызвано ни одного свидѣтеля и нѣтъ ссылокъ на документы, подлежащіе прочтенію на судѣ. Несмотря на это, судъ обязанъ имъ дать дальнѣйшій ходъ. Тотъ же самый порядокъ долженъ быть соблюденъ и относительно

жалобы частных обвинителей, тѣмъ болѣе, что частный обвинитель можетъ просить о вызовѣ свидѣтелей и въ послѣдствіи. Если же судъ по особеннымъ обстоятельствамъ дѣла находитъ, что дальнѣйшее движеніе его невозможно безъ предварительнаго собранія доказательствъ и уликъ, то все-таки не можетъ оставить жалобу безъ послѣдствій, а долженъ поступить по 546 и 545 ст., т.-е. обратить дѣло къ предварительному слѣдствію.

Какія уваженія, не входящія въ обвинительный актъ, должна содержать въ себѣ жалоба частнаго обвинителя? Необходимо во всякомъ случаѣ означеніе личности и мѣстожителства обвиняемаго; оно должно быть настолько точно, чтобы не могло быть ошибки или сомнѣнія при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла.

Должна ли жалоба частнаго обвинителя заключать въ себѣ далѣе просьбу о привлеченіи обвиняемыхъ въ *уголовной* ответственности или достаточно одного объявленія о совершившемся событіи, или ходатайство о гражданскомъ вознагражденіи. Согл. 46 ст. уст. угол. суд., въ жалобѣ, поданной мировому судѣ, должны быть указаны имя, фамилія и мѣстожителство обвинителя, преступное дѣйствіе, понесенные обвинителями вредъ и убытки, обвиняемое лицо, свидѣтели или инныя доказательства, годъ, мѣсяцъ и число подачи жалобы; въ 301 ст. уст. сказано: объявленія лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія или проступка, признаются жалобами. Наконецъ, въ ст. 40 кн. 2 XV т. св. закон. (которая объясняетъ, какъ смотрѣли на жалобу во время изданія улож. о нак.) говорится: „въ жалобѣ или объявленіи, принесенномъ истцомъ въ полицію, объ ущербѣ, нанесенномъ ему похищеніемъ или другимъ преступленіемъ, надлежитъ подробно описать, каковъ именно нанесенъ вредъ или убытокъ, что именно у него похищено и на какую цѣну; причемъ воздерживается отъ всякаго увеличенія ущерба, подъ опасеніемъ лишенія всего иска“. Итакъ законъ, говоря о жалобахъ потерпѣвшихъ вообще, нигдѣ не говоритъ, чтобы въ жалобѣ частнаго обвинителя должно быть выражено прямое ходатайство о привлеченіи обвиняемаго къ уголовной ответственности. Но, несмотря на это, помѣщеніе этого ходатай-

ства въ жалобѣ частнаго обвинителя представляется необходимымъ, какъ это и признано нашей судебной практикою (р. угол. касс. депар. 1870 г. № 85 и 1871 г. № 622). Правильность этого мнѣнія особенно очевидна при дѣлахъ о личныхъ оскорбленіяхъ, которыя могутъ быть, какъ извѣстно, произведены гражданскимъ или уголовнымъ порядкомъ по усмотрѣнію потерпѣвшаго; слѣдовательно, судъ не можетъ признать за собою права вести подобное дѣло въ порядкѣ уголовного судопроизводства, безъ явно выраженной на то воли обвинителя. Но и по всемъ другимъ дѣламъ одно объявленіе о случившемся или желаніе получить вознагражденіе не можетъ быть признано равносильнымъ ходатайству объ уголовномъ преслѣдованіи. Правда, что объявленіе, по намѣренію потерпѣвшаго, иногда можетъ имѣть этотъ характеръ, но это не необходимо; нерѣдко случается, что потерпѣвшіе, въ особенности люди неграмотные, заявляютъ о случившемся происшествіи лишь потому, что считаютъ своею обязанностью довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства, боясь въ противномъ случаѣ подвергнуться отвѣтственности. Ходатайство о гражданскомъ вознагражденіи еще менѣе можетъ служить поводомъ къ возбужденію уголовного дѣла, ибо въ этомъ случаѣ потерпѣвшій прямо говоритъ, что проситъ только вознагражденія, и, слѣдовательно, нельзя даже предполагать желанія его привлечь кого-либо къ уголовной отвѣтственности.

Не можно сказать, что мнѣніе это, хотя само по себѣ правильное, не имѣетъ практическаго значенія для разсматриваемаго вопроса, ибо если мировой судья приметъ, хотя неправильно, жалобу для примирительнаго разбирательства и потерпѣвшій не согласится на примиреніе, то тѣмъ самымъ высказать желаніе привлечь отвѣтчика къ уголовной отвѣтственности, другими словами: дѣйствіе мирового судьи примыкаетъ первоначальную неправильность возбужденія дѣла, и поэтому суду остается только дать дѣлу дальнѣйшій ходъ. Но мнѣніе это очевидно ошибочно, ибо коль скоро дѣло неправильно возбуждено, то и всѣ послѣдующія дѣйствія не могутъ испра-

вить этого основнаго недостатка, а, напротивъ, они должны быть признаны ничтожными.

Итакъ, въ жалобѣ частнаго обвинителя должны быть всегда указаны:

- 1) личность частнаго обвинителя;
- 2) событіе, заключающее въ себѣ признаки преступленія;
- 3) личность обвиняемаго, и
- 4) ходатайство обвинителя о привлеченіи обвиняемаго къ уголовной отвѣтственности.

Только при совокупности этихъ четырехъ условій окружный судъ и можетъ дать этимъ жалобамъ дальнѣйшій ходъ; въ противномъ случаѣ, т.-е. когда не достаетъ хотя одного изъ выше указанныхъ существенныхъ элементовъ жалобы, всякое дальнѣйшее производство становится невозможнымъ, и поэтому судъ долженъ постановить опредѣленіе объ оставленіи подобной жалобы безъ послѣдствій, или, вѣрнѣе, о непринятіи оной къ своему разсмотрѣнію. Опредѣленіе это, какъ окончательное разрѣшающее вопросъ о разсмотрѣніи дѣла въ окружномъ судѣ, должно подлежать объявленію частному обвинителю.

Но можетъ случиться, что жалоба частнаго обвинителя, соотвѣтствующая всѣмъ вышеизложеннымъ условіямъ, заключается въ себѣ указаніе на такое преступное дѣяніе, которое или подсудно мировымъ учрежденіямъ или требуетъ преданія суду обвинительною камерою. Въ этихъ случаяхъ судъ не имѣетъ права оставить жалобу безъ движенія, а долженъ передать ее по принадлежности. Правда, что это правило въ уставѣ угол. суд. прямо не выражено, но оно слѣдуетъ изъ общаго порядка производства уголовныхъ дѣлъ, изъ котораго по сему предмету для дѣлъ, производимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, не сдѣлано исключенія. Такова, кажется, и практика если не всѣхъ, то большинства судовъ.

А. фонъ-Резенъ.

Оцѣнка арестуемаго имущества по уставу гражданскаго судопроизводства.

Изъ всѣхъ дѣйствій, сопровождающихъ арестъ движимаго имущества, оцѣнка имѣетъ наиболѣе существенное вліяніе на весь дальнѣйшій послѣ ареста ходъ понудительнаго взысканія, такъ какъ ею опредѣляется количество вещей, подлежащихъ изъятію изъ обладанія должника и долженствующихъ служить источникомъ удовлетворенія кредитора. Если для полнаго удовлетворенія взыскателя не хватитъ суммы, вырученной чрезъ продажу арестованнаго имущества, тогда является надобность въ наложеніи ареста на другое имущество должника; между тѣмъ онъ легко можетъ растратить или скрыть все, что только не попало въ первую опись. Но если даже этого и не случится, производство взысканія все-таки замедлится вторичнымъ арестомъ. Для должника же правильность оцѣнки важна въ томъ отношеніи, что при слишкомъ низкой оцѣнкѣ арестуемыхъ вещей изъ обладанія его изымается гораздо большее число ихъ, чѣмъ какое дѣйствительно нужно для обезпеченія производимаго съ него взысканія, и онъ подвергается излишнимъ лишеніямъ, а иногда и терпитъ убытки безъ всякой надобности.

Статья 1001 уст. гражд. судопр., преподающая основныя правила оцѣнки арестуемаго имущества, редактирована такимъ

образомъ: «цѣна каждаго описаннаго предмета опредѣляется взыскателемъ, или должникомъ, если взыскатель не явился. Въ случаѣ спора противъ оцѣнки, представляющій оный имѣетъ право требовать производства оцѣнки чрезъ свѣдущихъ людей, принимая издержки производства ея на свой счетъ». Первый вопросъ, порождаемый содержаніемъ статьи 1001: имѣлъ-ли въ виду законодатель выразить, что каждый должникъ, представляющій споръ противъ сдѣланной взыскателемъ оцѣнки, имѣетъ право требовать производства ея чрезъ свѣдущихъ людей, или же это право предоставляется указанной статьею каждой сторонѣ, т.-е. какъ должнику, такъ и взыскателю? Обращаясь къ изданному государственною канцеляріею комментарий къ судебнымъ уставамъ, мы встрѣчаемъ въ примѣчаніи къ 1001 ст. уст. гражд. суд. такое положеніе: «въ случаѣ неявки взыскателя къ оцѣнкѣ, послѣдняя производится самимъ должникомъ, а, въ случаѣ спора противъ составляемой *тѣмъ или другимъ изъ нихъ* оцѣнки, свѣдущіе люди приглашаются тогда лишь, когда представляющій споръ этого потребуетъ». (ч. 1, стр. 466). Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ 1001 ст. уст. гражд. суд. подъ представляющимъ споръ подразумѣвается какъ должникъ, такъ и взыскатель, т.-е. предусматривается заявленіе спора какъ первымъ, такъ и послѣднимъ изъ нихъ. Такъ какъ законъ предоставляетъ право опредѣлять цѣну описываемаго имущества самому взыскателю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предусматриваетъ случай, когда, несмотря на принадлежность ему этого права, можетъ и для него возникнуть надобность предъявить споръ противъ оцѣнки, то необходимо прийти къ которому-нибудь изъ двухъ заключеній: или опредѣленіе взыскателемъ цѣны арестуемой движимости имѣетъ лишь значеніе проекта оцѣнки, въ случаѣ непринятія когото должникомъ послѣдній въ свою очередь представляетъ свой проектъ оцѣнки, и, при несогласіи взыскателя на предложенную должникомъ оцѣнку, онъ представляетъ противъ нея споръ, или же признать, что, при производствѣ оцѣнки самимъ должникомъ въ отсутствіи взыскателя, послѣдній можетъ ваять противъ нея споръ и просить произвести переоцѣнку чрезъ свѣдущихъ лю-

дей. Только въ этихъ двухъ случаяхъ и можетъ представиться взыскателю надобность заявлять споръ противъ оцѣнки.

Извѣстно, что въ основаніе введеннаго уставомъ гражданскаго судопроизводства порядка оцѣнки движимаго имущества предполагалось положить правила оцѣнки, заключающіяся во 2 ч. X т. (см. суд. уст., изд. госуд. канц., ч. 1, стр. 465). Поэтому, для лучшаго уразумѣнія смысла 1001 ст. весьма назидательно будетъ соображаться съ соответствующими постановленіями 2 ч. X т., что мы, по мѣрѣ надобности, и будемъ дѣлать. По прежнимъ законамъ о судопроизводствѣ оцѣнка производилась обыкновенно чрезъ цѣновщиковъ (ст. 1950 ч. 2 т. X). Впрочемъ, допускалось производство ея и безъ посредства ихъ въ томъ случаѣ, если должникъ и взыскатель, по взаимному согласію, установить цѣну назначаемого въ продажу имущества (1975 ст.). Вопросъ о цѣнѣ рассматривался и рѣшался обѣими сторонами на равныхъ правахъ: ни чье мнѣніе не имѣло первенствующаго значенія. Понятно, что при этомъ взыскатель могъ лишь предложить цѣну; для окончательнаго же ея установленія требовалось согласіе должника. Съ подобнымъ же правиломъ мы встрѣчаемся и въ новомъ уставѣ гражд. судопроизводства. На основаніи 1117 ст. сего устава, взыскатель обязанъ доставить судебному приставу подписку съ означеніемъ цѣны, опредѣляемой имъ описываемому имѣнію; но собственникъ недвижимости, находя опредѣляемую взыскателемъ цѣну низкой, можетъ заявить цѣну, соответствующую, по его мнѣнію, дѣйствительной стоимости имѣнія (ст. 1118). Въ случаѣ несогласія взыскателя на сдѣланную должникомъ оцѣнку, послѣдняя производится свѣдущими людьми (ст. 1121, 1122 и 1124 уст. гражд. суд.). Изъ сего слѣдуетъ, что опредѣленіе сторонами цѣны описаннаго имущества имѣть въ указанномъ случаѣ значеніе простаго заявленія о той цѣнѣ, какая, по мнѣнію заявляющаго, соответствуетъ дѣйствительной стоимости имущества, но не значеніе окончательнаго ея установленія. Не лишне имѣть въ виду, что преподаанныя въ 1117 ст. уст. гражд. судопр. правила объ опредѣленіи взыскателемъ цѣны описываемаго имущества были установлены «по примѣненію къ пре-

вику, изложенному въ ст. 1001 сего устава» (суд. уст., изд. гос. канц. ч. 1, стр. 510); а это правило въ свою очередь установлено «соответственно статьѣ 1975 т. X ч. II зак. гражд. суд.» (ibid., стр. 465); слѣдовательно, должно предположить, что дѣйствующій уставъ гражд. судопроизводства придастъ вообще опредѣленію цѣны такое же точно значеніе, какое оно имѣло по прежнему уставу. По соображеніи сихъ указаній, остается, повидимому, придти къ тому заключенію, что и опредѣленіе взыскателемъ цѣны арестуемаго имущества имѣть, по смыслу 1001 ст. уст. гражд. судопр., совершенно такое же значеніе, какое оно имѣло по 1975 ст. 2 ч. X т. или какое оно получаетъ при оцѣнкѣ недвижимаго имущества по 1117 ст. уст. гражд. суд. Въ такомъ случаѣ необходимо признать, что, согласно 1001 ст. сего устава, если опредѣленная взыскателемъ цѣна разнится отъ назначаемой должникомъ и взыскатель не приметъ послѣдней, то онъ же, какъ заявляющій споръ противъ оцѣнки, и долженъ просить о производствѣ ея чрезъ свѣдущихъ людей. Если же, за невякою въ описи взыскателя, оцѣнка произведена самимъ должникомъ, то, въ случаѣ несогласованія оной съ оцѣнкою, предлагаемою взыскателемъ, послѣдній вправе требовать оцѣнки чрезъ свѣдущихъ людей. Но тогда становилось бы излишнимъ предоставлять должнику право оспаривать оцѣнку, ибо его мнѣнію о стоимости арестуемой вещи принадлежало бы первенствующее значеніе.

При обсужденіи правилъ производства оцѣнки составители судебныхъ уставовъ имѣли въ виду, что «взыскатель заинтересованъ въ назначеніи для каждой вещи той цѣны, какая соответствуетъ ея стоимости, такъ какъ при слишкомъ низкой оцѣнкѣ вырученная чрезъ публичную продажу сумма не покроетъ взысканія, а при слишкомъ высокой продажа не состоится и онъ принужденъ будетъ взять вещь по оцѣнкѣ» (суд. уст., изд. гос. канц. ч. 1, стр. 465). Приведеннымъ сейчасъ разсужденіямъ, надо полагать, были позаимствованы изъ извѣстнаго сочиненія: *Leçons de procédure civile par Boitard, publiées par Gustave de Linage, revues, annotées, complétées et mises en harmonie avec les lois récentes par G. F. Colmet-Daage*. Вся

разница заключается лишь въ томъ, что Colmet-Daage,—которымъ въ сказанномъ сочиненіи разработанъ отдѣлъ объ исполненіи рѣшеній,—не видитъ опасности въ назначеніи взыскателемъ слишкомъ низкой цѣны въ томъ предположеніи, что на торгахъ она поднимется до надлежащей высоты (т. 2, стр. 341—342); тогда какъ составители нашихъ судебныхъ уставовъ предполагали, что нельзя ожидать со стороны взыскателя слишкомъ низкой оцѣнки потому, что его будетъ удерживать отъ этого опасеніе небольшой выручки отъ продажи имущества, которой не хватитъ для полнаго его удовлетворенія. Мы никакъ не можемъ согласиться ни съ мнѣніемъ французскаго юриста, не еще менѣе съ видоизмѣненіемъ этого мнѣнія, какое мы встрѣчаемъ въ официальномъ комментарий къ судебнымъ уставамъ. Такъ какъ оно легло въ основу правилъ производства оцѣнки арестуемаго имущества, то мы находимъ нужнымъ подвергнуть его ближайшему разсмотрѣнію.

Существенная особенность публичныхъ торговъ заключается въ конкуренціи покупателей. Принимающій участіе въ торгахъ дѣлаетъ надбавки противъ цѣнъ, предлагаемыхъ другими участниками, до тѣхъ поръ, пока не будетъ кѣмъ-либо предложена цѣна, превышающая ту цѣну, за какую онъ находитъ выгоднымъ приобрѣсть вещь. Если два покупателя считаютъ выгоднымъ приобрѣсть известную вещь, одинъ за 10 руб., а другой—за 10 руб. 1 коп., то начнутся ли торги съ оцѣночной цѣны въ 2 руб. или въ 9 руб., первый изъ покупателей станетъ надбавлять цѣну до 10 руб., второй до 10 руб. 1 коп. Съ какой бы цѣны не начались торги, вещь будетъ продана непременно за 10 руб. 1 коп., потому что первый изъ покупателей, находя для себя выгоднымъ купить ее за 10 руб., не дастъ своему противнику приобрѣсть ее за 9 руб. 99 коп., равно какъ и второй покупатель не уступитъ ее первому за 10 руб. Если оцѣночная цѣна, съ которой начинаются торги, значительно ниже дѣйствительной стоимости вещи, высшая цѣна, предложенная на торгахъ, будетъ совершенно та же, какая была бы предложена въ томъ случаѣ, если-бы торги начались съ болѣе высокой оцѣночной цѣны. Достойно замѣчанія то

обстоятельство, что правильность этого заключенія была признана въ другомъ мѣстѣ и самими составителями судебныхъ уставовъ, выразившими совершенно справедливое мнѣніе, что «истинная стоимость имѣнія опредѣляется въ дѣйствительности только соревнованіемъ торгующихся» (ibid., ч. 1, стр. 488). Отсюда слѣдуетъ, что взыскателю нѣтъ основанія опасаться, что низкая оцѣнка можетъ быть причиною, по которой на торгахъ будетъ предложена цѣна ниже той, какая была бы предложена въ томъ случаѣ, если-бъ вещь была оцѣнена дороже. Если же при арестѣ имущества должника вещи будутъ оцѣнены ниже дѣйствительной ихъ стоимости, тогда представляется возможность подвергнуть аресту большее число вещей. Это выгодно для взыскателя въ томъ отношеніи, что его взысканіе будетъ надежнѣе обезпечено; а въ случаѣ неажиотажа желающихъ принять участіе въ торгахъ, вещи достанутся ему по дешевой цѣнѣ (по 1063 ст. уст. гражд. суд.). Даже просто ради ускоренія хода взысканія кредиторъ всегда старается, при посредствѣ исполнительной власти, изъять изъ обладанія должника возможно большую массу имущества; а средствомъ къ достиженію этого только и можетъ служить возможно низкая оцѣнка арестуемыхъ вещей. Словомъ, взыскатель не можетъ быть признанъ такимъ цѣновщикомъ, безпристрастіе котораго не могло бы колебаться желаніемъ порадовать собственнымъ интересамъ, лучше всего отражаемымъ оцѣнкою принадлежащихъ должнику вещей несообразнѣе ниже ихъ дѣйствительной стоимости. На практикѣ оцѣнка самимъ взыскателемъ имущества, арестуемаго въ присутствіи должника—случай почти исключительный, такъ какъ должники, во избѣжаніе слишкомъ низкой оцѣны, обыкновенно дѣлаемой взыскателемъ, требуютъ производства оной чрезъ цѣновщиковъ.

При обсужденіи мнѣнія Colmet-Daage'a о безопасности вѣрять оцѣнку взыскателю, мнѣнія, усвоеннаго составителями нашихъ судебныхъ уставовъ, нельзя терять изъ вида, что онъ высказываетъ приведенное нами мнѣніе при истолкованіи постановленія французскаго законодательства о предварительной оцѣнѣ взыскателемъ недвижимаго имущества должника, на

которое обращено взысканіе (art. 690 code de pr. civ.). По правиламъ французскаго гражданскаго судопроизводства, взыскатель долженъ подать заявление съ указаніемъ цѣны, опредѣляемой имъ назначаемому въ продажу имѣнію, уже описанному и находящемуся подъ запрещеніемъ (art. 674, 677, 678). Оцѣнка требуется 4 п. 690 ст. французскаго кодекса гражданскаго судопроизводства какъ бы просто только въ видахъ не обходимаго указанія цѣны, съ которой должны начаться торги. При такомъ порядкѣ и значеніи оцѣнки при понудительномъ взысканіи она не можетъ имѣть никакого вліянія на количество имущества, въ правѣ распоряженія которымъ должникъ обязанъ ограничиваемъ. Стоимости имущества опредѣляется долго спустя послѣ того, какъ должникъ утрачиваетъ право распоряжаться имъ, и, слѣдовательно, количество его не находится ни въ какой зависимости отъ высоты оцѣнки, которой предшествуетъ ограниченіе правъ собственника въ отношеніи известной массы имущества. Но совсѣмъ иное значеніе получаетъ оцѣнка при взысканіи съ движимаго имущества должника: по правиламъ нашего устава гражданскаго судопроизводства, въ этомъ случаѣ оцѣнкою опредѣляется количество имущества, подлежащаго изъ обладанія должника. Она служитъ здѣсь исключительнымъ мѣриломъ: Чѣмъ дороже будутъ оцѣнены вещи, тѣмъ меньшее число ихъ подвергнется аресту. Количество же недвижимаго имущества, подвергающагося запрещенію при обращеніи на оное взысканія, какъ мы уже говорили, не находится въ зависимости отъ оцѣнки. Въ этомъ заключается громадная разница въ значеніи и послѣдствіяхъ оцѣнки движимаго и недвижимаго имущества при понудительномъ взысканіи и эта существенная разница была совершенно упущена изъ вида при обсужденіи вонедѣлихъ потому въ нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства правилъ оцѣнки арестуемой движимости, причемъ было принято въ соображеніе мнѣніе Colmet-Daage'a о безопасности предоставить взыскателю оцѣнку недвижимости.

Правильны или нѣтъ тѣ соображенія, которыми мотивировано правило объ опредѣленіи взыскателемъ цѣны арестуемаго имущества, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что взыскатель

быть признанъ безпристрастнымъ цѣновщикомъ. Предоставленіе ему права оцѣнки основано именно на предполагаемомъ его безпристрастіи. Еслибъ упоминаемое въ 1001 ст. уст. гражд. суд. опредѣленіе цѣны должно было имѣть такое же точно значеніе, какое оно имѣетъ по смыслу 1975 ст. 2 ч. X т., то не было бы и надобности входить въ обсужденіе того, насколько взыскатель заинтересованъ въ безпристрастной оцѣнкѣ, потому что при опредѣленіи цѣны въ смыслѣ этой статьи пристрастіе взыскателя не можетъ имѣть никакого вліянія на интересы должника, ибо назначеніе имъ цѣны не имѣетъ въ дѣлѣ рѣшительнаго значенія. Кроме того, не было бы и основанія устанавливать преимущественное право взыскателя въ отношеніи опредѣленія цѣны, подобно тому, какъ не установлено такого права 1975 статьей 2 ч. X т., такъ какъ оно было бы лишено всякаго практическаго значенія при признаніи, что это право сводится лишь къ праву взыскателя первому по очереди заявлять свою цѣну, какъ это имѣетъ мѣсто при оцѣнкѣ недвижимости; но тамъ соблюденіе очереди получаетъ значеніе вслѣдствіе того, что при оцѣнкѣ недвижимости происходитъ между сторонами какъ бы состязаніе по точно установленнымъ въ законѣ правиламъ. Несоблюденіе очереди влекло бы къ невозможности соблюденія сихъ правилъ (1117 — 1122 ст. уст. гражд. суд.). Такимъ образомъ, остается придти къ заключенію, что преимущественное право взыскателя опредѣлять цѣну описанныхъ вещей должно быть изъяснено въ томъ смыслѣ, что въ отношеніи назначенія цѣны арестуемаго имущества его мнѣніе имѣетъ рѣшительное значеніе, а не совѣщательное, какъ мнѣніе должника при оцѣнкѣ недвижимаго имущества (ст. 1118 и 1121 уст. гражд. суд.).

Если должникъ, которому въ случаѣ нахожденія при описи взыскателя не принадлежитъ право оцѣнки, возражаетъ противъ назначаемой взыскателемъ цѣны, то несогласіе его получаетъ значеніе спора противъ этой оцѣнки; но такъ какъ, по закону, назначеніе цѣны арестуемаго имущества предоставлено взыскателю, то его несогласіе съ мнѣніемъ должника относительно стоимости той же вещи не можетъ имѣть значенія спора про-

тивъ оцѣнки. Однако же употребленныя въ 1001 ст. уст. гр. суд. выраженія, а также соображенія, высказанныя при обсужденіи ея редакціи, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что право заявлять споръ противъ оцѣнки предоставляется ея равноиѣрно какъ должнику, такъ и взыскателю. Законъ, очевидно, имѣетъ въ виду такой случай, когда взыскатель можетъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ заявить споръ противъ оцѣнки. Мы однако же видѣли, что пользованіе правомъ назначать цѣну по собственному усмотрѣнію исключаетъ для взыскателя надобность и даже самую возможность спора противъ оцѣнки. Мы однако же видѣли, что пользованіе правомъ назначать цѣну по собственному усмотрѣнію исключаетъ для взыскателя надобность и даже самую возможность спора противъ оцѣнки, ибо въ такомъ случаѣ ему пришлось бы спорить противъ самаго себя. Единственный случай, когда для взыскателя могла бы явиться надобность оспаривать оцѣнку, возникаетъ лишь при оцѣнкѣ имущества самимъ должникомъ. Послѣдній же оцѣниваетъ арестуемое имущество только въ необходимость при описи взыскателя, стало быть нужно признать, что дѣйствующій нынѣ уставъ гражданскаго судопроизводства допускаетъ переоцѣнку арестованнаго не въ присутствіи взыскателя движимаго имущества должника при заявленіи взыскателемъ спора противъ сдѣланной должникомъ оцѣнки. Но согласуется-ли такое правило съ другими основными правилами исполненія судебныхъ рѣшеній и можно ли усмотрѣть въ нихъ какое-либо подтвержденіе существованія подобнаго правила?

Неизбека взыскателя къ аресту имущества должника имѣетъ весьма невыгодныя для него послѣдствія: во-1-хъ, арестъ не откладывается до его прибытія, а производится безъ него (ст. 972); во-2-хъ, взыскатель, не явившійся къ описи, не имѣетъ права жаловаться на неправильность ея производства (999 ст.). Какъ извѣстно, оцѣнка движимаго имущества производится при самомъ арестѣ его и тотчасъ же вносится въ протоколъ описи (ст. 1000). Примѣнительно къ смыслу 999 ст. уст. гр. суд. слѣдовало бы признать, что въ случаѣ, предусматриваемомъ 972 ст. того же устава, взыскатель не вправе уже оспаривать и оцѣнку. Положимъ, что соблюденіе правила, выраженнаго въ 999 статьѣ, еще не исключаетъ возможности требованія переоцѣнки; еслибы таковая была допущена 1001.

статьей, потому что подобное требованіе заключало бы въ себѣ лишь заявленіе о желаніи воспользоваться своимъ правомъ, а не жалобу на неправильность производства описи. Но ни одна изъ статей закона, относящихся до исполненія судебныхъ рѣшеній, не допускаетъ возобновленія какихъ бы то ни было исполнительныхъ дѣйствій для устраненія дурныхъ послѣдствій уничтоженія, происшедшаго по винѣ той или другой стороны, т.-е. должника или взыскателя. Отступленіе отъ этого основнаго правила въ отношеніи оцѣнки, еслибъ оно дѣйствительно имѣлось въ виду законодателемъ, было бы выражено опредѣленно, чего мы на самомъ дѣлѣ не встрѣчаемъ въ уставѣ. Намъ, однако, должно предположить, что при допущеніи переоцѣнки по требованію взыскателя была бы допущена переоцѣнка и по требованію должника, на что опять-таки въ уставѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Еслибъ въ намѣреніе законодателя дѣйствительно входило придать оцѣнкѣ арестуемаго имущества, произведенной взыскателемъ въ отсутствіи должника, или, наоборотъ, сему послѣднимъ, въ небытность взыскателя, значеніе простаго заявленія о цѣнѣ, окончательное установленіе которой могло бы воспослѣдовать лишь при отсутствіи спора противъ нея противной стороны, то невозможно допустить, чтобъ право возбужденія такого спора не было ограничено въ отношеніи споровъ по оцѣнкѣ недвижимости (ст. 1118 и 1121 уст. гражд. суд.). При такомъ пробѣлѣ въ законѣ должникъ могъ бы заявить свою оцѣнку наканунѣ торговъ и не было-бы законнаго основанія не дать его заявленію надлежащаго хода, что повлекло бы въ сущности къ необходимости снова исполнить всѣ формальности наложенія ареста и въ чрезмѣрному замедленію взысканія. А мы знаемъ мнѣніе составителей судебныхъ уставовъ, что «главною цѣлью при установленіи правилъ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній должно быть устраненіе всего, что можетъ замедлить исполненіе» (суд. уст., вид. гос. канц., ч. 1, стр. 444) и «устранить всѣ препятствія, которыя обыкновенно взыскиваетъ и противопоставляетъ сему обвиненная сторона» (ib., стр. 438). Такъ какъ въ законѣ нѣтъ указанія срока, по истеченіи котораго произведенная съ

соблюденіемъ установленныхъ на сей предметъ правилъ оцѣнка такъ сказать входитъ въ законную силу, то слѣдуетъ признавать, что она получаетъ надлежащую силу и значеніе тотчасъ же по окончаніи ея производства.

Соображеніе смысла всѣхъ установленныхъ закономъ правилъ понудительнаго взысканія несомнѣнно приводитъ въ заключенію, что цѣна описываемаго имущества опредѣляется взыскателемъ *окончательно* и только въ томъ случаѣ должникомъ, когда взыскатель не явился; но неявка въ описи лишаетъ его права обжаловать всѣ сопровождающія ея дѣйствія, въ томъ числѣ и оцѣнку, и, слѣдовательно, онъ не можетъ и заявлять спора противъ оцѣнки, сдѣланной должникомъ въ силу предоставленнаго ему закономъ права производить оную въ случаѣ отсутствія взыскателя, между тѣмъ надобность заявлять споръ противъ оцѣнки могла бы возникнуть для взыскателя только тогда, еслибы законъ допускалъ повѣрку оцѣнки, произведенной самимъ должникомъ въ отсутствіи взыскателя; но такъ какъ при наличности послѣдняго условія должникъ, въ силу самаго закона, является надлежащимъ цѣновщикомъ описываемаго имущества и спора противъ его оцѣнки, какъ произведенной согласно установленнымъ на сей предметъ правиламъ, не допускается (ст. 972, 999 и 1001 уст. гр. суд.), то и не можетъ представится таковаго случая, когда понадобилось бы примѣнить установленное въ 1001 ст. уст. гражд. судопроизводства правило разрѣшенія заявляемаго взыскателемъ спора противъ оцѣнки, а потому оно является совершенно излишнимъ и находится въ противорѣчій со многими законоположеніями, опредѣляющими порядокъ принудительнаго исполненія судебныхъ рѣшеній.

Установленіемъ правила объ оцѣнкѣ арестуемаго имущества самимъ взыскателемъ введено начало совершенно чуждое исторіи нашего исполнительнаго процесса. Еще въ судебныхъ Иванъ III и IV мы встрѣчаемъ постановленіе объ оцѣнкѣ предназначаемаго въ продажу имущества должника чрезъ выборныхъ цѣновщиковъ и съ тѣхъ поръ это постановленіе удерживалось нашимъ законодательствомъ вплоть до изданія судеб-

ныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года (Д. Пихно, историческій очеркъ иѣръ гражданскихъ взысканій по русскому праву, стр. 30, 62, 63, 64, 70 и 71). Мы уже упоминали, что въ порядкѣ судопроизводства, непосредственно предшествовавшемъ введенному сими уставами, оцѣнка движимаго имущества, подлежащаго аресту, производилась непремѣнно чрезъ свѣдущихъ людей (ст. 1950 ч. 2 т. X), хотя участіе ихъ въ производствѣ оцѣнки и могло быть устранено взаимнымъ соглашеніемъ должника и взыскателя въ отношеніи опредѣленія цѣны назначаемого въ продажу имущества (1975 ст. 2 ч. X. т.). Подобное же правило мы встрѣчаемъ и въ сельско-судебномъ уставѣ, съ тою только разницею, не имѣющею, впрочемъ, особеннаго правтического значенія, что тамъ оцѣнка чрезъ цѣновщиковъ полагается лишь при разногласіи между должникомъ и взыскателемъ, а не какъ обыкновенный, нормальный ея порядокъ (392 и 393 ст. 2 ч. X т.). По смыслу приведенныхъ законоположеній, при оцѣнкѣ взыскателю принадлежать лишь право контролировать ея производство, но онъ не можетъ принимать въ ней участія на правахъ цѣновщика, т.е. въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ по причинѣ отсутствія или какихъ либо иныхъ обстоятельствъ не входилъ въ соглашеніе съ взыскателемъ въ отношеніи опредѣленія цѣны арестуемыхъ вещей, послѣдній не можетъ самъ ихъ оцѣнивать. Статья 1951 ч. 2 т. X положительно возбраняетъ допускать взыскателя къ оцѣнкѣ арестуемаго имущества должника. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что правила оцѣнки, заключающіяся въ новомъ уставѣ гражданского судопроизводства, ничѣмъ существенно не отличаются отъ порядка оцѣнки, указаннаго во 2 ч. X т. и въ сельско-судебномъ уставѣ. По новому уставу, должникъ можетъ устранить взыскателя отъ оцѣнки при несогласіи на принятіе опредѣленной имъ цѣны, потребовавъ оцѣнки чрезъ экспертовъ; слѣдовательно, и новый уставъ допускаетъ, видимо, только два способа оцѣнки: оцѣнку по взаимному соглашенію должника и взыскателя и чрезъ цѣновщиковъ. Такъ думали и составители судебныхъ уставовъ. Изложивъ правила оцѣнки, вошедшія потомъ въ текстъ уставовъ, законодательная

комисія, занимавшаяся ихъ составленіемъ, признала, что, по смыслу сихъ правилъ, «оцѣнка имущества будетъ производиться въ сущности или по взаимному соглашенію должника и взыскателя, или посредствомъ свѣдущихъ людей» (суд. уст., изд. гос. канц., ч. 1, стр. 466). Но это невѣрно.

Законъ признаетъ только одинъ поводъ къ устраненію взыскателя отъ оцѣнки: несогласіе должника на сдѣланную имъ оцѣнку. Должникъ не можетъ заранее отвести взыскателя по подозрѣнію въ пристрастіи или по какой-либо иной причинѣ. Ему принадлежитъ лишь право устранить взыскателя отъ оцѣнки по несогласію на сдѣланную уже имъ оцѣнку. Отсюда слѣдуетъ, что должникъ, почему-либо не располагающій присутствовать при оцѣнкѣ, не вправе требовать, чтобы таковая была произведена чрезъ свѣдущихъ людей, потому что ранѣе производства взыскателемъ оцѣнки не можетъ быть, разумѣется, заявлено и спора противъ нея. Такимъ образомъ, по дѣйствующему нынѣ уставу гражданскаго судопроизводства должникъ имѣетъ возможность контролировать производимую взыскателемъ оцѣнку лишь при личномъ своемъ присутствіи при ея производствѣ (arg. 972, 999, 1000 и 1001 ст. уст. гражд. суд.). Это приводитъ къ заключенію, что въ случаѣ небытности должника при наложеніи ареста на его имущество оцѣнка послѣднего производится и не по взаимному соглашенію должника съ взыскателемъ и не чрезъ свѣдущихъ людей, а по безконтрольному усмотрѣнію взыскателя. По 2 ч. X т., равно какъ и по сельско-судебному уставу, такого основанія оцѣнки не существуетъ, такъ какъ, по силѣ установленныхъ въ нихъ правилъ, отсутствіе должника при арестѣ его имущества лишаетъ взыскателя возможности принимать активное участіе въ производствѣ оцѣнки.

Такъ какъ должникъ всегда бываетъ увѣдомляемъ о времени, когда будетъ приступлено къ аресту его имущества (ст. 968 и 979 уст. гражд. суд.), то опредѣленіе цѣнности сего послѣднего по безконтрольному произволу взыскателя является послѣдствіемъ упущенія самаго должника, не прибывшаго къ аресту и тѣмъ лишившаго себя возможности оградиться отъ

произвольной оцѣнки. Разъ предоставивъ взыскателю право оцѣнивать имущество должника, а послѣднему право заявлять споръ противъ оцѣнки, каковымъ правомъ онъ можетъ однакоже воспользоваться только въ случаѣ личнаго присутствія при производствѣ оной,—нѣтъ уже основанія устанавливать особыя гарантіи интересовъ должника на случай упущенія, которое онъ могъ предотвратить. Если должникъ, присутствуя при арестѣ принадлежащаго ему имущества, могъ требовать производства оцѣнки чрезъ свѣдущихъ людей, буде напелъ бы дѣлаемую взыскателемъ оцѣнку неправильною, но въ аресту не явился, то и долженъ подвергнуться невыгоднымъ послѣдствіямъ своего же собственнаго упущенія. Съ другой стороны, едва-ли справедливо не оградить интересы должника въ отношеніи оцѣнки его имущества, производимой при такихъ условіяхъ, наступленію которыхъ онъ не могъ воспрепятствовать. Однакоже уставъ гражданскаго судопроизводства допускаетъ такой случай, когда производимая взыскателемъ оцѣнка имущества не находится подъ контролемъ должника, не давшего къ этому повода какимъ-либо упущеніемъ.

Если предстоить надобность арестовать имущество, подверженное скорой порчѣ, то такое, по силѣ 971 ст. уст. гражд. судопр., не только арестуется, но и продается съ публичнаго торга, не ожидая истеченія установленнаго въ 970 ст. устава срока на явку отсутствующаго должника. Имущество можетъ быть описано, оцѣнено и продано даже раньше, чѣмъ должникъ узнаетъ объ этомъ. Хотя должникъ, не имѣвшій возможности узнать о времени, когда будетъ приступлено къ аресту его имущества, не присутствовалъ при ономъ не по своей винѣ, но все-таки онъ нисколько не огражденъ отъ произвола взыскателя въ отношеніи оцѣнки его имущества со всѣми ея послѣдствіями. Пользуясь нѣтъ неограничиваемымъ въ отсутствіи должника правомъ назначать цѣны по собственному благоусмотрѣнію, взыскатель можетъ оцѣнить вещи несообразно дешево, наприм. имущество, стоящее 1000 руб., оцѣнить въ 200 руб. съ тою цѣлью, чтобы послѣ несостоявшихся торговъ оставить его за собою по 1063 ст.

уст. гражд. судопр. Вопреки мнѣнію Colmet-Daage'a (l. c. t. 2, § 938), видѣть достаточную мѣру предотвращенія возможности подобнаго случая въ готовности постороннихъ лицъ конкурировать на торгахъ со взыскателемъ изъ желанія приобрести вещи хотя и по дешевой, но все же по сообразно дешевой цѣнѣ, отнюдь нельзя, потому что не всегда и не вездѣ найдутся люди, желающіе и могущіе затратить деньги для случайной покупки, хотя бы и по очень сходной цѣнѣ, такихъ вещей, въ которыхъ они, быть можетъ, лично не имѣютъ никакой надобности, особенно же, если принять въ расчетъ, что продаются вещи, подверженные скорой портѣ. Самъ Colmet-Daage, въ противорѣчіе своему же мнѣнію, упоминаетъ, что къ покупкѣ имущества съ публичныхъ торговъ относятся вообще съ большимъ предубѣжденіемъ, особенно же въ деревнѣ (l. c., т. 2, стр. 375). Въ нашихъ же деревняхъ рѣшается приобрести вещь съ публичнаго торга развѣ какой-нибудь человекъ пришлый, случайно попавшій на торги и не поддавшійся описанію нареканий и недовольства цѣлой деревни, смотрящей на такого покупателя, какъ на чужака въ разореніи должника, на сторону котораго во всякомъ случаѣ накладывается осужденіе его односельцевъ. Вообще дешевая оцѣнка низкимъ образомъ не можетъ быть признана специфическимъ средствомъ къ привлеченію покупателей. Но если даже вещи и будутъ проданы съ публичнаго торга по настоящей ихъ цѣнѣ, то все-таки же должникъ можетъ потерѣть значительные убытки оттого, что, вслѣдствіе несообразно дешевой оцѣнки, изъ обладанія его будетъ изъято несоразмѣрно большее количество имущества, чѣмъ какое дѣйствительно требовалось. Такой именно случай можетъ произойти, наприм., при описи въ отсутствіи должника принадлежащей ему лавки, торгующей товаромъ, подверженнымъ скорой портѣ, какъ-то: фруктами, гастрономическими припасами и т. п. Во-первыхъ, прекратится сбытъ товара, и во-вторыхъ, можетъ быть пропущено удобное для его распродажи время, наприм. ярмарочный день, такъ что, по освобожденіи товара отъ ареста, онъ уже утратитъ всякую цѣнность.

Итакъ, мы видимъ, что оцѣнка арестуемаго имущества производится не только по взаимному соглашенію должника и взыскателя и чрезъ свидущихъ людей, но въ некоторыхъ случаяхъ и по безапелляціонному произволу взыскателя. Допущеніе же такового при оцѣнкѣ влечетъ весьма невыгодныя для должника послѣдствія и можетъ быть объяснено только увѣренностью составителей судебныхъ уставовъ въ томъ, что безпристрастіе взыскателя при назначеніи цѣны арестуемаго имущества гарантируется требованіемъ его личнаго интереса, что совершенно ошибочно, какъ мы видѣли. Еслибъ безпристрастіе взыскателя при оцѣнкѣ имущества должника обезпечивалось согласованіемъ оного съ требованіемъ личнаго его интереса, тогда, конечно, не было бы основанія предполагать, что онъ, дѣйствуя въ ущербъ послѣднему, станетъ оцѣнивать вещи несообразно ниже ихъ дѣйствительной стоимости, а между тѣмъ сами же составители судебныхъ уставовъ, признавъ взыскателя безпристрастнымъ цѣновщикомъ, вслѣдъ за тѣмъ перечисляютъ нѣкоторые случаи, когда ему выгодно назначить презрительно низкія цѣны, и обсуждаютъ порядокъ огражденія должника отъ пристрастной оцѣнки (см. суд. уст., изд. гос. канц., ч. 1, стр. 466). Объясненіе этого противорѣчія, кажется, нужно видѣть въ принятіи въ руководство, безъ должной проверки, готовыхъ соображеній французскаго писателя, о которыхъ мы уже упоминали, и въ странномъ упущеніи изъ вида, что членія дѣйствительной жизни, частію не ускользнувшія и отъ вниманія составителей судебныхъ уставовъ, указываютъ на несостоятельность вывода, сдѣланнаго ими изъ этихъ соображеній.

При обсужденіи основныхъ правилъ производства по исполненію судебныхъ рѣшеній было признано необходимымъ принять въ основаніе вошедшіе въ свѣдѣ изд. 1857 г. законъ объ описи, оцѣнкѣ и публичной продажѣ (суд. уст., изд. гос. канц., ч. 1, стр. 454). Нельзя не замѣтить, что прежнія правила не были потому достаточно согласованы съ общими положеніями новаго устава гражданскаго судопроизводства. Нѣкоторыя изъ нихъ были перенесены изъ 2 ч. X т. совершенно безъ принаровленія ихъ къ отличительнымъ особенностямъ не-

выхъ процессуальныхъ началъ, вслѣдствіе чего они получили въ новомъ уставѣ гражданскаго судопроизводства совсѣмъ не тотъ смыслъ и значеніе, какіе они имѣли въ прежнемъ. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ дѣйствующемъ нынѣ уставѣ гражданскаго судопроизводства такіа правила, установленіе которыхъ не можетъ быть оправдано ни съ точки зрѣнія теоріи, ни потребностями практики, но объясняется заимствованіемъ ихъ изъ 2 ч. X т. Увѣренность въ пригодности уже готовыхъ правилъ для внесенія въ новый уставъ, основанная на признаніи ихъ продуктами потребностей нашего правового быта, повела къ наибольшему устраниенію критической провѣрки ихъ состоятельности. Съ другой же стороны, нѣкоторыя изъ правилъ нашего прежняго гражданскаго судопроизводства, относящіяся до исполненія рѣшеній, исполнѣ заслуживавшія перенесенія въ новый уставъ, были совершенно упразднены или замѣнены гораздо менѣе цѣлесообразными правилами.

В. Ивановъ.

Порядокъ исполненія судебныхъ приговоровъ и постановленій о денежныхъ штрафахъ.

I.

Присуждаемые уголовнымъ судомъ денежные взысканія распадаются на двѣ существенно-различныя категоріи: одни налагаются въ наказаніе за преступленіе и притомъ по дѣламъ, производящимся въ порядкѣ обвиненія публичнаго, постигаютъ виновнаго независимо отъ воли потерпѣвшаго; другія же имѣютъ своимъ назначеніемъ возмѣщеніе понесенныхъ потерпѣвшимъ вреда и убытковъ и обусловливаются всегда требованіемъ потерпѣвшаго о вознагражденіи его, имѣющимъ характеръ гражданскаго иска (ст. 6, 7, 122 и 779 уст. угол. суд., ст. 5—7 уст. гражд. суд., ст. 59—64 улож. и ст. 24 уст. о наказ.). Поэтому, штрафъ можетъ упадать только на осужденнаго, за смертью котораго приговоръ о штрафѣ отиѣняется, тогда какъ гражданская отвѣтственность за причиненный преступленіемъ ущербъ, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, переходитъ на другихъ лицъ, а за смертью осужденнаго взысканіе вознагражденія потерпѣвшихъ вредъ и убытки обращается на его имущество (ст. 15—18 уст. угол. суд. и ст. 156 улож.).

Обязанность слѣдовать правиламъ исполненія рѣшеній общихъ судебныхъ мѣстъ по дѣламъ гражданскимъ, возложенная на мировыя судебныя установленія по отношенію къ рѣшеніямъ и опредѣленіямъ, постановленнымъ въ порядкѣ судопроизводства гражданского, не распространена специальнымъ закономъ на ихъ уголовные приговоры о денежныхъ взысканіяхъ (ст. 159 уст. гражд. суд. и ст. 181—191 уст. угол. суд.). Исполненіе же приговоровъ общихъ судебныхъ мѣстъ о денежныхъ взысканіяхъ, присуждаемыхъ въ наказаніе, или въ вознагражденіе потерпѣвшихъ вредъ и убытки, законъ прямо подчинилъ порядку, установленному для исполненія рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ, и притомъ ввѣрилъ исполненіе однимъ и тѣмъ же органамъ—судебнымъ приставамъ (ст. 954 и 974 уст. угол. суд.).

Въ силу приведеннаго различія между двумя видами присуждаемыхъ уголовнымъ судомъ денежныхъ взысканій образъ приведенія ихъ въ дѣйствіе не можетъ быть вполне одинаковъ.

Сколько намъ извѣстно, практика многихъ окружныхъ судовъ, исходя изъ положенія, выраженнаго въ 948 ст. уст. угол. суд., по которому всѣ распоряженія по исполненію приговоровъ общихъ судебныхъ мѣстъ, выходящія изъ круга непосредственныхъ судебныхъ дѣйствій, относятся въ обязанностямъ прокурора, чрезъ коего восходятъ на разрѣшеніе суда, согласно 955 ст. уст., и всѣ затрудненія или сомнѣнія, возникшія при исполненіи приговора, не находятъ возможнымъ изъять изъ вѣдѣнія прокурора распоряженія по исполненію приговоровъ о налагаемыхъ въ наказаніе денежныхъ штрафовъ.

Такая практика не оправдывается смысломъ закона: а) Изъ содержанія ст. 948 уст. угол. суд. видно, что къ обязанностямъ прокурора отнесены не всѣ безъ исключенія распоряженія по исполненію приговоровъ, не подходящія подъ категорію указанныя въ предыдущей 947 ст., но лишь выходящія изъ круга непосредственныхъ судебныхъ дѣйствій. *Распоряженія*, не выходящія изъ круга непосредственныхъ судебныхъ дѣйствій, законъ не ограничилъ тѣми же самыми предѣлами, къ каковымъ сводятся по ст. 947 уст. угол. суд. исполнительныя

дѣйствія, возложенныя на обязанность суда. Поэтому нѣтъ правильнаго основанія заключать, чтобы къ такимъ распоряженіямъ не относились исходящія непосредственно отъ предсѣдателя суда порученія судебнымъ приставамъ по приведенію въ исполненіе приговоровъ о денежныхъ взысканіяхъ согласно 321—323 ст. учр. суд. уст. и 954 ст. уст. угол. суд.—б) Вошедшія въ сводъ 1857 г. общія правила исполненія уголовныхъ приговоровъ оставлены въ силѣ во всемъ томъ, въ чемъ они соотвѣтствуютъ вновь установленнымъ правиламъ судопроизводства (суд. уст., изд. госуд. канц., стр. 338, т. 2). По ст. же 503—505 свода 1857 г., всѣ приговоры, коихъ исполненіе не требовало распоряженій административныхъ, подлежали исполненію непосредственно судомъ. При сопоставленіи этого законоположенія со ст. 947 и 948 уст. угол. суд., коихъ оно послужило источникомъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что и въ послѣдней статьѣ разумѣются только требующія какихъ-либо административныхъ мѣръ распоряженія, къ каковымъ не можетъ быть причислено исполненіе приговора о денежномъ штрафѣ, отнесенное къ прямой обязанности особой судебной полиціи.

Что касается возложенной на исполнителей приведенною выше статьею 955 обязанности подчиняться согласнымъ съ судебнымъ приговоромъ требованіямъ прокурора и доносить ему о всѣхъ возникшихъ при исполненіи приговора затрудненіяхъ и сомнѣніяхъ, то она не противорѣчитъ нашему выводу, ибо спеціально относится къ такимъ приговорамъ, объ исполненіи которыхъ прокуроръ непосредственно предлагаетъ подлежащей власти, будучи обязанъ слѣдить за правильностью ихъ исполненія и требовать увѣдомленія о послѣдовавшемъ исполненіи, для доведенія о томъ до свѣдѣнія суда (ст. 949 и 956 уст. угол. суд.).

Распространеніе законодательемъ порядка исполненія рѣшѣній по дѣламъ гражданскимъ на приговоры о денежныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ въ наказаніе и присуждаемыхъ въ вознагражденіе потерпѣвшихъ вредъ и убытки, порождаетъ на практикѣ не меньшія недоразумѣнія по отношенію къ прави-

ламъ приведенія въ дѣйствіе перваго рода взысканій, съ момента обращенія приговора къ исполненію.

Наиболѣе недоразумѣній встрѣчается по слѣдующимъ вопросамъ:

1. Взысканіе штрафа можетъ ли быть обращено на недвижимое имѣніе осужденнаго?

2. Какими условіями опредѣляется несостоятельность осужденнаго къ платежу штрафа?

3. Въ какомъ порядкѣ должно производиться арестованіе осужденнаго, по несостоятельности къ уплатѣ штрафа?

4. Какое участіе въ исполненіи приговоровъ общихъ судебныхъ мѣстъ о штрафахъ могутъ принимать чины полиціи?

1. По мнѣнію г. Неклюдова (руководство для мировыхъ судей, т. 2, стр. 23), взысканіе штрафовъ можетъ обращаться лишь на имущество движимое, подлежащее аресту за долги. «Хотя», говоритъ онъ, «въ законѣ нѣтъ спеціальнаго постановленія о необращеніи взысканія штрафа на недвижимое имѣніе, но это установлено судебною практикою, основанною на томъ, что законъ, говоря объ имуществѣ, разумѣетъ подъ этимъ только имущество движимое, не указывая нигдѣ на обращеніе взысканія на недвижимое имѣніе». Мнѣніе г. Неклюдова совершенно несправедливо.

И въ гражданскихъ законахъ, и въ судебныхъ уставахъ выраженіе *имущество* часто употребляется безразлично для означенія движимой и недвижимой собственности.

По ст. 383 т. X. ч. 1, имущества суть недвижимыя (имѣнія) или движимыя. Принятое и въ иностранныхъ законодательствахъ (напр. 516 ст. 2 кн. гражданского кодекса, дѣйствующаго въ царствѣ польскомъ) по образцу древняго римскаго права, дѣлившаго имущество на *res mancipi* и *res nec mancipi*, коренное положеніе, по которому движимость и недвижимость составляютъ понятія видовыя по отношенію къ родовому понятію имущества, не могло не отразиться и въ судебныхъ уставахъ. Въ доказательство того, что подъ «имуществомъ» уставы не всегда разумѣютъ движимую собственность, достаточно сослаться, напр., на 212—214 или 1424 ст. уст.

гражд. суд., въ коихъ недвижимость именуется имуществомъ. Отсюда слѣдуетъ, что со стороны закона не существуетъ препятствія къ обращенію взысканія штрафа, наложеннаго по приговору уголовного суда, и на недвижимую собственность осужденнаго.

2. Основываясь на *общихъ* правилахъ исполненія рѣшеній суда гражданского (ст. 924—967 уст. гражд. суд.), предоставляющихъ взыскателю избраніе способа приведенія рѣшенія въ исполненіе, исполнительные органы *нѣрѣдко*, за отказомъ осужденнаго отъ добровольной уплаты штрафа, обращаютъ взысканіе первоначально на движимое его имущество, а при недостаткѣ движимости у осужденнаго на принадлежащее ему недвижимое имущество, если таковое окажется, путемъ продажи оного съ публичнаго торга (ст. 968—1209). Мы признаемъ, что принятіе такихъ крайнихъ мѣръ единственно въ силу отказа отъ добровольной уплаты наложеннаго судомъ штрафа, безъ всякаго на то уполномочія со стороны осужденнаго, несогласно съ закономъ по слѣдующимъ причинамъ:

а) Въѣрая исполненіе судебныхъ рѣшеній особымъ лицамъ, находящимся въ непосредственномъ подчиненіи судебныхъ мѣстъ, законодатель счелъ необходимымъ, для дѣйствій этихъ лицъ, преподавать такіа правила, которыя доставили бы имъ всѣ средства успѣшнаго исполненія судебныхъ рѣшеній, съ устраненіемъ всего, что могло бы его замедлить, и со всевозможнымъ огражденіемъ правъ взыскателя и должника (суд. уст., изд. госуд. канц., стр. 442 и 444, т. 1). Соображенія эти въ известной степени примѣнимы и къ исполненію приговоровъ уголовного суда о денежныхъ штрафахъ. По свойству приговоровъ объ општрафованіи, имѣющихъ цѣлью наказаніе, а не огражденіе чьихъ бы то ни было матеріальныхъ интересовъ, вслѣдствіе чего законъ всегда отдаетъ первенство взысканію вознагражденія причиненныхъ преступленіемъ убытковъ предъ взысканіемъ штрафа, въ случаѣ совпаденія обоихъ взысканій (ст. 41 и 63 улож. и ст. 25 уст. о наказ.),—успѣшное ихъ исполненіе зависитъ единственно отъ его своевременности и того, въ какой мѣрѣ обеспечиваются при этомъ права осужденнаго.

Между тѣмъ, примѣненіе помимо воли осужденнаго всѣхъ формальностей, сопровождающихъ принудительное отчужденіе имущества, повело бы къ радикально-противоположнымъ результатамъ. Оно послужило бы и къ замедленію исполненія приговора, и къ нарушенію правъ осужденнаго. Процедура описи, оцѣнки и продажи имущества сама по себѣ поглощаетъ не мало времени. Напр., по ст. 1027 и 1028 уст. гражд. суд. срокъ публичной продажи движимости, исключая предметовъ, подверженныхъ своей порчѣ, или требующихъ слишкомъ значительныхъ надержекъ на храненіе, опредѣляется приставомъ отъ семи дней до шести недѣль. Продажа недвижимыхъ имѣній производится только въ сроки, назначенные на каждое трехлѣтіе министромъ внутреннихъ дѣлъ по сношенію съ министрами финансовъ и юстиціи не менѣе четырехъ разъ въ годъ, т.-е. обыкновенно чрезъ каждые три мѣсяца, и день торга назначается, смотря по цѣнности имѣнія, отъ одного до трехъ мѣсяцевъ со дня объявленія о публичной продажѣ, причемъ, если опись имѣнія получена въ такое время, что для ближайшаго срока, назначеннаго для публичной продажи, не могутъ быть сдѣланы надлежащія публикаціи, то торгъ откладывается на слѣдующій срокъ (ст. 1142—1145 уст. гражд. суд.). При несостоявшемся торгѣ долженъ быть назначенъ новый торгъ не ранѣе срока, указаннаго для перваго торга (ст. 1182 того же устава).

При взысканіяхъ по гражданскимъ искамъ исполнительное производство, какъ сказано выше, поставлено въ зависимость отъ воли истца, съ которымъ отвѣтчику предоставляется входить въ соглашеніе, напр., относительно мѣста и срока продажи имущества (ст. 1021 и 1132), или цѣны государственныхъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій частныхъ обществъ (ст. 1072). Во всякомъ положеніи дѣла истецъ имѣетъ право остановить взысканіе (ст. 952), или дать особые льготы отвѣтчику. Такъ, взыскатель можетъ освободить нѣкоторыя вещи отъ ареста и продажи, хотя бы прочія затѣмъ и не были достаточны на полное удовлетвореніе взысканія (ст. 977), дать отсрочку для продажи описаннаго имущества (ст. 1029) и т. под.

По своему же усмотрѣнію судебный приставъ не вправе ни отдалить, ни разсрочить платежъ присужденной суммы, безъ особаго на то уполномочія, ни разрѣшить замѣну платежа какимъ-либо обязательствомъ со стороны осужденнаго, какъ бы могъ это сдѣлать истецъ.

б) Во всѣхъ исполнительныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ законъ призываетъ къ участию обѣ тяжущіяся стороны, судебному приставу, по необходимости, пришлось бы присвоить себѣ права не существующаго взыскателя, или создать неуказанный въ законахъ порядокъ взысканія. Въ обоихъ случаяхъ судебный приставъ будетъ постоянно находиться подѣ опасеніемъ или нарушить право осужденнаго, или оказать ему излишнее послабленіе. По неимѣнію, въ большинствѣ случаевъ, законной точки опоры, ему предстояло бы выбирать одно изъ двухъ: или поступать совершенно произвольно, или о каждомъ сомнѣніи представлять суду. Само собою разумѣется, что добросовѣстный судебный приставъ скорѣе изберетъ второй путь, дабы не навлечь на себя отвѣтственности превышеніемъ власти, и такимъ образомъ, замедливъ исполненіе, вовлечетъ судъ въ излишнюю переписку.

Немаловажными доводами противъ господствующей системы взысканія штрафовъ представляется, кромѣ того, частое столкновеніе взысканія съ правами третьихъ лицъ, значительно усложняющее дѣло, а также напрасное увеличеніе подлежащихъ возмѣщенію расходовъ казны (ст. 244 учр. суд. уст. и 976 уст. угол. суд.).

За признаніемъ того, что распространеніе на судебного пристава правъ, присвоенныхъ уставомъ гражданскаго судопроизводства взыскателю, какъ сторонѣ, не должно имѣть мѣста, остается искать руководящихъ правилъ для исполнителя уголовного приговора объ општрафованіи въ законахъ, опредѣляющихъ условія личнаго задержанія должника. Такое руководящее начало мы находимъ въ статьѣ 1224 уст. гражд. суд., предусматривающей спеціальныи способъ исполненія рѣшенія, по которой судъ постановляетъ опредѣленіе о личномъ задержаніи должника, если онъ не уплачиваетъ присужденнаго съ

него взысканія и не может указать способа исполненія рѣшенія (ст. 115 основн. полож. суд. уст.). Относясь ко всѣмъ вообще взысканіямъ, судебными рѣшеніями присужденнымъ, ст. 1224 уст. гражд. суд. распространяется, за силою 974 ст. уст. угол. суд., и на денежные взысканія, присуждаемыя уголовными приговорами въ наказаніе. По отсутствію взыскателя, очевидно никто другой, кромѣ самого осужденнаго, не вправе уважать способъ исполненія приговора о денежномъ штрафѣ. Какими бы онъ ни располагалъ наличными средствами, но если онъ не пожелаетъ обратить ихъ на уплату штрафа и, въ замѣвъ его, предпочтетъ подвергнуться аресту, то нѣтъ никакого законнаго основанія домогаться во что бы ни стало возмѣщенія наложеннаго въ наказаніе денежнаго взысканія. Другими словами, состоятельность, или несостоятельность, въ данномъ случаѣ должна удостовѣряться не изслѣдованіемъ дѣйствительнаго имущественнаго положенія виновнаго, но приведеніемъ въ извѣстность, на основаніи его собственнаго заявленія, того, можетъ ли онъ возмѣстить штрафъ изъ доходовъ своего имущества или личнаго труда. Если осужденный затрудняется немедленнымъ вносомъ штрафа наличными деньгами, но не отказывается отъ его возмѣщенія, жертвуя принадлежащимъ ему имуществомъ, то штрафъ можетъ быть возмѣщенъ продажей этого имущества или имъ самимъ; или, по его требованію, судебнымъ приставомъ. Последній способъ продажи, хотя возможенъ, но по невыгодности его для собственника имущества составлялъ бы болѣе или менѣе рѣдкое явленіе.

Изысканія изъ правила, выраженнаго въ 1224 ст. уст. гражд. суд., могутъ служить развѣ денежные взысканія по нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія (ст. 1211 уст. угол. суд.), обращающія на имущество осужденнаго при неуплатѣ имъ въ срокъ, опредѣленный 1210 ст., причемъ принимаются мѣры, указанныя въ приговорѣ на случай несостоятельности осужденнаго, *только при недостаточности его имущества*. Изъясненіе это объясняется тѣмъ, что денежные взысканія, налагаемыя за нарушеніе казенныхъ уставовъ, имѣя двойственный характеръ, должны быть разсматриваемы не только какъ на-

казаніе, но и какъ вознагражденіе казны за вредъ и убытки, понесенные отъ нарушенія (см. мотивы къ ст. 1126, а также ст. 1159 и 1194 уст. угол. суд., примѣч. къ ст. 152 улож. и къ ст. 16 уст. о наказ.). Поэтому, между прочимъ, и обезпеченіе взысканія штрафа во время предварительнаго слѣдствія можетъ имѣть мѣсто только по нарушенію уставовъ казеннаго управленія (ст. 268 и 1159 уст. угол. суд.).

Законодатель не оцѣль нужнымъ подвести признаки неосостоятельности къ платежу штрафовъ, налагаемыхъ въ наказаніе, подъ тѣ же нормы, какія установлены общимъ порядкомъ исполненія рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ, очевидно потому, что наряду съ денежнымъ штрафомъ поставлено въ дѣйствицѣ наказаній другое, въ сущности болѣе строгое, вспомогательное наказаніе арестомъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы лица, приговоренныя къ штрафу, могли подвергаться какому-либо стѣсненію въ способахъ, или разрѣшѣннѣ уплати штрафа. Коль скоро для покрытія штрафа закономъ допускается отдачу въ заработки (для крестьянъ и мѣщанъ принудительную, а для лицъ другихъ сословій—по ихъ о томъ просьбѣ), не опредѣляя даже продолжительности работъ (ст. 85 улож. и ст. 8, уст. о наказ.)¹⁾, то было бы въ высшей степени непослѣдовательно не допускать въ широкихъ размѣрахъ разрѣшенію уплаты штрафа и при обыкновенномъ способѣ его возмѣщенія. На основаніи ст. 187 уст. угол. суд., относящейся къ порядку исполненія приговоровъ мировыхъ судебныхъ установленій, уплата денежнаго взысканія, въ случаѣ неимѣнія виновнымъ никакихъ наличныхъ средствъ для внесенія присужденной съ него денежной суммы, можетъ быть разрѣшена на опредѣленные сроки, смотря по количеству взысканія и способамъ къ уплатѣ, и только неуплаченное въ срокъ взыскивается по выданнымъ мировымъ судьей исполнительнымъ листамъ (ст. 189). Изъ мотивовъ къ этой статьѣ видно, что она принята въ видахъ облегченія людей небогатыхъ, подлежащихъ такому имѣть своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе числа какъ несостоя-

¹⁾ Постановленіе это не примѣняется въ варш. суд. округѣ за силою закона 13 сентября 1876 г.

тельныхъ къ уплатѣ денежныхъ взысканій, такъ и мѣстъ заключенія. Въ журналѣ государственнаго совѣта 30 септія 1864 года выражено: «Содержаніе подъ арестомъ всѣхъ несостоятельныхъ къ уплатѣ денежныхъ взысканій потребовало бы огромнаго числа помѣщеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ, лишило бы страну части производительныхъ силъ и приучало бы виновныхъ къ пагубному для нихъ тунеядству» (суд. уст. т. 4, стр. 14).

Правила о разсрочкѣ на опредѣленные сроки, по усмотрѣнію мирового судьи, распространяются на всякое безъ исключенія взысканіе, присужденное и со стороны обвиненной по гражданскому дѣлу (ст. 136 и 137 уст. гр. суд.). По нашему мнѣнію, льгота относительно разсрочки штрафа должна примѣняться и общими судебными учрежденіями при наложеніи его не только за нарушеніе уставовъ казеннаго управленія (ст. 1210 уст. угол. суд.),—но и за всѣ другія нарушенія, облагаемыя штрафомъ,—съ тою разницею, что разсрочка штрафовъ, налагаемыхъ общими судебными мѣстами, въ указанныхъ законахъ случаяхъ можетъ быть допущена, безъ особаго каждаго разрѣшенія суда, исполняющимъ приговоръ судебнымъ пристаомъ,—съ донесеніемъ о всякой отсрочкѣ предсѣдателю суда, согласно 940 ст. уст. гр. суд. Въ подтвержденіе этого можно сослаться на 1095, 1192 и 1194 ст. уст. гражд. суд., примѣнимыя при согласіи осужденнаго на продажу его недвижимаго имѣнія для удовлетворенія штрафа. По силѣ первой изъ приведенныхъ статей, осужденному дается на уплату взысканія двухмѣсячный срокъ,—а на основаніи прочихъ статей, если по окончаніи описи и оцѣнки земель, оставшихся въ непосредственномъ владѣніи должника, за надѣломъ крестьянъ на основ. полож. 19 февраля 1861 г., должникъ потребуетъ приостановки публичной продажи, представивъ доказательства, что взыскиваемая съ него сумма можетъ быть покрыта чистымъ двухгодичнымъ доходомъ описаннаго имѣнія, то долгъ разсрочивается пополугодно, съ поручительствомъ или другими мѣрами обезпеченія ¹⁾. Во всѣхъ же случаяхъ, не-

¹⁾ Въ Царствѣ Польскомъ ст. 1192 и 1194 не дѣйствуютъ, какъ замѣченный

предвидѣнныхъ закономъ, — разсрочка штрафа можетъ послѣдовать не иначе, какъ по распоряженію суда, обязаннаго соображаться съ предложенными осужденнымъ способами въ уплатѣ.

Для облегченія исполненія желательно, чтобы при производствѣ дѣла, по которому можетъ угрожать подсудимому наказаніе штрафомъ, приводилось, по возможности въ извѣстность его имущественное положеніе и чтобы, въ случаѣ надобности, о разсрочкѣ штрафа было постановлено въ самомъ приговорѣ. Также было бы полезно, по объявленіи приговора о наложеніи на подсудимаго незначительнаго, по крайней мѣрѣ, штрафа, предлагать наличному подсудимому немедленно внести присужденную сумму, въ обезпеченіе ея уплаты, на случай вступленія приговора въ законную силу; при заявленіи подсудимымъ просьбы о разсрочкѣ штрафа, отбирать отъ него подписку, а при неграмотности заносить заявленіе въ протоколъ, съ точнымъ означеніемъ сроковъ и порядка уплаты штрафа. Такой приѣмъ, какъ не имѣющій принудительнаго характера, не нарушая законныхъ правилъ исполненія приговоровъ, весьма часто устранялъ бы необходимость взысканія штрафовъ по исполнительнымъ листамъ.

3. Арестованіе осужденнаго къ штрафу, при неуказаніи имъ способовъ уплаты онаго, должно производиться судебнымъ приставомъ, коему поручено взысканіе штрафа, — примѣнительно къ порядку личнаго задержанія несостоятельнаго должника. Мнѣніе свое мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ:

а) На буквальной смыслѣ 974 ст. уст. угол. суд., опредѣляющей порядокъ исполненія приставомъ приговоровъ о денежныхъ взысканіяхъ, — замѣтна же штрафа арестомъ на случай несостоятельности осужденнаго, о которой должно быть всегда постановлено судомъ (ст. 123 и 1209 уст. угол. суд.), не измѣняетъ свойства приговора о денежномъ взысканіи. — б) Статья 950, находящаяся въ тѣсной связи съ 948 и 949 статья-

ст. 211 положенія 19 февраля 1875 г. — При обращеніи взысканія на ипотекованное имѣніе, долженъ быть соблюденъ указанный въ этомъ положеніи порядокъ.

ми уст. угол. суд., возлагаетъ на общую полицію отправку осужденныхъ въ мѣста заключенія лишь тогда, когда исполненіе приговора совершается по распоряженію прокурора. Если же отправка осужденнаго въ мѣсто заключенія является послѣдствіемъ приговора, подлежащаго исполненію по 974 ст. въ порядкѣ исполненія судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ, а по ст. 1238—1255 уст. гражд. суд. арестованіе должника возлагается на судебного пристава, — то и арестованіе осужденнаго къ штрафу, въ случаѣ его несостоятельности, должно лежать на обязанности судебного пристава. е) Противное толкованіе повлекло бы необходимость поручать различнымъ властямъ исполненіе приговора объ одномъ и томъ же лицѣ и по одному и тому же предмету, замедленіе исполнительнаго производства сложной перепиской и отягченіе участи осужденнаго лишеніемъ подлежащаго аресту тѣхъ гарантій, которыя ему предоставлены 1246—1250 ст. уст. гражд. суд., — такъ какъ при отправкѣ въ мѣста заключенія полиціей въ обыкновенномъ порядкѣ, послѣдняя не была бы обязана принимать въ соображеніе упомянутыя статьи закона.

Само собою разумѣется, что при арестованіи осужденнаго по имущественной несостоятельности, судебный приставъ долженъ соблюдать только тѣ постановленія закона о личномъ задержаніи должника, которыя не противорѣчатъ ни существу приговора, ни общимъ правиламъ содержанія арестантовъ. Такъ, напр., мы признаемъ необходимымъ составленіе приставомъ, примѣнительно къ 1251 ст. уст. гражд. суд., журнала объ арестѣ, съ означеніемъ въ немъ, а) исполнительнаго листа, на основаніи котораго произведенъ арестъ, — б) подлежащей ко взысканію съ осужденнаго суммы, — в) предназначеннаго судомъ срока ареста и г) количества издержекъ по исполненію приговора. Предъявленіе заведывающему мѣстомъ заключенія лицу исполнительнаго листа, выдача ему копій съ журнала, отобраніе отъ него подписки въ принятіи осужденнаго (ст. 1251—1255 уст. гражд. суд.) точно также обязательны для пристава. Препровожденіе осужденнаго, подвергаемаго аресту въ уѣздъ, или въ городъ, гдѣ нѣтъ соотвѣствующихъ

пцаго мѣста заключенія (ст. 1255), должно производиться на счетъ казны. Личное задержаніе осужденнаго прекращается: а) уплатою сполна всего штрафа, или части оного, соразмѣрной остающемуся сроку заключенія, — б) истеченіемъ срока ареста, — в) поручительствомъ третьяго лица по осужденномъ (ст. 1256 уст. гражд. суд. въ связи съ ст. 23 уст. о наказ. налаг. миров. суд.) и г) примиреніемъ частнаго обвинителя съ осужденнымъ по его жалобѣ. Уплата штрафа и освобожденіе арестованнаго должны производиться въ порядкѣ, указанномъ 1257 и 1258 ст. уст. гражд. суд.

4. Соображая системы исполненія уголовныхъ приговоровъ, принятыхъ иностранными законодательствами, возлагающими его или на общую полицію, или на особую судебную, или призывающими къ участію въ исполненіи приговоровъ и ту, и другую, составители уставовъ отдали предпочтеніе смѣшанной системѣ.

Возможность соглашенія процедуры взысканія штрафовъ по уголовнымъ приговорамъ съ порядкомъ исполненія рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ въ виду примѣнимости къ ней главнѣйшихъ присущихъ ему образцовъ, и болѣе для общаго судебного мѣста удобство такого взысканія чрезъ судебныхъ органовъ, по затруднительности для него дѣйствительнаго контроля надъ полицейскими чинами, побудили, однако, законодателя изъять, насколько возможно, это взысканіе изъ вѣдѣнія чиновъ общей полиціи. На прямой ихъ обязанности, рядомъ со взысканіемъ штрафа, налагаемаго на покупщика продающагося съ публичнаго торга имѣнія за невнесеніе установленнаго задатка, по ст. 1177 и 1178 уст. гражд. суд., оставлено лишь одинаковое съ судебными приставами, волостными и сельскими начальниками участіе въ исполненіи уголовныхъ приговоровъ, также какъ и рѣшеній гражданскихъ, о денежныхъ взысканіяхъ по порученію постановляющихъ таковыя мировыхъ судей, но съ подчиненіемъ при этомъ чиновъ полиціи мировымъ судьямъ (ст. 189 и 53 уст. утол. суд. и ст. 158 уст. гражд. суд.) ¹⁾.

¹⁾ Право дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженіе не предоставлено мировымъ судьямъ варшавскаго суд. округа (ст. 80 полож. 19 февр. 1875 г.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ законодатель, повидимому, принялъ въ соображеніе и необычайную медленность полиціи въ исполненіи упомянутыхъ приговоровъ, при прежнемъ порядкѣ, переписка о которыхъ длилась нерѣдко цѣлыми десятками лѣтъ. Хотя чины общей полиціи и неустрашены безусловно отъ участія въ исполненіи приговоровъ общаго судебного мѣста о денежныхъ штрафахъ, въ виду предоставленнаго председателю суда права поручать имъ исполненіе обязанности судебныхъ приставовъ (ст. 310 укр. суд. уст.), но воставленіе при этомъ полицейскихъ чиновъ въ непосредственное подчиненіе председателю суда, съ предоставленіемъ ему власти подвергать ихъ ответственности отъ замѣчанія до семидневнаго ареста (ст. 329 укр. суд. уст.), достаточно гарантируетъ своевременное и точное исполненіе ими приказовъ председателя суда.

Командированіе чиновъ полиціи къ исполненію обязанностей судебныхъ приставовъ, практикуемое и председателями мировыхъ сѣздовъ (ст. 63 укр. суд. уст.), не представляетъ никакихъ неудобствъ. При ощутительномъ недостаткѣ у насъ судебныхъ приставовъ, едва успѣвающихъ справляться съ порученіями по гражданскимъ дѣламъ, и особенно въ виду циркуляра министра юстиціи отъ 8 іюня 1875 г., послѣдовавшаго по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, и разрѣшившаго отрицательно вопросъ о правѣ судебного пристава получать особое по таксѣ вознагражденіе за отдѣльными служебными дѣйствіями по исполненію уголовныхъ приговоровъ о денежныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ въ наказаніе, мы даже полагаемъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда приговоръ общаго судебного мѣста объ оштрафованіи надлежитъ исполнить не въ мѣстѣ постоянного жительства судебного пристава, было бы полезно, — какъ это нерѣдко и практикуется, — поручать исполненіе мѣстнымъ чинамъ полиціи, для облегченія судебныхъ приставовъ и для сокращенія расходовъ казны на уплату путевыхъ издержекъ приставамъ по командировкамъ.

II.

Остается рассмотреть — какимъ путемъ должны взыскиваться штрафы, налагаемые на понятыхъ, свидѣтелей, экспертовъ и присяжныхъ засѣдателей за неявку къ слѣдствію и суду.

Отсутствіе въ судебныхъ уставахъ положительныхъ по этому предмету указаній вызвало разъясненіе министерства юстиціи (циркуляръ отъ 10 ноября 1871 г. № 21567), — касательно способа взысканія штрафовъ, налагаемыхъ слѣдователями, по 323, 328 и 438 ст. уст. угол. суд., на понятыхъ, свѣдущихъ людей и свидѣтелей. Министерство юстиціи признало наиболѣе удобнымъ, чтобы, въ виду 200 ст. уст. угол. суд., исполненіе означенныхъ постановленій слѣдователей было возлагаемо на городскую, уѣздную или сельскую полицію, смотря по мѣсту жительства подвергаемаго взысканію и удобству въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Мотивами такого разъясненія послужили: а) замедленіе въ исполненіи постановленія слѣдователя въ томъ случаѣ, если бы ему надлежало входить въ переписку съ предсѣдателемъ суда о назначеніи судебного пристава и б) излишніе расходы на разѣзды судебного пристава.

Такъ какъ штрафы, налагаемые судомъ на понятыхъ, свидѣтелей, экспертовъ и присяжныхъ засѣдателей, обуславливаются тѣми же причинами и имѣютъ то же значеніе, какъ и штрафы, налагаемые слѣдователями, поступая всегда на устройство мѣстъ заключенія (примѣч. къ 199 и 999 ст. уст. угол. суд. и къ 91, 124, 383 и 527 ст. уст. гражд. суд.), — то было бы желательно введеніе однообразнаго и притомъ наименѣе обременительнаго для судебной власти порядка взысканія подобныхъ штрафовъ. Рѣдка сессія окружнаго суда проходитъ безъ того, чтобы нѣсколько присяжныхъ засѣдателей и множество свидѣтелей не подверглись штрафу за неявку. Општрафованіе лицъ, вызываемыхъ мировыми учрежденіями и слѣдователями, представляется явленіемъ также весьма обыденнымъ. По неудобству отвлеченія судебныхъ приставовъ взысканіемъ мелочныхъ штра-

фовъ, въ виду того, что расходы на поѣздки судебныхъ приставовъ, въ большинствѣ случаевъ, значительно превышали бы размѣры самыхъ сборовъ, обязанность эта почти всегда возлагается на полицію, переписка съ которою, по поводу какого-нибудь ничтожнаго штрафа, затягивается, по большей части, на весьма продолжительное время и кончается обыкновенно тѣмъ, что општрафованный оказывается, по дознанію, несостоятельнымъ.

Изыскивая средства къ устраненію возникающихъ изъ сего неудобствъ, мы находимъ значительную аналогію между условіями взысканія штрафовъ за неявку къ слѣдствію и суду и взысканія судебныхъ издержекъ по дѣламъ уголовнымъ, несмотря на то: во-1-хъ, что опредѣленіе о порядкѣ возмѣщенія судебныхъ издержекъ должно входить въ составъ судебного приговора (5 п. 130, 3 п. 776 и 993 ст. уст. угол. суд.), тогда какъ распоряженіе объ општрафованіи за неявку не имѣетъ ничего общаго съ судебнымъ приговоромъ, — во-2-хъ, что въ случаѣ смерти виновнаго по вступленіи приговора въ законную силу, взысканіе судебныхъ издержекъ обращается на оставшееся послѣ него имущество (ст. 998 уст. угол. суд.), тогда какъ имущество општрафованнаго можетъ идти на покрытіе взысканія лишь при его жизни, и въ-3-хъ, что взыскиваемые съ виновнаго судебныя издержки обращаются всегда въ государственный фондъ, на покрытіе расходовъ по производству дѣла, тогда какъ штрафы за неявку къ слѣдствію и суду обращаются или въ доходъ казны, или въ земскій капиталъ, смотря по тому, какимъ судебнымъ учрежденіемъ сдѣлано постановленіе — общимъ или мировымъ, и специально предназначены на устройство и улучшеніе мѣстъ заключенія.

По вопросу о томъ, на чьей обязанности лежитъ исполненіе приговоровъ по взысканію судебныхъ издержекъ, министерство юстиціи входило въ сношеніе съ министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ. Разрѣшеніе вопроса послѣдовало въ томъ смыслѣ, что означенная обязанность должна лежать непосредственно на казенныхъ палатахъ, такъ какъ а) прямое ихъ назначеніе состоитъ во взысканіи слѣдующихъ

въ казну сборовъ и въ принятіи подлежащихъ къ тому мѣръ и б) судебная власть лишена возможности соблюсти предписанный уставомъ счетнымъ порядокъ сложенія со счетовъ назначенныхъ недоимокъ. «Для правильного примѣненія 999 ст. уст. угол. суд., суду предстояло бы окончательно убѣдиться въ несостоятельности осужденнаго къ платежу судебныкъ издержекъ, а именно выполнить въ точности порядокъ указанный въ 398 ст. уст. счетн. и требующій соблюденія такихъ формальностей, которыя къ кругу непосредственныхъ судебныкъ дѣйствій относиться не могутъ» (циркуляръ министра юстиціи отъ 23 апрѣля 1871 г., № 7624).

Одинаково трудная и несомѣстная съ призваніемъ суда задача предстояла бы ему при выводѣ заключенія о несостоятельности лица, подвергнутаго штрафу за неявку къ суду. То же соображеніе примѣнимо и къ штрафамъ, налагаемымъ слѣдователями. Да и законъ, предписывая обращать этого рода взысканія на усиленіе средствъ для устройства мѣстъ заключенія, не вмѣняетъ слѣдователю и суду въ обязанность заботиться о принятіи мѣръ къ приведенію въ дѣйствительное исполненіе постановленій объ означенныхъ взысканіяхъ. Обязанность эта, по нашему мнѣнію, всецѣло принадлежитъ, въ имперіи, учрежденіямъ земскимъ и административнымъ, а въ варшавскомъ судебномъ округѣ, гдѣ первыхъ не существуетъ, однимъ учрежденіямъ административнымъ, именно казеннымъ палатамъ, которымъ слѣдователи и суды должны лишь сообщать по принадлежности подлежащія свои постановленія.

Изъятіе наблюденія за поступленіемъ штрафовъ, налагаемыхъ за неявку къ слѣдствію и суду, изъ вѣдѣнія судебной власти встрѣтило бы, по нашему мнѣнію, препятствіе единственно въ томъ случаѣ, если бы они подлежали замѣнѣ арестомъ по несостоятельности оштрафованныхъ, какъ полагаютъ гг. Неклюдовъ (руков. для мир. суд., т. 1, стр. 118), Чебышевъ-Дмитріевъ (русск. угол. судопр. по устав. 20-го ноября 1864 г., стр. 347), Макалинскій (руков. для суд. слѣдов., стр. 334) и многіе другіе (см. сводъ замѣч. на суд. устан., изд. мин. юст. за 1869—1870 г., стр. 83).

Съ такимъ взглядомъ, отождествляющимъ взысканіе за неявку къ слѣдствію и суду съ наказаніемъ, нельзя согласиться. Нарушеніе закона, выражающееся въ неявѣ по требованію слѣдователя или суда, будучи выдѣлено изъ ряда проступковъ, предусмотрѣнныхъ въ 29 ст. уст. о наказ., чего не отвергаетъ и г. Неклюдовъ (руков., т. 2, стр. 90), и обложено особымъ взысканіемъ по судебнымъ уставамъ, въ противоположность такому, между прочимъ, нарушенію, какъ уклоненіе отъ обязанности общѣнщика движимаго имущества, которое прямо подводится статьею 1005 уст. гражд. суд. подъ силу приведенной статьи устава о наказаніяхъ, ни въ какомъ случаѣ, по отношенію къ ответственности виновнаго, не можетъ приравниваться къ означеннымъ проступкамъ посредствомъ аналогіи, усматриваемой нѣкоторыми юристами, тѣмъ болѣе, что и размѣръ взысканія, положеннаго этою статьею, далеко не совпадаетъ съ размѣромъ взысканія, положеннаго за неявку къ слѣдствію и суду (ст. 69, 114, 323, 328, 438, 643 и 651 уст. угол. суд.). Последнее взысканіе налагается не въ силу уголовного закона и не въ порядкѣ производства дѣлъ уголовныхъ, исключая неявки присяжнаго засѣдателя въ третій разъ, за что онъ предается суду и подвергается наказанію по судебному приговору (ст. 652 уст. угол. суд.), а въ силу особой власти, предоставленной слѣдователямъ и суду, какъ уголовному, такъ во многихъ случаяхъ и гражданскому (ст. 91, 383, 528, 638, 639 и др. уст. гражд. суд.), притомъ, по частнымъ *постановленіямъ, опредѣленіямъ и рѣшеніямъ*, которыя могутъ отнѣняться не только по жалобѣ оптрафованныхъ, но и самими наложившими взысканіе слѣдователями и судами (ст. 70, 324, 440, 492, 644, 653 и 894 уст. угол. суд., ст. 92 и 384 уст. гражд. суд.). Между тѣмъ, замѣна денежнаго штрафа арестомъ по ст. 84 улож. и ст. 7 уст. о наказ. установлена только за проступки, караемые уголовнымъ закономъ по надлежащему судебному приговору (ст. 1 и 14 уст. угол. суд., см. также мотивы къ ст. 323). Съ другой стороны, при неявѣ вызываемаго, когда въ виду слѣдователя или суда нѣтъ обстоятельствъ, удостовѣ-

ряющихъ ея законность, они были бы поставлены въ тяжелую необходимость, до општрафованія, собирать каждый разъ подробныя свѣдѣнія о ея причинахъ, къ чему законъ вовсе не обязываетъ, а по полученіи свѣдѣній, неблагоприятныхъ для вызываемаго, опредѣлять, вмѣстѣ съ наложеніемъ на него штрафа, замѣну такового арестомъ на случай несостоятельности. Не говоря уже о томъ, что производить такую замѣну вообще слѣдователю, также какъ казеннымъ и административнымъ управленіямъ при непосредственномъ наложеніи ими денежныхъ взысканій, не дано права, принадлежащаго суду, но не отдѣльнымъ его членамъ, къ каковымъ законъ причисляетъ слѣдователя (ст. 79, 146, 212, 213, 270 и 272 учр. суд. уст.), нельзя не признать, что безъ производства подробнаго изслѣдованія причинъ неявки вызываемаго, чрезвычайно легко, при обсужденіи его отвѣтственности, впасть въ ошибку, которая была бы неисправима, еслибы несостоятельный подвергался аресту, — тогда какъ штрафъ, самъ по себѣ, можетъ быть, даже въ случаѣ его уплаты, всегда возвращенъ лицу, понесшему взысканіе, по представленіи имъ оправдывающаго неявку удостовѣренія.

Допустивъ принципъ, поддерживаемый гг. Неклюдовымъ, Чебышевымъ-Дмитріевымъ и Макалинскимъ, пришлось бы увеличить въ громадной пропорціи число арестантскихъ помѣщеній и отвергнуть неоспоримую истину, что лишеніе свободы всѣхъ несостоятельныхъ подрывало бы производительныя силы страны и служило бы разсадникомъ тунеядства; вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы лицъ, пользующихся почетомъ и уваженіемъ въ обществѣ и призванныхъ къ исполненію обязанности свидѣля, присяжнаго засѣдателя и т. под., въ случаѣ неисправности, ставить на одну доску съ преступниками въ строгомъ смыслѣ слова.

Резюмируемъ все нами сказанное:

1. Распоряженія объ исполненіи приговоровъ общихъ судебныхъ мѣстъ о денежныхъ штрафахъ лежатъ на обязанности предсѣдателя суда.
2. Взысканіе наложеннаго въ наказаніе штрафа можетъ

падать какъ на движимое, такъ и на недвижимое имущество осужденнаго.

3. Несостоятельность къ уплатѣ наложеннаго въ наказаніе штрафа по дѣламъ, не относящимся къ нарушенію уставовъ казеннаго управленія, опредѣляется не отсутствіемъ у осужденнаго соотвѣтственнаго имущества, но отказомъ его отъ указанія способовъ къ возмѣщенію штрафа.

4. При заключеніи подъ арестъ осужденнаго къ штрафу, примѣняется порядокъ личнаго задержанія несостоятельныхъ должниковъ, насколько этотъ порядокъ не противорѣчитъ существу приговора и общимъ правиламъ содержанія арестантовъ.

5. Чины общей полиціи могутъ участвовать въ исполненіи приговоровъ общихъ судебныхъ мѣстъ о денежныхъ штрафахъ не иначе, какъ въ качествѣ судебныхъ приставовъ.

6. Штрафы, налагаемые за неявку къ слѣдствію и суду, на понятыхъ, свидѣтелей, экспертовъ и присяжныхъ засѣдателей, исключая случая неявки послѣднихъ въ третій разъ, должны взыскиваться: въ имперіи чрезъ земскія и административныя учрежденія, а въ Царствѣ Польскомъ чрезъ одни учрежденія административныя (казенныя палаты), по сообщенію слѣдователей и судовъ.

7. Штрафы, налагаемые за неявку къ слѣдствію и суду, не подлежатъ замѣнѣ арестомъ по несостоятельности подвергнутаго взысканію, исключая штрафа, налагаемаго за неявку въ третій разъ присяжнаго засѣдателя.

Въ примѣненіи къ условіямъ, существующимъ въ варшавскомъ судебномъ округѣ, послѣднія два положенія видоизмѣняются такъ:

6. Штрафы, налагаемые за неявку къ слѣдствію и суду, должны взыскиваться чрезъ казенныя палаты по сообщенію слѣдователей и судовъ.

7. Упомянутые штрафы не подлежатъ замѣнѣ арестомъ по несостоятельности.

А. Лонгиновъ.

**ЗАСѢДАНІЕ ГРАЖДАНСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.**

23, апрѣля 1877 года.

Засѣданіе открыто (въ 7½ часовъ вечера) рѣчью предсѣдателя отдѣленія, сенатора *М. В. Полянова*, въ которой онъ выразилъ увѣренность, что общество принесетъ несомнѣнную пользу дѣлу разработки теоретическихъ и практическихъ вопросовъ права и распространенія юридическихъ свѣдѣній; вмѣстѣ съ тѣмъ оно будетъ способствовать развитію гражданской жизни всего русскаго общества, призваннаго къ новой жизни великими реформами, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе. „Эту увѣренность“ — сказалъ предсѣдатель — „я основываю на томъ, что въ нашемъ обществѣ соединились двѣ такія силы, которыя, при взаимной поддержкѣ, несомнѣнно приведутъ къ успѣху и послужатъ въ достиженію цѣли, для которой учреждено юридическое общество. Наша задача не легка, и по свойству, и по существу; но для выполненія ея нельзя было избрать лучшаго пути, какъ соединить теорію съ практикой, науку съ опытомъ жизни, университетъ съ судомъ. Для достиженія цѣли общества необходимо, чтобы мы принимали самое живое и дѣятельное участіе въ дѣлахъ его. Равнодушіе и бездѣятельность могутъ погубить въ корнѣ самое благое начинаніе, а потому я надѣюсь, что мы будемъ работать энергично и дружно, будемъ помогать общему дѣлу, по мѣрѣ возможности, нашими трудами и нашими занятіями.“

Затѣмъ, собраніе приступило къ рассмотрѣнію проекта правилъ дѣлопроизводства въ обществѣ, составленнаго редакціонными ко-

митетамъ обоимъ отдѣлений. Каждый § правилъ обсуждался собраниемъ отдѣльно, причемъ пренія возбуждены были лишь по поводу § 6-го о баллотировкѣ вопросовъ, вносимыхъ на обсужденіе общества. Возражалъ противъ баллотировки дѣйствительный членъ общества И. Я. Фойнидкій. Отставвали необходимость ея: Н. А. Неклюдовъ и В. Д. Опасовичъ. Большинство присутствовавшихъ членовъ высказалось за баллотировку. По обсужденіи же всѣхъ §§, отдѣленіе постановило: представить разсмотрѣнный проектъ правилъ на утвержденіе общаго собранія общества.

Въ томъ же засѣданіи, юридическое общество имѣло сужденіе по вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ общества А. К. Рихтеромъ:

„Объ уменьшеніи наемной платы при случайномъ уничтоженіи части находящагося въ наймѣ имущества“.

А. К. Рихтеръ. Къ числу институтовъ, наименѣе разработанныхъ нашимъ законодательствомъ, относится безъ сомнѣнія договоръ имущественнаго найма; та часть этого института, которая возбуждаетъ въ практикѣ наибольшее число вопросовъ — права и обязанности сторонъ изъ этого договора вытекающія, почти совсѣмъ не затронута закономъ. Одинъ изъ отдѣловъ этой части договора найма: уменьшеніе наемной платы — послужить предметомъ настоящаго реферата. Уменьшеніе наемной платы имѣетъ мѣсто: 1) при полной сдачѣ панимателю условленнаго договоромъ найма имущества; 2) при появленіи обстоятельствъ, дѣлающихъ пользованіе имуществомъ для панимателя временно невозможнымъ; 3) при уtratѣ состоящую въ наймѣ вещь того назначенія, ради котораго она найдта; 4) при случайномъ уничтоженіи части отданнаго въ наймъ имущества и т. п. Въ настоящемъ рефератѣ разсматривается не все ученіе объ уменьшеніи наемной платы, а только часть его, именно послѣдній изъ приведенныхъ случаевъ. Это дѣлается съ одной стороны потому, что для разрѣшенія даннаго случая имѣется больше матеріаловъ въ русскомъ правѣ, а съ другой — потому, что если будетъ допущено уменьшеніе наемной платы при случайномъ уничтоженіи части отданнаго въ наймъ имущества, то весьма легко будетъ это же начало примѣнить и ко всѣмъ другимъ аналогическимъ случаямъ.

Основаніемъ для установленія *remissio mercedis* служатъ экономическія, хозяйственныя отношенія сторонъ въ договорѣ найма. Уничтоженіе всякаго вообще договора раньше срока, на который

онъ заключенъ, почти всегда ставитъ, ту или другую сторону въ невыгодное и убыточное положеніе. Это соображеніе относится къ договору найма можетъ быть въ болѣе степенн, чѣмъ къ какому-либо другому договору. Наниматель земли наприимѣръ, почти всегда затрачиваетъ капиталъ на улучшеніе почвы и зданій съ цѣлю вернуть издержки и получить барыши въ послѣдующіе годы; точно также имъ предпринимается цѣлый рядъ расходовъ по найму рабочихъ, а равно по приготовленію, обмѣненію полей,—результаты же всѣхъ этихъ расходовъ получаютъ чрезъ значительный промежутокъ времени. Точно также и въ наймѣ квартиръ: наниматель располагаетъ нанятое помѣщеніе сообразно своимъ личнымъ потребностямъ, приурочиваетъ свои житейскія отношенія къ мѣсту своего жительства (напр. воспитаніе дѣтей), освобождается отъ присканія квартиры въ такое время, когда ее, можетъ быть, весьма трудно найти и т. п.

Имѣя въ виду эту сторону договора найма, какъ разрѣшить отношенія сторонъ при случайномъ уничтоженіи части состоящаго въ наймѣ имущества? Заставить нанимателя платить наемную плату сполна, не смотря на уменьшеніе предмета найма, было бы очевидно не справедливо; но уничтожить договоръ совершенно—значитъ точно также поставить нанимателя, въ весьма невыгодное отношеніе. Выходъ изъ этой дилеммы и средство, ограждающее вполне законные интересы нанимателя, заключаются въ признаніи за нанимателемъ, права требовать уменьшенія наемной платы, не уничтожая самаго договора. Это право въ западно-европейскихъ государствахъ признается за нанимателемъ постоянно. Такъ, законодательство французское (ст. 1722 с. N.), итальянское (ст. 1578 гр. ул.), прусское (ст. 299, 301 и 307), саксонское (ст. 1198), австрійское (ст. 1105), баварское, голландское и кантона Берна, прямо признаютъ это право за нанимателемъ. Наконецъ, къ указаннымъ законодательствамъ слѣдуетъ еще прибавить право римское, которое также допускало уменьшеніе наемной платы при случайномъ уничтоженіи части состоящаго въ наймѣ имущества.

Такое единогласное рѣшеніе вопроса цѣлою серією весьма разнообразныхъ по времени и національностямъ кодексовъ показываетъ, что установленіе пониженія наемной платы не есть результатъ какой-либо единичной воли законодателя или національной особенноти того или другаго народа; напротивъ того, эта общность

взглядовъ доказываетъ, что пониженіе наемной платы вызывается настоятельными потребностями жизни и вытекаетъ изъ самаго существа договора найма.

Сдѣланный изъ западно-европейскихъ законодательствъ выводъ, разумѣется, не можетъ предрѣшать вопроса по русскому праву, которое, конечно, могло по этому вопросу пойти въ разрѣзъ съ другими законодательствами. Но тѣмъ не менѣе онъ можетъ и долженъ имѣть большое значеніе въ смыслѣ руководящей нити при изслѣдованіи отечественнаго права; если это послѣднее прямо не отвергаетъ того, что признается всѣми западно-европейскими законодательствами и не устанавливаетъ такихъ началъ, которыя исключали бы возможность даннаго вывода, а напротивъ того, даетъ такіа указанія, которыя болѣе или менѣе уполномочиваютъ на сдѣланіе вывода, — то его смѣло можно дѣлать съ полнымъ убѣжденіемъ, что опыты другихъ народовъ доказываютъ его разумность и цѣлесообразность.

Приступая къ изслѣдованію русскаго права и имѣя въ виду отсутствіе въ немъ прямыхъ статей закона, которыя разрѣшали бы данный вопросъ, слѣдуетъ рассмотреть тотъ матеріалъ, которымъ можно располагать, а именно: постановленія закона, аналогическія съ рассматриваемымъ случаемъ, и данныя судебной практики.

Какъ замѣчено выше, прямыхъ указаній для разрѣшенія рассматриваемаго вопроса въ сводѣ 1 ч. X т. зак. гр. нѣтъ; но, просматривая другія части свода законовъ находимъ, слѣдующія указанія:

1) Т. IX. Въ постановленіяхъ объ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ, въ прилож. къ ст. 126, въ правилахъ объ отводѣ лѣсныхъ участковъ во временное пользованіе крестьянъ за особую плату въ § 12 говорится: въ лѣсахъ, передаваемыхъ въ пользованіе крестьянъ, удѣльное управленіе сохраняетъ за собою право пользованія торфомъ... и другими ископаемыми, и въ случаѣ открытія оныхъ можетъ принимать ихъ въ свое распоряженіе, съ надлежащимъ расчетомъ въ платѣ за лѣсное пространство, которое будетъ отведено для добыванія ископаемыхъ предметовъ.

2) Т. II, ч. 2. Въ наказѣ палатамъ государственныхъ вѣществъ губерній прибалтійскихъ, въ ст. 2179, говорится: если пожаръ произошелъ безъ вины въ томъ мѣстномъ управленіи, то на постройку ему сгорѣвшаго зданія отпускается безденежно строевой лѣсъ и другіе матеріалы... и, сверхъ того, въ случаѣ значи-

тельныхъ невинно-понесенныхъ убытковъ временному владѣльцу не возбраняется ходатайствовать о пособіи *разсрочкою арендной платы*.

3) Т. IX. Въ полож. о крест., вышед. изъ крѣп. зависимости, въ прилож. къ ст. 8 (по прод. 1863 г.) въ пп. 3, 4 и 5 опредѣляется, что при отчужденіи похъ строящихся желѣз. дор. земель, состоящихъ въ пользованіи временно-обязанныхъ крестьянъ, платимыя этими послѣдними оброки въ пользу помѣщика уменьшается сообразно цѣнности и доходности отошедшихъ отъ крестьянъ земель.

Общій смыслъ приведенныхъ узаконеній тотъ, что, при уничтоженіи части состоящаго въ пользованіи предмета, возникшія договорныя отношенія не уничтожаются, но тѣмъ не менѣе права и обязанности сторонъ уравниваются предоставленіемъ пользователю тѣхъ или другихъ льготъ. Что касается до судебной практики, то она, сколько можно судить по напечатаннымъ рѣшеніямъ, стремится установить право нанимателя на уменьшеніе наемной платы. Рѣшеніе гр. кас. деп. по дѣлу Завѣлейской съ Некороневыхъ (1867 г. № 1191) не можетъ быть изъясняемо въ смыслѣ, несогласномъ съ сдѣланнымъ выводомъ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ имѣлось въ виду столь существенное измѣненіе предмета найма, что договоръ несомнѣнно долженъ былъ превратиться, такъ какъ цѣль, ради которой онъ былъ заключенъ, сдѣлалась неосуществимою. Что сенатъ не отвергаетъ возможности уменьшенія вообще наемной платы, видно, между прочимъ, изъ рѣшенія его по дѣлу вв. Долгорукой съ Мазуровскою 1871 года № 325. Единственное (изъ извѣстныхъ референту) рѣшеніе, безусловно отвергающее право нанимателя на уменьшеніе наемной платы, послѣдовало со стороны одесской суд. пал., по дѣлу той же Завѣлейской („Суд. Вѣст.“ 1876 г. № 210), домогательства которой, какъ выше сказано, разрѣшались не примѣненіемъ разсматриваемаго правила объ уменьшеніи наемной платы, какъ ошибочно предположила палата, но другими соображеніями, основанными на томъ, что въ данномъ дѣлѣ была уничтожена случаемъ существенная часть нанятаго имущества, вслѣдствіе чего цѣль договора сдѣлалась неосуществимою. Изъ числа рѣшеній, допускающихъ уменьшеніе наемной платы, референтомъ приведены: 1) рѣшеніе харьковской суд. пал. по дѣлу Завѣлейской; 2) практика полтавскаго окружнаго суда („Суд. Вѣст.“ 1871 г. № 210), и 3) практика с.-петербургской

судебной палаты. Отношенія сторонъ при случайномъ уничтоженіи части состоящаго въ наймѣ имущества прежде всего опредѣляются самими сторонами и ихъ взаимнымъ согласіемъ, выраженнымъ въ договорѣ. Но коль скоро договоръ умалчиваетъ объ этомъ случаѣ, то пробѣлъ долженъ быть восполненъ истолкованіемъ договора по намѣренію и доброй совѣсти сторонъ. Если при этомъ окажется, что уничтожилась столь существенная часть состоящаго въ наймѣ предмета, что стороны не заключили бы договора, если бы уничтожившаяся часть не существовала при его заключеніи, то въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи объ уменьшеніи наемной платы и договоръ долженъ быть уничтоженъ, если не послѣдуетъ новаго соглашенія между сторонами объ ихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ. Но если уничтожившаяся часть найма не существенна, то на основаніи смысла договора, представленныхъ сторонами доказательствъ и наконецъ, въ случаѣ надобности, при посредствѣ экспертовъ надлежитъ опредѣлить, какая сумма изъ общей наемной платы должна быть отнесена на уничтожившуюся часть состоящаго въ наймѣ имущества.

По опредѣленіи этой цифры, для полнаго разрѣшенія разсматриваемаго вопроса, слѣдуетъ опредѣлить: 1) обязанъ ли наниматель платить сумму, упдающую на уничтожившуюся часть предмета найма, и 2) если не обязанъ, то остается ли договоръ въ своей силѣ.

При разрѣшеніи перваго вопроса необходимо имѣть въ виду, что имущественный наемъ есть договоръ двухсторонній, въ которомъ права одной стороны обусловливаются обязанностями другой, и наоборотъ. Обязанность нанимателя платить наемную плату вытекаетъ и обусловливается обязанностію наймодавца предоставить нанимателю пользованіе предметомъ, вслѣдствіе чего, коль скоро такое пользованіе безъ вины нанимателя становится почему либо невозможнымъ, самая обязанность платить наемную плату отпадаетъ. Это положеніе принадлежитъ къ числу существеннѣйшихъ и основныхъ въ договорѣ найма и вытекаетъ изъ самаго существа этого договора, какъ обязательства двухсторонняго.

Примѣняя же это положеніе къ разсматриваемому вопросу и имѣя въ виду, что за случайнымъ уничтоженіемъ части отданнаго въ наймы предмета, пользованіе нанимателя этою частью прекращается—слѣдуетъ признать, что засимъ наниматель не обязанъ

уже платить ту сумму, которая изъ общей суммы наемной платы упадетъ на уничтожившуюся часть.

Что же касается до второго вопроса о томъ, остается ли договоръ въ своей силѣ, то къ разрѣшенію его имѣются слѣдующія данныя: 1) въ законахъ нигдѣ не выражено правила, чтобы договоръ подлежалъ уничтоженію, если какая-либо несущественная часть его предмета перестанетъ существовать; для установленія такого правила ни наука права, ни судебная практика не даютъ никакихъ основаній; 2) напротивъ того, наше законодательство, какъ было выше сказано, устанавливаетъ въ случаяхъ весьма близкихъ съ рассматриваемыми прямо противоположное начало, предписывая оставлять договоры относительно платы за пользованіе въ своей силѣ съ предоставленіемъ льготъ пользователям; 3) наконецъ, независимо отъ сего, договоръ долженъ оставаться въ силѣ и на основаніи того положенія, которое постоянно примѣняется въ договорномъ правѣ, а именно: согласившійся на большее считается согласившимся и на заключающееся въ большемъ меньшее, если разница между большимъ и меньшимъ не существенна. Не приводя примѣровъ изъ другихъ договоровъ, достаточно будетъ указать на ст. 1706 т. X ч. 1, по силѣ которой и согласно вышеизложенному правилу, договоръ найма, заключенный на большее число лѣтъ, чѣмъ закономъ дозволено, остается въ своей силѣ на дозволенный закономъ срокъ. Въ силу этихъ же соображеній долженъ остаться въ своей силѣ и договоръ найма при уничтоженіи части нанятаго имущества.

Признавая по всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ, что договоръ найма уничтоженію не подлежитъ и резюмируя приведенные доводы референтъ пришолъ къ заключенію, что при случайномъ уничтоженіи не существенной части состоящаго въ наймѣ имущества наниматель долженъ быть освобожденъ отъ платежа наймодавцу соотвѣтственной части наемной платы впредь до истеченія срока договора.

С. Ф. Платоновъ заявилъ прежде всего, что не будетъ входить въ соображеніе о томъ, какъ слѣдовало бы разрѣшить обсуждаемый обществомъ вопросъ въ законодательномъ порядкѣ, что онъ согласенъ даже присоединиться къ предложенію референта, какъ благому пожеланію русскаго юриста, и что, поэтому, оставлять въ сторонѣ и безъ возраженій всѣ доводы г. Рихтера, основанные на соображеніи естественной справедливости и экономиче-

скихъ потребностяхъ хозяина и наемщика имущества, а останавливается исключительно на доводахъ чисто-юридическихъ съ цѣлью выясненія, какъ быть съ этимъ вопросомъ нашей судебной практикѣ при дѣйствующихъ законахъ.

Въ этомъ отношеніи доводы г. Рихтера сводятся, по мнѣнію оппонента, къ слѣдующему: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только законодательство наше сталкивалось съ занимающимъ общество вопросомъ, оно рѣшало его такъ же, или почти такъ же, какъ давно рѣшили законодательства: французское, итальянское, саксонское и др. Нѣтъ, слѣдовательно, повода думать, что оно не рѣшило бы его точно также и для всѣхъ вообще однородныхъ случаевъ, если бы пожелало установить одно общее правило вмѣстѣ отдѣльныхъ казуистическихъ постановленій. Въ доказательство же того, что законодательство наше именно такъ рѣшало этотъ вопросъ во всѣхъ случаяхъ, когда на него наталкивалось, референтъ ссылается на постановленіе объ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ, наказъ палатамъ государственныхъ имуществъ прибалтійскихъ губерній и особое положеніе объ отчужденіи подѣльныхъ земель, отошедшихъ въ пользованіе временно-обязанныхъ крестьянъ. Итакъ, *ubi eadem legis ratio, ibi eadem legis dispositio*—вотъ, повидимому, то правило, въ силу котораго всѣ должны присоединиться къ окончательному выводу референта. Но это правило—утверждаетъ оппонентъ—въ настоящемъ случаѣ не на своемъ мѣстѣ. Примѣненіе закона по аналогіи—можетъ имѣть мѣсто, какъ всѣмъ извѣстно, при наличности слѣдующихъ условий: а) нужно доказать, что по данному вопросу въ законодательствѣ дѣйствительно есть *проблъ*; б) нужно доказать, что подлежащій обсужденію случай дѣйствительно имѣетъ *сходство* съ случаемъ, который предусмотрѣнъ закономъ, и наконецъ в) необходимо доказать, что есть *общее юридическое основаніе* (*ratio juris*), въ силу котораго случай, предусмотрѣнный закономъ, и случай обсуждаемый должны получить одинаковое рѣшеніе. Но въ данномъ случаѣ ни одного изъ этихъ условий для примѣненія закона по аналогіи нѣтъ; ибо: а) между наймомъ имущества и тѣми юридическими отношеніями, о которыхъ упоминается въ названныхъ референтомъ специальныхъ уставахъ—никакого юридическаго сходства не существуетъ. Владѣніе крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, надѣленной имъ землею не имѣетъ ничего общаго съ договоромъ найма имущества. Даже въ худшемъ слу-

чаѣ, т.-е. когда крестьяне остаются на издѣльной повинности, право ихъ на землю — право все-таки вѣчное и потомственное, право, притомъ, несомнѣнно вещное. Между тѣмъ, договоръ найма устанавливаетъ между хозяиномъ имущества и наемщикомъ только временныя, срочныя отношенія, и при томъ отношенія, какъ утверждаетъ большинство цивилистовъ, обязательственныя, а не вещныя. Какое же основаніе къ столь различнымъ по своему характеру юридическимъ отношеніямъ примѣнять дѣйствіе закона, который специально установленъ только для одного изъ нихъ? Также самое слѣдуетъ замѣтить и о примѣненіи къ занимающему общество вопросу законовъ, содержащихся въ другихъ специальныхъ уставахъ, названныхъ референтомъ.

б) „Для примѣненія закона по аналогіи“ — говорятъ цивилисты—„необходимо тождество юридическаго основанія для случаевъ, предусмотрѣнныхъ и непредусмотрѣнныхъ закономъ“¹⁾. Какое же общее юридическое основаніе, какую *ratio juris* мы имѣемъ для случая, подлежащаго нашему обсужденію, и случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ указанныхъ референтомъ законахъ? Въ содержаніи доклада, изложенномъ въ повѣстѣхъ, указано было даже на два такихъ основанія: „согласившійся на большее считается согласившимся и на меньшее“ („qui habet plus, habet minus“—сказалъ референтъ при подробномъ развитіи своихъ тезисовъ). Это—первое; а второе: наемщикъ обязанъ уплачивать наемную плату сообразно дѣйствительному пользованію нанятымъ имуществомъ. Но оба эти „основанія“ не вѣрны. Юридическая наука по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не указывала ни на одно изъ нихъ, какъ на общепринятое; а въ отношеніи послѣдняго постоянно провозглашала даже правило какъ разъ противоположное. „Размѣръ наемной платы“—говорятъ въ одинъ голосъ цивилисты—„вполнѣ зависитъ отъ соглашенія контрагентовъ и сообразенъ ли онъ стоимости имущества или нѣтъ—это все равно“. Такъ же рѣшаютъ этотъ вопросъ и всѣ дѣйствующія законодательства, за исключе-

¹⁾ Здѣсь оппонентъ пояснилъ примѣренъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ *ratio juris*, или юридическаго основанія: „Я утверждаю, напр.“—сказалъ г. Платоновъ—„что духовное завѣщаніе, составленное въ сильной степени омыленія, недействительно, завѣщаніе малолѣтняго, сумасшедшаго и т. п. Общимъ юридическимъ основаніемъ для всѣхъ этихъ случаевъ будетъ правило, въ силу котораго всякій актъ, составленный въ отсутствіи сознательной воли совершившаго этотъ актъ, недействителен“.

ніемъ развѣ мѣстныхъ законовъ острейскаго края, въ которыхъ постановлено, что назначеніе наемной платы *только для виду* не допускается.

Наконецъ в) оппонентъ утверждаетъ, что въ отношеніи занимающаго общество³ вопроса въ наше законодательствѣ *вовсе нетъ и пробѣла въ смыслѣ случайнаго пропуска*, что законодательство наше не установило правила, о которомъ идетъ рѣчь, *вовсе не случайно*. Въ доказательство этого положенія г. Платоновъ привелъ слѣдующія соображенія:

Извѣстно, что еще со временъ Модестина въ юридической наукѣ установилось дѣленіе законовъ, между прочимъ, на принудительные (*leges cogentes*) и дозволительные (*l. permissivae*). Многие изъ юристовъ новѣйшаго времени отвергаютъ практическое значеніе какъ этого дѣленія, такъ и самыхъ законовъ дозволительныхъ. Все, что не воспрещено—говорятъ они—нужно считать дозволеннымъ; а слѣд., такъ-называемые дозволительные законы, въ родѣ: „каждый воленъ вступать въ брачный союзъ, не испрашивая ни разрѣшенія начальника, ни увольненія отъ общества“—только лишнее обремененіе кодексовъ. Но тѣже юристы признаютъ—да иначе это и быть не можетъ—что когда дѣло касается сферы правъ юридическихъ лицъ, учреждений, органовъ власти, то должно дѣйствовать правило противоположное. Здѣсь, напротивъ, все считается воспрещеннымъ, что прямо не дозволено. Примѣняя же это послѣднее правило къ разсматриваемому обществомъ вопросу, г. Платоновъ сдѣлалъ такой выводъ: референтъ предлагаетъ признать дѣйствующимъ у насъ правило, конечно, не о томъ, что участвующія въ договорѣ найма лица могутъ согласиться между собою на уменьшеніе въ извѣстномъ случаѣ арендной платы; такое правило заключается въ 1547 ст. гражд. зак. и никакихъ сомнѣній не возбуждаетъ. Референту желательно имѣть правило, по которому бы судъ, въ случаѣ несогласія сторонъ, рѣшилъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ уничтожить договоръ или уменьшить арендную плату, и въ послѣднемъ случаѣ—на сколько она должна быть уменьшена. Но каждое изъ правъ, предоставленныхъ суду, должно быть согласно вышеизложенному—именно указано въ законѣ: что прямо ему не предоставлено, слѣдуетъ считать воспрещеннымъ. Въ законахъ же нашихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы судъ могъ, при какихъ-либо обстоятельствахъ, видоизмѣнять въ какомъ-нибудь отношеніи договоры, включать

въ нихъ условія, на которыя не согласна одна изъ сторонъ. Такого правила въ нашихъ законахъ нѣтъ и быть не могло. Оно возможно и дѣйствительно существуетъ лишь въ тѣхъ законодательствахъ, которыя даютъ болѣе или менѣе широкій просторъ *судебному усмотрѣнію* при разрѣшеніи споровъ по имуществамъ, въ особенности споровъ, вытекающихъ изъ договорныхъ отношеній. Напѣ же законодательство *искоковъ* вѣка относилось къ *судебному усмотрѣнію* съ полнѣйшимъ недоувѣріемъ, и всегда предписывало судьямъ разводить спорящихъ или по актамъ („по крѣпостямъ“), или по закону, но *никогда*, — по усмотрѣнію. Поэтому нельзя считать случайнымъ пробѣломъ въ нашихъ законахъ отсутствіе того правила, которое желалъ бы видѣть въ нихъ референтъ; правила этого нѣтъ въ нихъ потому, что оно стояло бы въ разрывѣ съ общимъ духомъ и составомъ нашихъ гражданскихъ законовъ вообще.

Въ заключеніе, оппонентъ заявилъ, что онъ считаетъ ошибочнымъ толкованіе, данное референтомъ рѣшенію правительствующаго сената по дѣлу Завѣлейской, и полагаетъ, что сенатъ, какъ видно изъ мотивовъ его рѣшенія, да и изъ самаго существа иска Нахорошева, — вообще не признаетъ возможнымъ вмѣшательство суда въ опредѣленіе наемной платы въ случаѣ какихъ-либо измѣненій въ составѣ отданнаго въ наемъ имущества, а признаетъ необходимымъ въ такомъ случаѣ уничтоженіе договора о наймѣ во всемъ его объемѣ, — съ каковымъ мнѣніемъ сената вполне согласенъ и оппонентъ.

Н. А. Неклюдовъ, раздѣляя мнѣніе г. Платонова о томъ, что законодательство наше дѣйствительно относилось всегда къ *судейскому усмотрѣнію* съ полнѣйшимъ недоувѣріемъ, полагаетъ, однако, что изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, будто судъ можетъ отказать въ искѣ объ уменьшеніи наемной платы единственно на томъ основаніи, что „нѣтъ закона“. „Правильное разрѣшеніе поставленнаго референтомъ вопроса“ — сказалъ г. Неклюдовъ — „можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда будутъ приняты во вниманіе оба обуславливающие его фактора: 1) свойство измѣненія въ предметѣ найма и 2) степень значенія измѣненной части въ общей экономіи договора.“

„Въ виду *перваго* фактора необходимо отличать: простую быденную порчу (относящуюся къ поврежденію, какъ наковная царапина къ ранѣ), существенное поврежденіе и совершенное истреб-

леніе или уничтоженіе той или другой части нанятаго имущества. Простая порча может имѣть мѣсто ежедневно отъ 1000 неумовимыхъ причинъ, коихъ не можетъ предвидѣть и предусмотрѣть никакой договоръ; для уничтоженія ея достаточно, обыкновенно, минутной починки; посему такая порча, какъ явленіе, непарализирующее эксплуатаціи нанятаго имущества, не можетъ и имѣть, никакого вліянія на взаимное соблюденіе постановленныхъ въ договорѣ условій: въ обществѣ исправленіе подобной порчи производится всегда безспорно самимъ наемникомъ. Существенное поврежденіе есть то, которое, не уничтожая существованія самаго предмета, дѣлаетъ его негоднымъ для эксплуатаціи (потопленіе, провалившійся потолокъ). Существенное поврежденіе равносильно во всемъ уничтоженію или истребленію предмета, ибо дѣлаетъ пользованіе имъ невозможнымъ, или навсегда, или на относительно продолжительное время. Коль скоро же предметъ, независимо отъ воли обѣихъ сторонъ, не можетъ играть той роли, которая ему предназначена по договору, то таковой предметъ становится уже внѣ договора и потому требуетъ неминуемо новыхъ опредѣленій касательно юридическихъ отношеній къ нему обѣихъ сторонъ.

„Въ виду *второго* фактора необходимо отличать: существенныя части и предметы, найма отъ предметовъ, составляющихъ одну лишь, такъ-сказать, детальную обстановку найма. Коль скоро существенно поврежденный или уничтоженный предметъ составляетъ лишь детальную обстановку, не играющую существенной роли въ договорѣ, то нѣтъ и юридическаго повода къ измѣненію въ чемъ-либо сего послѣдняго; коль скоро же, напротивъ того, существенно поврежденный или истребленный предметъ существененъ въ дѣла эксплуатаціи, то должны неминуемо измѣниться и условія сей послѣдней. Существенность или несущественность предмета составляетъ вопросъ факта и не поддается никакимъ теоретическимъ опредѣленіямъ (для магазина одна дверь на Невскій-проспектъ важнѣе 10 дверей на дворъ).

Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что поводомъ къ измѣненію условленныхъ договоромъ юридическихъ отношеній могутъ быть лишь существенное поврежденіе или уничтоженіе такихъ предметовъ договора, которые будутъ признаны судомъ существенными въ эксплуатаціи даннаго найма.

„На основаніи вышесказаннаго и принимая во вниманіе:

1) что договоръ есть результатъ взаимнаго соглашенія двухъ лицъ; 2) что обѣ стороны равны въ договорѣ, точно также какъ равны между собою двѣ математическія величины и потому одна передъ другой преимущества имѣть не могутъ; 3) что съ измѣненіемъ предмета договора предметъ этотъ становится внѣ договора; 4) что юридическія отношенія сторонъ къ такому предмету могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ ихъ взаимнымъ соглашеніемъ; 5) что, при отсутствіи сего послѣдняго прежній договоръ утрачиваетъ свою силу не только въ отношеніи къ нанимателю, но и въ отношеніи къ собственнику, ибо экономическая сторона договора одинаково важна какъ для перваго“, такъ и для послѣдняго—онъ, г. Неклюдовъ, приходитъ къ тому заключенію, что въ случаѣ существеннаго поврежденія или уничтоженія существенныхъ частей или предметовъ найма:

1) наниматель имѣетъ право требовать уничтоженія самаго договора; 2) ежели наниматель уничтоженія договора не требовалъ, а ходатайствовалъ лишь объ уменьшеніи наемной платы, то собственникъ имѣетъ право потребовать уничтоженія договора, и 3) ежели собственникъ, не требуя уничтоженія договора, возражаетъ лишь противъ размѣра уменьшенія платы, то судъ не вправе признать договоръ уничтоженнымъ, а обязанъ опредѣлить размѣръ платы, руководствуясь имѣющимися у него данными и доказательствами.

А. А. Книримъ высказалъ мнѣніе, что законодательство наше дѣйствительно мало довѣряло судейскому усмотрѣнію, хотя и не въ такой степени мало, какъ это высказано двумя предыдущими мнѣніями. Уже и въ 1 ч. Х т. можно указать нѣсколько статей, въ которыхъ дается болѣе или менѣе широкій просторъ судейскому убѣжденію и усмотрѣнію. Но въ особенности предѣлы власти суда въ отношеніи примѣненія къ дѣламъ общихъ началъ права расширены съ изданіемъ уставовъ 20 ноября. 9 ст. уст. прямо уполномочиваетъ судъ на примѣненіе къ дѣламъ этихъ началъ права въ тѣхъ случаяхъ, на которые въ законѣ нѣтъ положительнаго указанія. По этому и къ вопросу, разсматриваемому теперь обществомъ,—какъ вопросу неразрѣшаемому нашими законами, должны быть примѣнены тѣ общія начала права, которыя — по справедливому замѣчанію референта—легли въ основу всѣхъ западныхъ кодексовъ гражданскаго права, причеиъ было бы въ высшей степени неосновательно и часто крайне несправедливо предоставлять хозяину имущества право во всякомъ случаѣ требовать уничтоженія

договора, какъ предлагаетъ г. Неклюдовъ. Наемщикъ недвижимаго имѣнія, въ надеждѣ извлечь изъ него наибольшій доходъ, можетъ затратить иногда весьма значительную сумму на улучшение разныхъ отраслей хозяйства, и въ такомъ случаѣ уничтоженіе контракта вслѣдствіе порчи или истребленія какой-нибудь неважной части имѣнія (напр. уничтоженіе пруда, изъ котораго арендаторъ получалъ рыбу), будетъ, конечно, согласно съ интересами хозяина имѣнія, но въ высшей степени несправедливо относительно арендатора. Вслѣдствіе этого, А. А. Книримъ, присоединяясь къ мнѣнію референта, полагаетъ, что разрѣшеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопроса о томъ, подлежитъ-ли контрактъ уничтоженію, вслѣдствіе измѣненій, происшедшихъ въ составѣ имущества, или возможно ограничиться лишь соотвѣтственнымъ пониженіемъ наемной платы—должно быть предоставлено усмотрѣнію суда.

Кромѣ поименованныхъ выше лицъ, въ преніяхъ по частнымъ вопросамъ, вытекавшимъ изъ разсужденій, наложенныхъ выше, принимали участіе дѣйствительные члены общества: И. Я. Голубевъ, Л. Б. Дорнъ, А. Е. Матюнинъ, К. И. Малышевъ, В. А. Шванебахъ и др.

По окончаніи преній, предсѣдательствующій поставилъ на разрѣшеніе общества слѣдующіе два вопроса:

1) При случайномъ уничтоженіи несущественной части отданнаго въ наемъ имущества имѣетъ-ли наниматель право требовать уменьшенія части наемной платы?

2) При утвердительномъ отвѣтѣ на предыдущій вопросъ, вправѣ ли хозяинъ имущества предъявить встречное требованіе объ уничтоженіи договора?

Оба вопроса большинствомъ голосовъ разрѣшены *утвердительно*.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Обзоръ дѣлопроизводства въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ по уголовнымъ дѣламъ за 1875. Правила дѣлопроизводства въ юридическомъ обществѣ при сиб. университетѣ и нѣсколько словъ о задачахъ этого общества.

I.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ изданъ министерствомъ юстиціи четвертый выпускъ «свода статистическихъ свѣдѣній по уголовнымъ дѣламъ». Выпускъ этотъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о дѣлахъ, производившихся въ 1875. г. въ судебныхъ учрежденияхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 г., и представляетъ собою весьма богатый и въ высшей степени цѣнный статистическій матеріалъ, который если не теперь, то въ недалекомъ будущемъ—можетъ оказать существенныя услуги какъ наукѣ, такъ и законодательству нашей страны.

Содержащіяся въ этомъ выпускѣ свѣдѣнія значительно пополнены сравнительно съ тремя предыдущими. Но все же и на этотъ разъ въ «сводѣ» замѣчаются пробѣлы, пополненіе которыхъ было-бы весьма полезно, крайне желательно и кажется ни въ какой мѣрѣ не затруднительно для статистическаго отдѣленія.

Такъ, составители «свода» въ общемъ обзорѣ дѣятельности судебныхъ мѣстъ весьма часто употребляютъ выраженія: дѣлопроизводство такихъ-то окружныхъ судовъ «успѣшно», а такихъ-то «неуспѣшно», тамъ-то «улучшилось», а тамъ-то «ухудши-

лось». Между тѣмъ, свѣдѣнія, которыя даетъ «сводъ» о личномъ составѣ судебныхъ мѣстъ, а также прокураторы и слѣдователей, крайне неточны. Свѣдѣнія эти заимствованы не изъ отчетовъ о дѣйствительной наличности судебныхъ дѣятелей за опредѣленный періодъ времени, а изъ высочайше утвержденныхъ штатовъ судебныхъ мѣстъ; а что касается судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, то «сводъ» не даетъ даже и такихъ свѣдѣній о личномъ составѣ каждой и каждого изъ нихъ отдѣльно. Вслѣдствіе этого, успѣшность или неуспѣшность дѣятельности судебныхъ учреждений опредѣляется по «своду» только количествомъ оконченныхъ дѣлъ безъ соображенія имъ съ числомъ лицъ, дѣйствительно трудившихся надъ этими дѣлами, такъ что данныя «свода» могутъ привести въ этомъ отношеніи къ самымъ ошибочнымъ выводамъ даже относительно дѣятельности судебныхъ слѣдователей и прокуратуры, о личномъ составѣ которыхъ свѣдѣнія все-таки полнѣе. Объяснимъ это примѣромъ. Въ «сводѣ» значится, что прокурорскимъ надзоромъ петербургскаго окружнаго суда окончено въ 1875 г. всего 2900 дѣлъ; число лицъ этого надзора — 22; слѣдовательно, заключаютъ составители «свода» — на каждое лицо приходится съ небольшимъ 132 дѣла. Сопоставляя эту цифру съ соответствующими цифрами другихъ судовъ, можно подумать, что лица здѣшняго прокурорскаго надзора весьма мало заняты сравнительно съ другими людьми того же званія. Въ самомъ дѣлѣ меньше 132 дѣлъ на каждое лицо прокурорскаго надзора дали въ 1875 году только три маленькіе суда: бѣлозерскій (127), капинскій (104) и ржевскій (85). Среднимъ же числомъ на каждое лицо окружной прокуратуры въ Россіи приходится дѣлъ: *подлежащихъ разсмотрѣнію*—232 и *дѣйствительно разсмотрѣнныхъ*—216. Но сдѣланный сейчасть выводъ относительно прокурорскаго надзора петербургскаго суда былъ-бы совершенно неоснователенъ, и вотъ почему: изъ 22 лицъ надзора этого суда, положенныхъ по штату, направленіемъ уголовныхъ дѣлъ занимаются нормально только 13; остальные же частію находятся въ продолжительной командировкѣ при постороннихъ

прокуратурѣ суда учрежденійхъ, а частію имѣютъ спеціальныя обязанности (заключенія въ столичномъ сѣздѣ мировыхъ судей, заключенія по гражданскимъ дѣламъ, надзоръ за мѣстами заключенія и т. д.); въ разсмотрѣніи же и направленіи уголовныхъ дѣлъ вовсе не участвуютъ. Если бы составители «свода» приняли въ расчетъ это обстоятельство (а свѣдѣнія о немъ въ министерствѣ юстиціи, конечно, имѣются), или по крайней мѣрѣ оговорили его въ графѣ о «числѣ лицъ прокурорскаго надзора», то для всякаго было-бы ясно, что на каждаго изъ такъ-называемыхъ «участковыхъ» товарищей прокурора здѣшняго суда приходится оконченныхъ въ 1875 г. дѣлъ не 132, а почти вдвое больше, именно 223, т.-е. такое число, которое даже превышаетъ среднюю норму дѣлъ оконченныхъ каждымъ изъ лицъ прокурорскаго надзора окружныхъ судовъ въ Россіи. По всей вѣроятности данныя «свода» окажутся столь-же неудовлетворительными для оцѣнки дѣятельности и другихъ судебныхъ учреждений, если будутъ сопоставлены съ дѣйствительною, а не закононою обстановкою каждаго изъ этихъ учреждений.

Далѣе, въ «сводѣ», по прежнему, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какое участіе въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ принимали судебные слѣдователи и почетные мировые судьи, приглашаемые на правахъ членовъ, хотя этотъ вопросъ не лишень интереса. Но особенно важно въ этомъ отношеніи отсутствіе всякихъ свѣдѣній объ институтѣ присяжныхъ заседателей, свѣдѣній крайне важныхъ для изученія общественнаго значенія этой повинности. Таковы были-бы свѣдѣнія о распредѣленіи присяжныхъ по сословіямъ и занятіямъ какъ въ спискахъ, составляемыхъ на каждую сесію суда, такъ и въ спискахъ присяжныхъ, вошедшихъ въ судящій комплектъ; важно было-бы также знать число грамотныхъ и неграмотныхъ присяжныхъ, число неявившихся къ отправленію своихъ обязанностей, съ показаніемъ, разумѣется, числа неявокъ, признанныхъ судомъ уважительными, и т. п., какъ это подробно указано въ таблицахъ французской ста-

тистики ¹⁾. Наконецъ «сводъ» не содержитъ также никакихъ свѣдѣній о защитѣ подсудимыхъ; между тѣмъ, было-бы въ высшей степени важно и полезно знать, сколько изъ подсудимыхъ оставалось вовсе безъ защитниковъ, сколько было защитниковъ отъ суда (разумѣется, присяжныхъ повѣренныхъ и кандидатовъ на судебныя должности—особо), сколько, наконецъ, было защитъ по соглашенію.

Несмотря на указанные пробѣлы, «сводъ», какъ уже сказано, представляетъ богатый и весьма цѣнный матеріалъ для выводовъ науки, законодательства и судебной администраціи. Мы, однако, воспользуемся на этотъ разъ данными «свода» лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Какъ ни соблазнительно было-бы заняться обобщеніями относительно распространенія преступленій по мѣстностямъ, сословіямъ и временамъ года, или относительно вліянія на преступность характера дѣятельности подсудимыхъ, ихъ пола, возраста, семейнаго положенія и т. п.; но всѣ такіе выводы были-бы, кажется, все еще преждевременны по недавнему существованію у насъ правильной регистраціи въ этомъ отношеніи. Нужно выждать по крайней мѣрѣ десятилѣтіе, чтобы данныя «свода» по всѣмъ этимъ вопросамъ получили дѣйствительно научное значеніе. Въ настоящее же время «сводъ» можетъ служить достаточнымъ матеріаломъ лишь для сужденія о состояніи у насъ уголовного правосудія, и то, разумѣется, только съ внѣшней стороны, т.-е. по вопросу объ отношеніи количества производящихся дѣлъ къ числу дѣлъ оконченныхъ и о быстротѣ производства. Въ этихъ-то предѣлахъ мы и предполагаемъ обозрѣть «сводъ» за 1875 г., и развѣ вскользь коснемся внутреннихъ достоинствъ дѣятельности судебныхъ учреждений, на сколько они явствуютъ изъ чисто внѣшнихъ, числовыхъ данныхъ.

«Сводъ» за 1875 г. начинается *общей відомостію о состояніи дѣлопроизводства въ судебныхъ установленіяхъ*. Изъ

¹⁾ На отсутствіе этихъ свѣдѣній и необходимость имѣть ихъ указывать еще въ 1878 году проф. Таганцевъ (см. „Журн. гражд. и угол. права“ за тотъ годъ, кн. VI, стр. 261 и слѣд.).

этой вѣдомости мы узнаемъ, что число всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, производившихся въ новыхъ (общихъ) судебныхъ установле-
ніяхъ въ 1875 году (за исключеніемъ съ небольшимъ 10,000 дѣлъ, о положеніи которыхъ составителями «свода» не полу-
чено свѣдѣній) было 150,436. Изъ нихъ окончено производ-
ствомъ 90,104 дѣла, или $59\frac{1}{2}\%$. Такое отношеніе числа окон-
ченныхъ дѣлъ къ числу производившихся нельзя, конечно, при-
знать удовлетворительнымъ. Но въ этомъ едва ли можно воз-
лагать вину на дѣйствующій составъ судебныхъ учреждений.
Накопленіе дѣлъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ данныхъ «свода»,
произошло еще въ доотчетную эпоху, а отчасти даже въ эпоху
до-реформенную. Нормальные штаты судебныхъ учреждений раз-
считываются, конечно, не по количеству наличныхъ дѣлъ въ
данной мѣстности, а по количеству дѣлъ ежегодно тамъ воз-
никающихъ. Поэтому, неуспѣшно можно признать дѣятель-
ность извѣстнаго учрежденія только въ томъ случаѣ, если
количество окончанныхъ дѣлъ за отчетный періодъ времени
будетъ ниже количества дѣлъ за тотъ же періодъ времени всѣ-
хъ предшешихъ. Съ этой же точки зрѣнія, дѣятельность всѣхъ судеб-
ныхъ учреждений и должностныхъ лицъ въ 1875 году оказы-
вается, вообще говоря, болѣе чѣмъ удовлетворительна; ибо коли-
чество окончанныхъ дѣлъ не только равняется, но даже пре-
вышаетъ количество дѣлъ возникшихъ за отчетный періодъ,
именно: возникло дѣлъ въ 1875 году — 85076, окончено же,
какъ уже сказано, 90,104, или $110\frac{1}{2}\%$, причемъ нѣтъ ни
одного судебного округа, въ которомъ количество окончанныхъ
дѣлъ было бы ниже количества дѣлъ возникшихъ. Наиболѣе
отличался въ этомъ отношеніи саратовскій округъ (127%);
наименѣе — казанскій (102%).

Цифры эти, какъ нельзя лучше, доказываютъ повидимому,
что дѣйствующіе штаты судебныхъ учреждений во всѣхъ шести
округахъ исполнѣ, и даже съ избыткомъ, достаточны. Можно бы
даже утверждать на основаніи этихъ цифръ, что уже недалеко
то время, когда судебныя учрежденія, безъ новыхъ пожертво-
ваній отъ казны, приведутъ въ окончательное равновѣсіе при-
ходъ дѣлъ съ расходомъ. При дальнѣйшемъ чтеніи «Свода»

оказывается, однако, что государственному казначейству едва ли избѣжать новых ассигновокъ на «усиленіе штатовъ» нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ. Цифры «свода» представляются успокоительными только до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о дѣлопроизводствѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ вообще и по самымъ крупнымъ судебнымъ единицамъ, т.-е. по округамъ судебныхъ палатъ. Нѣтъ ничего угрожающаго и въ цифрахъ, показывающихъ состояніе дѣлопроизводства въ каждой изъ судебныхъ инстанцій въ отдѣльности, когда рѣчь идетъ опять-таки объ инстанціяхъ вообще и даже по округамъ палатъ. Такъ, положеніе дѣлъ въ прокурорскомъ надзорѣ и въ судебныхъ палатахъ, въ качествѣ обвинительной камеры, можно назвать даже блестящимъ: $\frac{0}{100}$ неоконченныхъ дѣлъ изъ производившихся въ обѣихъ этихъ инстанціяхъ почти ничтоженъ (отъ 3 до 7), и количество дѣлъ оконченныхъ превышаетъ количество дѣлъ возникшихъ. У судебныхъ слѣдователей неоконченныхъ дѣлъ *изъ числа производившихся* всего $22\frac{1}{2}\%$. Не Богъ знаетъ, конечно, какой успѣхъ; но и до бѣды далеко, если принять въ соображеніе, что въ той же инстанціи количество оконченныхъ дѣлъ по отношенію къ количеству дѣлъ возникшихъ составляетъ 105% . Нѣсколько хуже представляется положеніе дѣлъ въ окружныхъ судахъ. Здѣсь окончено изъ производившихся только 76% , но окончено все-таки на 2% больше, чѣмъ возникло. Очевидно, дѣло, хотя и медленно, подвигается у судебныхъ слѣдователей и въ окружныхъ судахъ къ равновѣсію; количество дѣлъ, унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ лѣтъ и учреждений, убываетъ. Однѣ только судебныя палаты, въ качествѣ судебной инстанціи, оставляютъ желать или нѣкотораго увеличенія штатовъ, или усиленія энергіи надличныхъ дѣятелей. Здѣсь дѣло идетъ къ накопленію: изъ производившихся окончено только 78% , причемъ на 6% рѣшено дѣлъ меньше, чѣмъ возникло ¹⁾.

Такимъ образомъ, вообще говоря, судебныя учрежденія въ Россіи и отдѣльно каждая изъ судебно-уголовныхъ инстанцій не обременены дѣлами. Но при разсмотрѣніи данныхъ «свода» о состояніи дѣлопроизводства въ каждомъ *изъ окружныхъ судовъ* въ отдѣльности, оказывается совсѣмъ не то. Оказывается, что

въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ накопленіе дѣлъ у слѣдователей и въ низшемъ прокурорскомъ надворѣ принимаетъ почти невѣроятные размѣры и обремененіе этихъ должностныхъ лицъ дѣлами превосходить всякую норму.

Такъ, *въ отношеніи слѣдователей*, среднее число по всѣмъ судебнымъ округамъ вмѣстѣ взятымъ доходить до 138 производившихся дѣлъ на каждаго (слѣдователя). Но это «среднее» число не даетъ и приблизительнаго понятія о степени дѣйствительной обремененности слѣдователя въ округѣ каждаго суда отдѣльно; ибо въ однихъ судахъ количество дѣлъ на каждаго слѣдователя не достигаетъ и полной сотни; а въ другихъ превышаетъ 200 и даже (въ усть-медвѣдцкомъ) достигаетъ до 366. Очевидно, что при такомъ накопленіи дѣлъ, какъ въ усть-медвѣдцкомъ судѣ—каковы бы ни были эти дѣла—нѣтъ возможности производить ихъ успѣшно ни въ количественномъ ни въ качественномъ отношеніи. Даже саратовскій, одесскій, херсонскій и сарапульскій округа (отъ 218 до 259 дѣлъ) слѣдуетъ признать, по нашему мнѣнію, обремененными чрезвычайно. И такая неравномѣрность въ количествѣ труда слѣдователей разныхъ судовъ не есть явленіе случайное и новое въ отчетахъ министерства юстиціи: изъ прежнихъ выпусковъ «свода» видно, что и въ предыдущіе годы разница въ количествѣ дѣлъ, производившихся у судебныхъ слѣдователей разныхъ мѣстностей, была приблизительно таже, что и въ отчетномъ году. Округа: ржевскаго, устюжскаго, рыбинскаго, нашинскаго, костромскаго, орловскаго, курскаго, сумскаго и тамбовскаго судовъ и въ предыдущіе годы давали каждому слѣдователю менѣе 100 дѣлъ, а самарскаго, саратовскаго, одесскаго, херсонскаго и усть-медвѣдцкаго болѣе 200.

Неравномѣрность въ распредѣленіи труда между слѣдователями естественно должна отзываться, и дѣйствительно отзывается, на скорости производства слѣдствій: гдѣ слѣдователи

¹⁾ О кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената мы говорить здѣсь не будемъ, такъ какъ предполагаемъ положеніе дѣлъ въ этомъ учрежденіи достаточно извѣстнымъ всѣмъ изъ прежнихъ нашихъ статей, а также изъ статьи г. К. Арсеньева.

обременены меньше, тамъ дѣла идутъ быстрее, и наоборотъ. Такъ, положеніе слѣдственной части, съ этой точки зрѣнія, въ округахъ палатъ—петербургской, московской и харьковской (за исключеніемъ усть-медвѣдичаго суда, о которомъ скажемъ особо) можно назвать вполне удовлетворительнымъ. Здѣсь болѣе $\frac{1}{2}$ всѣхъ оконченныхъ слѣдователями въ 1875 г. дѣлъ производилось менѣе 1 мѣсяца; затѣмъ, 19% находились въ производствѣ отъ 1 до 2 мѣсяцевъ; столько же отъ 2 до 6 мѣсяцевъ; $6\frac{1}{2}\%$ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года, и только 3% болѣе года. Между тѣмъ, саратовскій и казанскій округа, въ составъ которыхъ входятъ пять изъ наиболѣе обремененныхъ слѣдственными дѣлами окружныхъ судовъ (саратовскій, самарскій, екатеринбургскій, вятскій и сарапульскій) дали почти 17% дѣлъ, производившихся болѣе года и только 38%, производившихся менѣе одного мѣсяца. Составители «свода» замѣчаютъ по этому поводу, что такой % объясняется не медленностію производства слѣдствій въ названныхъ двухъ округахъ, а тѣмъ, что округа эти открыты позже другихъ и въ производствѣ ихъ находятся еще дѣла, возникшія до введенія реформы. Оговорка эта, однако, едва ли можетъ успокоить судебную администрацію и общественное мнѣніе. Цифры, о которыхъ мы говоримъ, относятся къ 1875 году, а казанскій и саратовскій округа открыты еще въ 1870—71 г.; слѣдовательно, на рукахъ у слѣдователей этихъ округовъ есть по-нынѣ дѣла, возникшія еще въ шестидесятыхъ годахъ. И такихъ дѣлъ—надо думать—не мало, особенно въ саратовскомъ окружномъ судѣ и во всѣхъ судахъ казанскаго округа; по крайней мѣрѣ изъ таблицы II «свода» видно, что въ этихъ судахъ въ числѣ дѣлъ, оставшихся за слѣдователями въ 1876 году, 46% такихъ, которыя производятся уже болѣе года. Тоже самое явленіе представляетъ и усть-медвѣдичскій судъ (харьковскаго округа). Здѣсь у каждаго слѣдователя осталось въ 1876 г. почти невѣроятное количество дѣлъ,—именно 130, и—что еще хуже—въ числѣ этихъ дѣлъ $\frac{2}{3}$ такихъ, которыя находятся въ производствѣ уже болѣе года.

Въ виду указанныхъ сейчасъ фактовъ едва ли можно со-

гласиться съ составителями «свода», что жалобы на медленность производства у насъ предварительныхъ слѣдствій основаны исключительно на отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ, обусловливаемыхъ не виною слѣдователей, «а скорѣе формальностями общаго строя судопроизводства, которыя установлены какъ необходимая гарантія для обвиняемыхъ». Медленностію производства страдаютъ, какъ мы сейчасъ видѣли, не отдѣльныя дѣла, а цѣлые слѣдственные участки, даже цѣлые округа судовъ, въ которыхъ не единицами, а нѣсколькими сотнями считаются дѣла, не получающія окончанія въ теченіи года и даже нѣсколькихъ лѣтъ. Положимъ, что дѣла эти не представляютъ по всей вѣроятности особенной важности; можетъ быть даже, что это дѣла совершенно безнадежныя для открытія или по крайней мѣрѣ обвиненія виновныхъ. Но все же это—дѣла, которыя рано или поздно, такъ или иначе, должны же быть закончены, — дѣла, по которымъ есть потерпѣвшія, а можетъ быть и обвиняемыя лица; слѣдовательно, оставлять ихъ безъ конца въ шкапахъ судебныхъ слѣдователей не приходится. Мы охотно соглашаемся съ составителями «свода», что «вина слѣдователей» тутъ не причемъ; ибо медленность производства, какъ видно изъ соотвѣствующихъ таблицъ «свода», происходитъ очевидно отъ чрезмернаго обремененія нѣкоторыхъ слѣдователей дѣлами: чѣмъ больше слѣдователи даннаго суда окончили дѣлъ въ году, тѣмъ больше заключается у нихъ медленности въ производствѣ. Но отсутствіе вины слѣдователей — хорошій аргументъ въ пользу мысли о необходимости принять какія-нибудь особыя мѣры къ устраненію того недостатка судебного дѣлопроизводства, о которомъ идетъ рѣчь. Мѣры же эти, по нашему мнѣнію, могутъ быть двухъ родовъ: или усилить штаты тѣхъ судовъ, въ которыхъ слѣдователи наиболѣе обременены (въ особенности усть-медвѣдичскій, вятскій, екатеринбургскій и сарапульскій) на счетъ судовъ, обставленныхъ слишкомъ роскошно (петербургскаго, нижегородскаго, смоленскаго, курскаго), или же по крайней мѣрѣ дать наиболѣе обремененнымъ участвамъ временную помощь, откомандировавъ туда опытнѣйшихъ кандидатовъ на

судебныя должности для окончанія старыхъ дѣлъ, накопившихся отъ прежнихъ лѣтъ.

Нельзя не высказать, при этомъ, сожалѣнія, что въ «сводѣ» нѣтъ свѣдѣній относительно территоріальнаго пространства, занимаемаго отдѣльными судами и средней величины слѣдственныхъ участковъ; такъ какъ эти свѣдѣнія необходимо должны быть приняты въ расчетъ при сужденіи какъ о степени обремененности слѣдователей по каждому округу отдѣльно, такъ и о возможности или невозможности уменьшить число слѣдователей тамъ, гдѣ оно оказывается по даннымъ «свода» слишкомъ значительнымъ по отношенію къ количеству производящихся дѣлъ (напр., въ петербургскомъ, нижегородскомъ, костромскомъ, ржевскомъ, устюжскомъ, рыбинскомъ и кашинскомъ судахъ).

Оканчивая обзоръ дѣятельности судебныхъ слѣдователей, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе еще на одну цифру, характеризующую положеніе у насъ этой инстанціи. Изъ числа лицъ, привлеченныхъ судебными слѣдователями въ качествѣ обвиняемыхъ, содержалось подъ стражею — 20,482. Цифра эта и сама по себѣ очень внушительна; но она еще болѣе заставляетъ призадуматься, если сопоставить ее съ нѣкоторыми данными изъ таблицъ о производствѣ дѣлъ въ судебныхъ палатахъ и окружныхъ судахъ. Оказывается, что изъ числа лицъ, содержавшихся подъ стражею по постановленіямъ слѣдователей, не дошли вовсе до суда — за прекращеніемъ о нихъ дѣлъ палатами и окружными судами — 1631, да оправданы по суду 2184. Допустимъ, что изъ нихъ 87 были привлечены по дѣламъ правильно и достаточно изобличались въ преступленія (всѣ, о которыхъ дѣла прекращены судомъ), и что, кромѣ того, $\frac{1}{3}$ изъ оправданныхъ арестантовъ не имѣла, во время производства слѣдствій, осѣдлости или обвинялась не въ первый разъ; все же окажется, что 3000 человекъ содержались подъ стражею безъ достаточнаго основанія. Но и это еще не все. Изъ числа осужденныхъ судами и палатами приговорены къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ, сопровождавшимся лишеніемъ и даже ограниченіемъ правъ, всего 13,822 лица; слѣдовательно, и въ числѣ осужденныхъ есть еще 2,845 лицъ,

которымъ—при осмотнительномъ выборѣ мѣръ, указанныхъ въ 416 — 421 ст. угол. уст.,—можно и должно было во время слѣдствія и суда оставаться на свободѣ.

Мы понимаемъ, конечно, не всѣ дѣла, по которымъ обвиняемые взяты въ 1875 году слѣдователями подъ стражу, въ томъ же году дошли до суда и даже до палаты. Но это обстоятельство едва ли можетъ имѣть серьезное значеніе для сдѣланнаго сейчасъ вывода. Арестантскія дѣла, вообще говоря, производятся довольно быстро, такъ что остатокъ ихъ къ 1876 году за слѣдователями и прокуратурою не можетъ быть значителенъ; да, кромѣ того, остатокъ этотъ совершенно уравнивается такимъ же остаткомъ отъ предыдущаго года, который, конечно, очищенъ въ году отчетномъ.

Замѣтимъ кстати, что составители «свода» напрасно скупятся на болѣе подробныя свѣдѣнія по этому предмету. И въ социальномъ и въ законодательномъ отношеніи было бы въ высшей степени полезно знать, кромѣ того, что уже сказано, еще и продолжительность содержанія подъ стражею, какъ подсудимыхъ вообще, такъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые оправданы по суду или освобождены отъ него въ порядкѣ 277 или 523 ст. уст. угол. суд. Для собранія же этихъ свѣдѣній нѣтъ надобности, притомъ, заводить и носить вѣдомости или даже прибавлять особую графу въ существующихъ; ибо всѣ данныя для отвѣтовъ на эти вопросы имѣются уже въ существующихъ отчетныхъ вѣдомостяхъ.

Изъ вѣдомостей о *одепроизводствѣ въ прокурорскомъ надзорѣ* ¹⁾ оказывается—по словамъ составителей «свода», — что количество дѣлъ, производящихся въ этомъ учрежденіи, ежегодно увеличивается, а именно: въ 1873 году здѣсь производилось 75,967 дѣлъ, въ 1874 году это количество возросло до 77,069

¹⁾ Говоря о прокурорскомъ надзорѣ, мы будемъ имѣть въ виду исключительно прокуратуру окружныхъ судовъ, такъ какъ дѣятельность прокуратуры палатъ не имѣетъ значенія отдѣльно отъ дѣятельности самихъ палатъ, въ качествѣ обвинительной камеры.

и, наконецъ, въ отчетномъ году достигло 85,319 дѣлъ. Но это увеличеніе дѣлъ въ прокурорскомъ надзорѣ нельзя считать признакомъ увеличенія количества уголовныхъ дѣлъ вообще. Объясненіе этого факта довольно простое: въ 1874 году открыто нѣсколько новыхъ окружныхъ судовъ, которые и увеличили цифру дѣлъ прокурорскаго надзора, также увеличеннаго въ своемъ составѣ. Поэтому-то, состояніе дѣлопроизводства въ этой инстанціи не только не ухудшилось въ отчетномъ году сравнительно съ предыдущимъ, а напротивъ, значительно улучшилось: въ 1874 году изъ общаго количества дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію прокурорскаго надзора окружныхъ судовъ, окончено 90%, а въ отчетномъ — 93%, такъ что на рукахъ у прокурорскаго надзора, за весьма немногими исключеніями, остались только дѣла, поступившія во второй половинѣ декабря 1875 года.

Такимъ образомъ, состояніе дѣлопроизводства въ этой инстанціи не оставляетъ желать ничего лучшаго, тѣмъ болѣе, что даже въ самыхъ обремененныхъ дѣлами судахъ остатокъ къ 1876 году за прокурорскимъ надзоромъ почти ничтоженъ: максимумъ 320 дѣлъ на 8 лицъ, и это въ томъ судѣ (вятскомъ), которому осталось въ наслѣдство отъ 1874 года 1,081 дѣло, да возникло въ отчетномъ году 3,018 дѣлъ. Но, несмотря на такой успѣхъ въ дѣятельности прокурорскаго надзора вообще и по отдѣльнымъ судамъ, мы и здѣсь должны замѣтить то же, что уже было сказано относительно степени обремененности дѣлами слѣдователей по отдѣльнымъ участкамъ. Но здѣсь не равномерность въ распредѣленіи количества работы еще рѣзче бросается въ глаза. Такъ, въ округѣ казанской палаты разсмотрѣнію каждаго лица прокурорскаго надзора въ 1875 году подлежало 321 дѣло; въ округахъ: одесской, саратовской и харьковской палатъ — отъ 229 до 272, а въ петербургскомъ и московскомъ округахъ только по 165 и 169. Въ особенности обремененными свинье мѣры оказываются лица прокурорскаго надзора слѣдующихъ четырехъ окружныхъ судовъ: екатеринбургскаго (338 дѣлъ на каждое лицо), сарапульскаго (371), херсонскаго (387) и вятскаго (512). При такомъ количествѣ

дѣль, очевидно, не можетъ быть и рѣчи объ отчетливости даже письменныхъ работъ прокурорскаго надзора этихъ судовъ; а между тѣмъ, письменная часть — только половина труда прокуратуры: поддерживать обвиненія на судѣ, предъявлять заключенія въ мировыхъ сѣздахъ, участвовать въ качествѣ членовъ въ нѣсколькихъ губернскихъ присутствіяхъ, руководить дѣятельностію чиновъ полиціи по производству дознаній объ уголовныхъ преступленіяхъ, наблюдать за производствомъ слѣдствій, мѣстами заключеній — вотъ кругъ обязанностей прокурорскаго надзора, кромѣ разсмотрѣнія и направленія уголовныхъ дѣлъ. Вѣроятно всѣ эти обязанности исполняются и прокуратурою названныхъ четырехъ судовъ; но мы сильно сомнѣваемся, чтобы обязанности эти исполнялись тамъ надлежащимъ образомъ. Положеніе прокуратуры въ этихъ судахъ тѣмъ затруднительнѣе, что она не можетъ имѣть даже и временной, случайной помощи отъ кандидатовъ на судебныя должности, — помощи, какую получаетъ, напр., прокуратура обоихъ столичныхъ судовъ, а также харьковскаго, одесскаго, казанскаго и ярославскаго; ибо начинающіе юристы едва ли отправятся на даровую дѣятельность въ такія мѣста, какъ Сарапулъ, Екатѣринбургъ и Вятка. Очевидно, что тутъ помочь бѣдѣ нѣтъ другаго средства, какъ увеличить число рабочихъ силъ надзора назначеніемъ новыхъ товарищей прокурора. Но — какъ увеличить? Намъ казалось бы, что назначать добавочныхъ товарищей прокурора прямо въ опредѣленные суды нѣтъ надобности. Въ этомъ отношеніи можно бы воспользоваться мыслию, которая уже пригнѣнана отчасти въ судебнымъ слѣдователямъ и мировымъ судьямъ, именно — назначить «запасныхъ» товарищей прокурора въ каждый округъ судебной палаты, съ тѣмъ, чтобы они получали отъ прокурора палаты временныя назначенія въ тѣ суды, которые въ данный моментъ оказываются наиболѣе въ томъ нуждающимися: по временному ли отсутствію штатныхъ чиновъ надзора или по значительной прибыли дѣлъ, съ которыми не можетъ справиться штатное число товарищей прокурора. Это было бы тѣмъ болѣе полезно, что запасные товарищи прокурора суда могли бы въ нужныхъ случаяхъ исполнять и тѣ особыя

перученія прокуроровъ палаты по производству дознаній на основаніи закона 1871 года, которыя теперь часто возлагаются на общую прокуратуру судовъ въ ущербъ прямымъ ей обязанностямъ и притомъ безъ соображенія специальныхъ способностей и познаній отдѣльныхъ лицъ. Новый же расходъ государственнаго казначейства на эти должности могъ бы ограничиться весьма ничтожною суммою, такъ какъ при этомъ не только можно, но и непременно слѣдовало бы упразднить двѣ три должности штатныхъ товарищей прокурора петербургскаго суда ¹⁾, столько же должностей въ судѣ московскомъ, да хоть по одной—въ судахъ: казанскомъ и нижегородскомъ, которые также обставлены въ этомъ отношеніи, кажется, черезъ-чуръ уже роскошно. Во всякомъ же случаѣ, помощь прокуратуръ названныхъ выше четырехъ окружныхъ судовъ, въ такой или иной формѣ, оказать слѣдовало бы; иначе учрежденіе это — какъ бы ни были энергичны и опыты отдѣльные члены его — не можетъ вполне удовлетворять своему назначенію въ указанныхъ мѣстахъ.

Производство дѣлъ во всѣхъ 6-ти судебныхъ палатахъ, въ качествѣ обвинительной камеры, не оставляетъ ничего лучшаго желать,—съ внѣшней, разумѣется, стороны. 98% изъ производившихся въ палатахъ дѣлъ окончены и опредѣленія по нимъ обращены въ исполненію, причемъ разница въ этомъ отношеніи между отдѣльными палатами—самая незначительная. Наибольшій остатокъ дѣлъ (5%) дала палата петербург-

¹⁾ Два товарища прокурора этого суда и нынѣ находятся въ постоянной командировкѣ: одинъ—при прокурорѣ палаты для особыхъ порученій, о которыхъ сказано выше, а другой — при варшавскомъ оберъ-полицеймейстерѣ въ качествѣ юрисконсульта по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ. Но, кромѣ этихъ двухъ, можно бы, безъ малѣйшаго ущерба для дѣлопроизводства, упразднить еще по крайней мѣрѣ одного изъ такъ-называемыхъ „камерныхъ“ товарищей прокурора (напр., завыдывающаго исполненіемъ приговоровъ и опредѣленій), обязанности котораго легко можно бы распределить между остальными „камерными же“.

ская, но все-таки и здѣсь остались неразмощрѣнными лишь дѣла, поступившія въ самомъ концѣ отчетнаго года.

Но этотъ чрезмѣрный успѣхъ въ движеніи дѣлъ въ обвинительной камерѣ невольно какъ-то приводитъ въ смущеніе при сопоставленіи его съ вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ тщательно разсматриваются палатами дѣла и прокурорскія по нимъ заключенія. Въ печати не разъ уже раздавались голоса, будто дѣятельность нѣкоторыхъ палатъ въ этомъ отношеніи ограничивается наложеніемъ на обвинительные акты и заключенія о прекращеніи *штемелей* объ утвержденіи этихъ актовъ и заключеній. И это нареваніе находитъ, пожалуй, нѣкоторую поддержку въ данныхъ «свода». Въ самомъ дѣлѣ, по разрѣшеннымъ обвинительными камерами дѣламъ разсмощрѣно въ отчетномъ году 40,791 заключеніе прокурорскаго надзора, и изъ нихъ только 5% измѣнено, а остальные 95% удостоены утвержденія, причемъ въ нѣкоторыхъ палатахъ % измѣненныхъ заключеній упадаетъ до 3 (въ харьковской и саратовской), а въ одесской даже до 2; наибольшій же процентъ измѣненныхъ заключеній (9½) дала палата «наименьше успѣшная» съ точки зрѣнія скорости производства дѣлъ, т.-е. петербургская. Единомысліе обвинительной камеры съ прокуратурою дѣлается еще болѣе загадочнымъ, когда сопоставишь дѣятельность палатъ въ качествѣ обвинительной камеры съ дѣятельностію этого же учрежденія въ качествѣ апелляціонной инстанціи. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ палаты оказываются, какъ уже было замѣчено выше, самою отсталою инстанціею по быстротѣ производства дѣлъ, но за то онѣ являются тутъ не въ примѣръ взыскательнѣе и разборчивѣе, чѣмъ въ качествѣ обвинительной камеры. Изъ всѣхъ разсмощрѣнныхъ въ отчетномъ году приговоровъ окружныхъ судовъ утверждено только 55%, а 45% измѣнено. Неужели же прокуратура окружныхъ судовъ правильнѣе составляетъ заключенія о направленіи дѣлъ, чѣмъ сами суды — приговоры? Вѣдь «заключенія» пишутся исключительно товарищами прокурора окруж. суда, т.-е. людьми почти повсемѣстно очень еще молодыми и не Богъ знаетъ насколько

опытными въ судебномъ дѣлѣ, людьми, притомъ, что бы тамъ ни говорили о «безпристрастїи» — болѣе или менѣе односторонними во взглядѣ на дѣло. Между тѣмъ, приговоры суда постановляются въ составѣ не менѣе какъ 3-хъ лицъ, ужъ ни въ какомъ случаѣ не уступающихъ въ судейской опытности низшимъ чинамъ прокурорскаго надзора, да притомъ и съ участіемъ этого же надзора. Казалось бы, большая вѣроятность основательности и правильности именно здѣсь, а не въ прокуратурѣ; между тѣмъ, результаты дѣятельности судебныхъ палатъ приводятъ какъ будто къ противоположному выводу.

Обратимъ вниманіе на незначительный процентъ измѣненныхъ палатами заключеній прокуратуры по отчету за предъидущій годъ, одна адѣйшняя газета пришла къ выводу, что судебныя палаты, какъ обвинительная камера — учрежденіе совершенно лишнее, и что прокурорскій надзоръ нашъ достаточно уже зрѣлъ и опытенъ, чтобы дѣйствовать самостоятельно, внѣ контроля особаго и притомъ очень дорого стоящаго учрежденія. И дѣйствительно, стоитъ-ли, казалось бы, содержать 6 председателей, 36 членовъ, 6 прокуроровъ и 17 товарищей прокурора палаты въ шести округахъ (содержаніе ихъ, не считая канцеляріи, обходится государству ежегодно 260,000) изъ-за какихъ-нибудь 1800 дѣлъ почти на всю внутреннюю Россію, по которымъ прокурорскимъ надзоромъ предположено было неправильное или неосновательное преданіе суду или прекращеніе дѣла? Вѣдь это приходится всего по 5-ти ошибокъ въ годъ на каждое лицо прокурорскаго надзора окружныхъ судовъ, да и то, конечно, потому, что товарищи прокурора теперь повсемѣстно дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи внѣ надзора и контроля со стороны самихъ прокуроровъ. Но не смотря ни на что, мы ни въ какой мѣрѣ не раздѣляемъ мнѣнія упомянутой газеты о возможности вовсе упразднить наши обвинительныя камеры. Возможно, конечно, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ прокуратура наша приобрететъ столько опытности и, главное, *независимости* въ сужденіи по уголовнымъ дѣламъ, что окончательному рѣшенію ея можно

будетъ ввѣрить и столь важный актъ, какъ преданіе даннаго лица суду. Но въ настоящее время мы считаемъ возбужденіе вопроса по этому предмету по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ. Какъ ни рѣдки случаи отмѣны палатами прокурорскихъ заключеній, но случаи эти все-таки встрѣчаются; прокуратура не можетъ, слѣдовательно, разсчитывать на вѣрняка, что на заключеніе ея будетъ положенъ «штемпель» безъ повѣрки заключенія съ актами предварительнаго слѣдствія; а это уже само по себѣ представляетъ весьма существенную гарантію правильности преданія суда, по крайней мѣрѣ, для того, кто придаетъ важность этому акту и пожелаетъ такъ или иначе (напр. подачею особой записки въ палату) оспаривать прокурорское мнѣніе по его дѣлу. На одной изъ нашихъ окраинъ есть уже полновластная въ этомъ отношеніи прокуратура окружныхъ судовъ; только свѣдущіе въ дѣлахъ этой окраины люди утверждаютъ, что дѣйствующій тамъ порядокъ преданія суду крайне неудобенъ и для суда и для публики. Объ этой окраинѣ мы поговоримъ, впрочемъ, какъ-нибудь особо; а здѣсь упоминаемъ о ней лишь въ слову, лишь съ цѣлью напомнить, что возбуждаемый упомянутою выше газетою вопросъ можетъ уже получить у насъ разрѣшеніе не по апріористическимъ только соображеніямъ, но и на основаніи опыта.

Что касается состоянія дѣлопроизводства въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи, то къ сказанному уже нами выше объ этихъ инстанціяхъ намъ остается добавить здѣсь лишь весьма немногое.

О дѣятельности окружныхъ судовъ составители «свода» замѣчаютъ, что «дѣлопроизводство въ нихъ, по сравненію съ судебными слѣдователями и прокурорскимъ надзоромъ, представляется менѣе удовлетворительнымъ, такъ что желательно болѣе быстрое разрѣшеніе дѣлъ». Но это замѣчаніе едва-ли можно признать правильнымъ, если принять въ соображеніе всѣ условія, въ которыхъ находится и не можетъ не находиться у насъ производство дѣлъ въ этой инстанціи. Въ

самомъ дѣлѣ, составителей «свода» смущаетъ то обстоятельство, что $13\frac{1}{2}\%$ дѣлъ производились въ окружныхъ судахъ болѣе полугода; причемъ изъ нихъ $3\frac{1}{2}\%$ даже болѣе года. Но вѣдь что это за дѣла? Чѣмъ объясняется медленность ихъ производства, если $40\frac{1}{2}\%$ дѣлъ въ той же инстанціи не ждутъ рѣшенія и полнаго мѣсяца? Очевидно, что это дѣло, рѣшеніе которыхъ откладывалось, да можетъ быть и не разъ—по неявкѣ на судъ подсудимыхъ, находящихся на свободѣ, по розысканію необходимыхъ свидѣтелей, за неполученіемъ справокъ о возрастѣ или званіи подсудимаго и т. п., или, наконецъ, дѣла, по которымъ требовались сложныя приготовительныя распоряженія; напр. дѣла, въ которыхъ былъ возбужденъ вопросъ о состояніи умственныхъ способностей подсудимыхъ, вслѣдствіе чего сами подсудимые были помѣщены предварительно въ больницу для испытанія и наблюденія. Словомъ, это дѣла, которыя, при какой хотите энергіи со стороны суда, не могли получить болѣе скорого разрѣшенія. За то какая быстрота въ разрѣшеніи остальныхъ дѣлъ! Съ трудомъ вѣрится, что мы дожили, наконецъ, до такого судебного строя, при которомъ $86\frac{1}{2}\%$ дѣлъ получаютъ въ судахъ окончательное рѣшеніе менѣе чѣмъ въ полгода. Надо же при этомъ имѣть въ виду, что огромное количество изъ этихъ дѣлъ разрѣшаются на самомъ мѣстѣ ихъ возникновенія, или по крайней въ уѣздномъ городѣ той мѣстности, выѣздными отдѣленіями суда; выѣзды же не могутъ назначаться чаще какъ 3 раза въ годъ, ибо они сдѣлались бы въ такомъ случаѣ страшно обременительными и для казны и для присяжныхъ засѣдателей; слѣдовательно, всѣ дѣла, которыя поступаютъ въ судъ во время сессіи его въ томъ городѣ, въ которомъ должны быть заслушаны, по необходимости откладываются по крайней мѣрѣ на четыре мѣсяца, т.-е. до слѣдующей сессіи. Мы думаемъ, поэтому, что желаніе «видѣть болѣе быстрое разрѣшеніе дѣлъ окружными судами» вовсе не было бы высказано составителями «свода», если бы они къ имѣющимся уже рубрикамъ о производствѣ дѣлъ прибавили еще одну, и весьма существенную—именно о числѣ несостоявшихся судебныхъ засѣданій

или о количествѣ дѣлъ, разсмотрѣніе которыхъ было отложено по одной изъ указанныхъ нами выше причинъ. Тогда ясно было бы, что о винѣ судовъ за медленность производства $3\frac{1}{2}\%$ дѣлъ, пролежавшихъ въ судахъ болѣе года, не можетъ быть и рѣчи. Мы убѣждены даже, что и въ числѣ дѣлъ, производившихся отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ (20% всего количества рѣшенныхъ въ 1875 г. дѣлъ) едва-ли есть и сотая часть такихъ, по которымъ засѣданія назначались судами только 1 разъ.

Одинъ только одесскій округъ заслуживаетъ, и по нашему мнѣнію, нѣкотораго упрека въ этомъ отношеніи. Суды этого округа дали всего $22\frac{1}{2}\%$ дѣлъ, производившихся менѣе 1 мѣсяца и 23% производившихся болѣе $\frac{1}{2}$ года. Въ сравненіи съ другими округами, и въ особенности съ казанскимъ ($55\frac{1}{2}\%$ менѣе мѣсяца и только 6% болѣе $\frac{1}{2}$ года) эти цифры должны быть признаны дѣйствительно неудовлетворительными.

Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать здѣсь о степени обремененности дѣлами каждаго изъ окружныхъ судовъ отдѣльно и о зависимости быстроты производства въ нихъ отъ количества рабочихъ силъ, такъ какъ въ «сводѣ» нѣтъ свѣдѣній о числѣ членовъ уголовныхъ отдѣленій каждаго изъ судовъ даже и по штатамъ. Это весьма существенный пробѣлъ «свода», который желательно было бы видѣть въ свѣдующихъ выпускахъ пополненнымъ.

О состояніи дѣлопроизводства въ судебныхъ палатахъ, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, мы уже говорили выше. Въ этомъ своемъ качествѣ палаты идутъ къ «накопленію», причемъ накопленіе это должно быть отнесено исключительно на счетъ вины бѣдствующаго состава палатъ. Въ самомъ дѣлѣ, условія, тормозящія быстрый ходъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ, для палатъ не существуютъ: присутствіе подсудимаго въ палатѣ обязательно, свидѣтели почти никогда туда не призываются, выѣздовъ для рѣшенія дѣлъ палаты не имѣютъ, необходимыя къ дѣлу справки о личности подсудимаго — всегда на лицѣ. Но чтó въ особенности важно — въ палаты поступаетъ столь ничтожное количество апелляціонныхъ дѣлъ (556 на всѣ шесть

палатъ), что для доклада ихъ и изготовленія приговоровъ въ окончательной формѣ слишкомъ много имѣть даже и по одному члену въ каждой палатѣ. Очевидно, такимъ образомъ, что единственная причина накопленія дѣлъ этого рода — равнодушіе самихъ палатъ къ судьбѣ этихъ дѣлъ. Правда, апелляціонныя дѣла въ палатахъ, въ весьма немногихъ исключеніяхъ, мало-важны по своему предмету. Но какъ бы ни были незначительны преступленія, изъ-за которыхъ поднимаются эти дѣла, все же это дѣла живыя, — дѣла, въ которыхъ непременно есть и потерпѣвшіе и подсудимые, слѣдовательно, дѣла, которыя требуютъ значительно большаго о нихъ попеченія, чѣмъ тѣ, по которымъ прекращаются предварительныя слѣдствія «по недостатку уликъ», за исключеніемъ развѣ тѣхъ изъ послѣднихъ, по которымъ подсудимые содержатся (и, къ сожалѣнію, весьма нерѣдко) подѣ стражею; а между тѣмъ, изъ апелляціонныхъ дѣлъ осталось въ палатахъ неразрѣшенныхъ въ 1876 году 30%, тогда какъ изъ дѣлъ, представленныхъ въ тѣ же палаты въ качествѣ обвинительной камеры, не получили штемпеля объ утвержденіи только 2%.

На этомъ намъ слѣдовало бы, согласно первоначальному предположенію, и окончить обзоръ дѣлопроизводства въ судебныхныхъ учрежденіяхъ за 1875 годъ. Но въ «сводѣ» есть еще одна категорія данныхъ, которую трудно обойти молчаніемъ потому, что дѣятельность новыхъ судовъ съ этой стороны возбуждаетъ всеобщее вниманіе нашей прессы и публики. Мы говоримъ объ *относительной репрессивности разныхъ органовъ уголовнаго суда*. Въ этомъ отношеніи «сводъ» представляетъ слѣдующія данныя:

Всѣхъ лицъ, о которыхъ произнесены въ отчетномъ году приговоры судебныхныхъ установленій, было 37,480. Изъ нихъ судились въ окружныхъ судахъ съ присяжными засѣдателями 29,765 человекъ (т.-е. 79,42% общаго количества подсудимыхъ); въ окружныхъ судахъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей 7087 человекъ (т.-е. 18,91%), а въ судебныхныхъ палатахъ 628 человекъ (т.-е. 1,68%). По окончательнымъ судебнымъ приговорамъ изъ этого общаго числа подсудимыхъ оправ-

дано 12,779, что составляет 34,10%. Колебание же % оправдательных приговоров по различію органовъ суда въ отчетномъ году выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: по дѣламъ, рассмотрѣннымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, оправдано 36,33%; окружными судами безъ присяжныхъ засѣдателей—24,72%, и судебными палатами—33,76%.

Изъ сравненія этихъ цифръ оказывается, что наибольшая вѣроятность оправданія, какъ и по предыдущимъ отчетамъ, существуетъ для подсудимыхъ, дѣла которыхъ разсматриваются въ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, наименьшая—для подсудимыхъ, выступающихъ передъ окружными судами безъ участія присяжныхъ, средняя—для тѣхъ, которые судились въ судебныхъ палатахъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, какъ многіе полагаютъ, будто присяжные вообще болѣе склонны «миловать» подсудимыхъ, чѣмъ коронные судьи. Колебание % оправдательныхъ приговоровъ по различію органовъ суда зависитъ, какъ совершенно основательно замѣчаютъ и составители «свода», отъ преобладающаго характера преступленій, подлежащихъ вѣдомству каждой категоріи судовъ. Такъ, въ окружныхъ судахъ безъ присяжныхъ засѣдателей, судились, между прочимъ, за бродяжество 1136 лицъ, т.-е. 16% всего количества судившихся въ судѣ безъ присяжныхъ. Но оправдательные приговоры по дѣламъ этого рода, по самому свойству этихъ дѣлъ, почти не мыслимы. И дѣйствительно, оправданныхъ, т.-е. открывшихъ на судѣ свое званіе и мѣстожителство, оказывается только 13 человекъ, т.-е. 1 $\frac{1}{2}$ %. Если же обвинительные приговоры о бродягахъ, постановленные судами безъ присяжныхъ, въ расчетъ не принимать, то окажется, что репрессія судовъ безъ присяжныхъ относилась въ отчетномъ году къ репрессіи самихъ присяжныхъ какъ 39:36 $\frac{1}{2}$ %. Съ другой стороны, суду присяжныхъ засѣдателей предаются, между прочимъ, лица, обвиняемые въ такихъ преступленіяхъ, которыя давно уже слѣдовало бы вычеркнуть изъ уложенія или по крайней мѣрѣ обложить гораздо болѣе слабыми наказаніями, чѣмъ они обложены нынѣ. Таковы, напр., нарушенія правилъ о паспортахъ, сокрытіе мертво-

рожденных и оставленіе безъ помощи новорожденныхъ дѣтей ихъ матерями и т. п. Совѣсть присяжныхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не позволяетъ имъ произносить обвинительные приговоры по дѣламъ этого рода. И действительно, изъ числа лицъ, преданныхъ суду по обвиненію въ названныхъ сейчасъ трехъ преступленіяхъ, оправдано присяжными болѣе $\frac{1}{3}$, и именно 57%.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, (а процентъ оправданныхъ судомъ всѣхъ наименованій все-таки слишкомъ значителенъ, даже если и не принимать вовсе въ расчетъ преступленій, на особыя свойства которыхъ мы сейчасъ указали. Въдѣ всѣхъ обвиняемыхъ, о которыхъ въ отчетномъ году рассмотрѣны дѣла палатами и судами, было 108,266 недочѣвъ; изъ нихъ, какъ уже сказано, дошли до суда только 37,480, т. е. почти одна треть; да еще и изъ этого числа оправдана въ общей сложности также дѣлая третья часть. Гдѣ же искать причинъ этого явленія? Подробныя разсужденія по этому предмету завели бы насъ слишкомъ далеко; но кажется, что уже и на основаніи того, что сказано нами выше, такихъ причинъ безошибочно можно назвать три: ответственность удоченія о наказаніяхъ, чрезмѣрное обремененіе дѣлами значительнаго большинства судебныхъ слѣдователей и вообще неудовлетворительное состояніе у насъ слѣдственной части, и наконецъ слишкомъ снисходительное отношеніе обвинительной замеры къ прокурорскимъ заключеніямъ о преданіи суду.

II.

7-го мая утверждены общимъ собраніемъ членовъ юридическаго общества при здѣшнемъ университетѣ правила дѣлопроизводства въ отдѣленіяхъ этого общества. Правила эти слѣдующія: 1) предложенія о разрѣшеніи спорныхъ или сомнительныхъ вопросовъ права вносятся въ общество не иначе, какъ черезъ редакціонный комитетъ подлежащаго отдѣленія, въ письменной формѣ, съ краткимъ изложеніемъ мотивовъ и

предполагаемымъ референтомъ рѣшеніемъ, а также съ указаніемъ—по возможности—источниковъ и литературныхъ пособій, могущихъ служить къ правильному разрѣшенію вопроса, составляющаго предметъ предложенія. *Примѣчаніе.* Желаящій сдѣлать сообщеніе обществу о какомъ-либо интересномъ въ юридическомъ отношеніи фактѣ изъ области науки, судебной или законодательной практики, представляетъ комитету программу сообщенія. 2) Если комитетъ признаетъ предложеніе или сообщеніе подлежащимъ разсмотрѣнію общества, то о времени назначенія ихъ къ слушанію извѣщаетъ референтомъ и озабочивается присканіемъ оппонентовъ. 3) Въ отсутствіе референта, живущаго въ Петербургѣ, разсмотрѣніе предложенія его имѣть мѣста не можетъ. Докладъ же и защиту рефератовъ и сообщеній, представляемыхъ иногородними, комитетъ поручаетъ одному изъ своихъ членовъ, или приглашаетъ для этого особое лицо изъ дѣйствительныхъ членовъ общества. 4) О засѣданіяхъ отдѣленій дѣйствительные члены и члены-сотрудники, проживающіе въ Петербургѣ, извѣщаются новѣстками, въ которыхъ означается: время и мѣсто засѣданія и предметъ обсужденія. 5) Лица, желающія участвовать въ преніяхъ по извѣстному вопросу, записываются у предсѣдательствующаго въ отдѣленіи, который и опредѣляетъ очередь объясненій. По выслушаніи объясненій всѣхъ записавшихся, желающимъ изъ нихъ можетъ быть снова предоставлено слово въ томъ же порядкѣ. 6) Предсѣдательствующій, признавъ предметъ преній достаточно выясненнымъ, предлагаетъ вопросы, которые разрѣшаются голосованіемъ. 7) Сущность преній по каждому изъ предложеній и окончательное заключеніе отдѣленія излагаются въ протоколѣ, который составляется секретаремъ отдѣленія и подписывается комитетомъ. 8) Протоколы эти печатаются по усмотрѣнію комитета, вполнѣ или въ извлеченіи. 9) Каждое засѣданіе открывается чтеніемъ протокола предыдущаго засѣданія. 10) Въ тѣхъ случаяхъ, когда предсѣдательствующій въ отдѣленіи является референтомъ или оппонентомъ, — наблюденіе за порядкомъ преній принадлежитъ товарищу предсѣдательствующаго.

При обсужденіи этихъ правилъ возбужденъ былъ, между прочимъ, споръ о томъ, слѣдуетъ ли допускать баллотировку вносимыхъ на обсужденіе общества юридическихъ вопросовъ?

Авторитетъ рѣшеній общества—говорили противники баллотировки—можетъ и долженъ основываться не на количествѣ голосовъ, присоединившихся къ тому или другому мнѣнію, а исключительно на аргументаціи членовъ, поддерживавшихъ эти мнѣнія. Протоколы общества могутъ имѣть значеніе для постороннихъ ему лицъ и учреждений лишь настолько, насколько убѣдительно изложенные въ нихъ доводы, приводимые за или противъ такого или иного рѣшенія вопроса. Независимо отъ этого, постановляя резолюціи, общество можетъ придти въ столкновение съ другими учреждениями: судомъ, администраціею, даже органомъ законодательной власти, что конечно, крайне нежелательно. Наконецъ, баллотировка вопросовъ устранена уже въ настоящее время во многихъ заграничныхъ ученыхъ обществахъ, которые находятъ ее излишнею и даже вредною съ точки зрѣнія своихъ цѣлей.

Мнѣніе это, однако, отвергнуто огромнымъ большинствомъ наличныхъ членовъ общества, и отвергнуто, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: резолюціи общества—говорили защитники баллотировки—нужны не для того, чтобы придать большій авторитетъ его мнѣніямъ въ глазахъ постороннихъ лицъ и учреждений, а для самаго общества, для тѣхъ членовъ его, которые будутъ принимать дѣятельное участіе въ обсужденіи вопросовъ. Для этихъ послѣднихъ въ высшей степени важно знать, насколько убѣдительными найдены ихъ доводы большинствомъ членовъ общества, насколько они были правы или ошибались въ своихъ мнѣніяхъ на взглядъ постороннихъ лицъ. Узнать же это «говорившіе» члены могутъ не иначе, какъ посредствомъ баллотировки вопросовъ, такъ какъ высказываться всѣмъ наличнымъ членамъ по каждому вопросу часто не будетъ возможности да и надобности; ибо двумя-тремя обстоятельно мотивированными мнѣніями во многихъ случаяхъ вопросъ будетъ исчерпанъ до дна, такъ что остальнымъ членамъ пришлось бы или повторять уже сказанное, или

только заявлять, что они присоединяются вполне къ такому-то мнѣнію, т.-е. подавать только голосъ. О «столкновеніи» съ посторонними обществомъ учреждениями при этомъ не можетъ быть и рѣчи; ибо общество никому не навязываетъ своихъ мнѣній и вовсе не имѣетъ претензіи вліять на постороннія учреждения чѣмъ-либо инымъ, кромѣ убѣдительности доводовъ за такое или иное рѣшеніе вопроса. Да, кромѣ того, обсужденію общества будутъ подлежать, кромѣ вопросовъ чисто-практическихъ, множество такихъ, которыми названы выше «постороннія учреждения»: вовсе и не интересуются; таковы всѣ вопросы исключительно теоретическіе, — вопросы науки, исторіи права и т. п. Что же касается, наконецъ, примѣра заграничныхъ обществъ, то на него скорѣе можно указать какъ на аргументъ за баллотировку; ибо въ огромномъ большинствѣ обществъ подобная существуетъ съ давнихъ поръ и необходимость ея не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній.

Итакъ, всѣ вопросы, которые будутъ вносимы на обсужденіе общества, будутъ подвергаемы баллотировкѣ. Но каковы должны быть эти вопросы? «С. Петербургскія Вѣдомости» (кажется, единственная газета, тепло пріивѣтствовавшая возникновеніе этого новаго общества въ столицѣ) высказали желаніе; чтобы общество какъ можно меньше тратило времени и силъ на вопросы «назустическіе», мелкіе, а отдалось по преимуществу вопросамъ болѣе или менѣе широкимъ, вопросамъ теоріи права, науки. Раздѣляя и съ своей стороны мнѣніе названной газеты, что общество дѣйствительно принесетъ больше пользы въ томъ случаѣ, если будетъ *по преимуществу* заниматься разработкою теоретическихъ вопросовъ, мы думаемъ, однако, что *начинать* обществу слѣдуетъ во всякомъ случаѣ не съ этого. Въ самомъ началѣ дѣятельности общества едвали оно можетъ взяться за широкія задачи, и вотъ почему. Столичные юристы наши до сихъ поръ были совершенно разрознены, каждый работалъ (если работалъ) отдѣльно отъ другихъ у себя въ кабинетѣ; влѣдствіе этого, въ средѣ ихъ господствуетъ полная рознь мнѣній по самымъ основнымъ, такъ сказать азбучнымъ вопросамъ о методахъ разработки науки

и положительнаго законодательства, о правилахъ толкованія дѣйствующихъ законовъ, объ источникахъ права, которыми можетъ пользоваться судъ и вообще практическіе юристы при рѣшеніи дѣлъ и т. д. Спѣется же, или по крайней мѣрѣ выработать опредѣленные направленія въ этомъ отношеніи юристы могутъ только на вопросахъ небольшихъ, интерпретаціонныхъ или какъ-выразились «Спб. Вѣд.» — казуистическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, спросите послѣдовательно двухъ любимыхъ насъ нашихъ юристовъ-практиковъ, напр., о томъ, могутъ ли наши судьи, и если могутъ, то въ какой мѣрѣ, руководствоваться указаніями иностранныхъ законодательствъ по тѣмъ вопросамъ, которые не разрѣшаются нашими законами, и навѣрное будутъ получены два противоположные отвѣта. И это не потому, чтобы между нашими юристами были настоящіе «западники» и «славянофилы», а такъ себѣ, потому что до сихъ поръ ⁹10 юристовъ вовсе ничего не думали по этому вопросу, точно также какъ и по множеству другихъ вопросовъ, казалось бы, первой важности. Между тѣмъ, обсуждая практическіе вопросы права, юристы неизбежно должны будутъ столкнуться со всѣми этими, такъ сказать, «преюдиціальными» вопросами и придти въ отношеніи ихъ въ опредѣленнымъ и яснымъ выводамъ. Конечно, мнѣнія въ этомъ отношеніи будутъ разные; но тѣмъ лучше: споръ—самое лучшее средство дойти до истины. Когда же всѣ эти «первые» вопросы будутъ рѣшены, когда силы нашихъ юристовъ достаточно окрѣпнутъ въ спорахъ по этимъ вопросамъ, когда точно и сознательно обозначатся направленія западниковъ и патріотовъ въ юридическомъ отношеніи, тогда и только тогда общество можетъ съ дѣйствительною пользою для дѣла приступить и къ вопросамъ широкимъ; напр. къ обсужденію основныхъ задачъ предстоящей у насъ новой кодификаціи уголовныхъ и гражданскихъ законовъ; а пока пусть общество занимается разрѣшеніемъ такихъ (и во всякомъ случаѣ неспразднымъ) вопросовъ, какимъ оно посвятило свой трудъ въ первыхъ четырехъ засѣданіяхъ.

Не можемъ не высказать, при этомъ, одного пожеланія.

Было-бы крайне обидно, если бы пренія, происходящія въ обществѣ, не оставляли по себѣ никакого вещественнаго слѣда. Нужно сдѣлать ихъ достояніемъ всей юридической публики и всѣхъ вообще лицъ, интересующихся вопросами отечественнаго права, и во всякомъ случаѣ нужно спасти ихъ отъ забвенія со стороны самаго общества. А этой цѣли едва-ли могутъ исполнѣ служить протоколы общества, если они будутъ составляться лишь по замѣткамъ секретарей, безъ стенографовъ. Какъ бы ни былъ старателенъ секретарь и какою бы памятью онъ ни обладалъ, все же, не владѣя искусствомъ стенографа, онъ можетъ упустить изъ виду многое и даже существенное изъ того, что будетъ высказано членами общества по данному вопросу. Было-бы крайне желательно, поэтому, чтобы общество не поскупилося пригласить стенографовъ для составленія отчетовъ объ его засѣданіяхъ, тѣмъ болѣе, что средства общества, кажется, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, исполнѣ достаточны, чтобы удовлетворить этому скромному и исполнѣ законному желанію.

II. С.

БИБЛЮГРАФІЯ.

О приращеніи къ недвижимостямъ (Assesment). Монографія по гражданскому праву Лодовика Гленцкаго Юзефовича. Одесса, 1876 г.

Начинаетъ свое сочиненіе авторъ съ предисловія; въ немъ указывается, что онъ рѣшился написать свой трудъ, заключающій въ себѣ лишь выборку изъ существующаго матеріала по вопросу о правѣ приращенія, только потому, что чувствуется явный недостатокъ подобной монографіи въ литературѣ. Какую литературу, однако, имѣетъ въ виду г. Юзефовичъ? Вѣроятно не иностранную: онъ самъ приводитъ монографіи по занимающему его вопросу французскихъ юристовъ; слѣдовательно, русскую; но и относительно послѣдней можно указать на очень порядочное сочиненіе г. Тижнова, помѣщенное въ ученыхъ запискахъ казанскаго университета за 1858 годъ (книжки 1-я, 3-я и 4-я) и озаглавленное «О приращеніи по римскому праву сравнительно съ французскими и русскими законодательствами» (собственно о приращеніи къ недвижимостямъ трактуется въ книжкѣ 1-й, стр. 1—116, названныхъ записокъ). Можно пожалѣть, что этотъ трудъ не былъ извѣстенъ автору; онъ, можетъ быть, указалъ бы г. Юзефовичу иной путь обработки вопроса о приращеніи, да и сдѣлалъ бы самое сочиненіе его болѣе полезнымъ. Касательно метода обработки, изъ того же предисловія видно, что авторъ кладетъ въ основаніе своего анализа постановленія французскаго кодекса и, слѣдуя сравнительному методу,

сопоставляетъ ихъ съ началами римскаго и русскаго права. Впрочемъ, разборъ римскихъ и русскихъ законовъ относительно весьма незначителенъ и нельзя сказать, чтобы это обстоятельство относилось къ достоинствамъ сочиненія. Понятіе приращенія созрѣло на римской почвѣ; для правильной и всесторонней постановки вопроса о немъ, очевидно, остановиться подробнѣе на началахъ римскаго права было бы вовсе излишнимъ въ монографіи, подобной той, которую написалъ г. Юзefовичъ. Точно также никто не упрекнулъ бы автора за то, что онъ главнымъ своею вниманіе сосредоточилъ бы на постановленіяхъ X тома; вѣдь онъ, конечно, имѣлъ въ виду облегчить примѣненіе закона для русскихъ судей (г. Юзefовичъ прямо проводитъ отъ предположенія мысли, что его монографія должна устранивать затрудненія, которыя встрѣчаются при примѣненіи закона), а въ болѣе части русской имперіи действуетъ именно X томъ, нуждающійся въ обработкѣ, между тѣмъ какъ наполеоновъ кодексъ имѣетъ по всѣмъ юридическимъ вопросамъ, въ немъ затронутымъ, обширнѣйшіе комментарии. Такимъ образомъ мы не признаемъ основательнымъ, что авторъ останавливается преимущественно на французскомъ правѣ въ своемъ изслѣдованіи. Это неосновательность еще болѣе бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что вся нѣмецкая литература игнорируется авторомъ по отношенію къ данному вопросу: онъ не приодитъ, по крайней мѣрѣ, ни одного нѣмецкаго сочиненія, которое было бы ему известно, а между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкая литература многое бы могла высказать автору.

Сдѣлавъ замѣчанія относительно общей задачи разбора маго труда, посмотримъ теперь, какъ выполнилъ ее г. Юзefовичъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее себѣ поставилъ. Въ введеніи, слѣдующемъ за предисловіемъ, разъясняется планъ монографіи (отр. I—VI). Авторъ говоритъ объ объемѣ понятія приращенія; не останавливаясь на приращенія движимыхъ вещей (приращеніе движимой вещи къ движимой), онъ находитъ, что французскій гражданскій кодексъ неправильно относитъ къ приращенію случаи застройки (accessificatio)

и засаждения (*implantatio* art. 554 и 555). «Подъ этими случаями, говорит г. Юзефовичъ, нельзя понимать права приращенія; они истекаютъ изъ существа права собственности, потерпѣщаго внимательсва третьихъ лицъ. Здѣсь лица дѣйствуютъ сознательно, въ приращеніи соединеніе совершается непременно естественнымъ образомъ. Правило этихъ статей (по которому собственникъ земли получаетъ право собственности въ насажденных на его землѣ чужихъ растеніяхъ и выстроенныхъ изъ чужаго матеріала зданіяхъ) истекаетъ изъ начала полезности для сокращенія болѣе важнаго права, и физическое разъединеніе соединенныхъ вещей возможно; въ правѣ же приращенія нѣтъ возможности соединить то, что разъединилось» (стр. III). Оставляя въ сторонѣ туманность языка, мы не можемъ признать основательнымъ такое сильное ограниченіе понятія *accessio* (приращеніе). Оттого непременно приращеніе требуетъ соединенія естественнаго. Римское право для приращенія такого требованія не выставляетъ (ср. напр. fr. 198 D. de iur. arg...legatis XXXIV. 2) Какъ понимать невозможность физическаго отдѣленія соединившихся вещей? Вѣдь и домъ нельзя отдѣлить отъ земли, на которой онъ выстроенъ, безъ поврежденія, и растеніе, въ случаѣ *zatio*—засѣва, напр., нельзя высадить безъ того, чтобы не испортить его. Съ другой же стороны при *avultio* (наносѣ), считаемой авторомъ за случай приращенія (гл. III) или еще очевидно при приращеніи въ видѣ животныхъ, перешедшихъ на чужую землю (гл. VI), есть возможность физически отдѣлять полосу земли, или животное, соединившихся съ недвижимымъ имѣніемъ. Понятіе приращенія, съ тѣмъ содержаніемъ, которое ему обыкновенно дается, вовсе не мѣшало автору выбрать только тѣ его случаи, которые онъ хотѣлъ разсмотрѣть и ему вовсе не нужно было прибѣгать къ такому узкому опредѣленію этого понятія, чтобы оправдать объемъ разсматриваемаго вопроса. Гораздо вѣрнѣе въ этой же части введенія разрѣшаетъ г. Юзефовичъ вопросъ о приобрѣтеніи собственности въ плодахъ вещи (стр. II), но за то совершенно напрасно оставляетъ онъ безъ разрѣшенія вопросъ о томъ, есть ли

приращение способъ приобретения права собственности, или же его атрибутъ; соглашаясь съ мнѣніемъ Мурлона, онъ находитъ, что въ сущности все равно, будетъ ли право приращенія способомъ приобретения права собственности, или его атрибутомъ (стр. I и II), но это «въ сущности все равно» нисколько не подвигаетъ разрѣшенія впередъ, и вопросъ по прежнему остается открытымъ: которое же понятіе болѣе вѣрно? За изложениемъ плана слѣдуетъ во введеніи историческій обзоръ права приращенія къ недвижимостямъ, составленный по сочиненію фр. юриста Шардона; оканчивается введеніе изложеніемъ источниковъ и французской литературы вопроса. Главную роль въ литературѣ играетъ для г. Юзефовича Chardon, *traité de droit d'alluvion*, Paris, 1830. Можно сказать, что по Шардону составлена разбираемая монографія. Послѣ введенія идутъ 8 главъ, въ которыхъ рассматривается право приращенія вообще и отдѣльные случаи права приращенія къ недвижимостямъ. Глава 1-ая посвящена понятію права приращенія и основаніямъ этого права (стр. 1—4). Уже изъ сказаннаго выше ясно, что авторъ не могъ дать правильнаго опредѣленія понятію права приращенія; онъ его слишкомъ суживаетъ (стр. 3). Однако, желая его отстоять, онъ не призналъ за приращеніе таковой намывъ, который образовался непосредственно отъ работъ, направленныхъ на образованіе этого приращенія; въ своемъ мнѣніи онъ расходится съ такимъ французскимъ цивилистомъ, какъ Демоломбъ и не смотря на то, что на сторонѣ послѣдняго вся юридическая логика, онъ вовсе не останавливается на опроверженіи положенія Демоломба (стр. 3). Въ этой же главѣ авторъ говоритъ о юридическихъ основаніяхъ права приращенія (стр. 4), но, кажется, онъ имѣетъ адѣсь въ виду лишь бытовую подкладку этого права, потому что *ratio juris*—основаніе права приращенія—одно: *res accessoria sequitur rem principalem*—придаточная вещь слѣдуетъ судьбѣ главной вещи. Въ главѣ второй (стр. 5—23) рассматривается намывъ—*alluvio*, авторъ разбираетъ условія, необходимыя для наличности намыва. Здѣсь между прочимъ онъ находитъ, весьма неопредѣленнымъ мнѣніе Демоломба, по которому ручеекъ, весьма

ничтожный, отдѣляющій данное недвижимое имѣніе отъ намывной земли, не препятствуетъ образованію намыва (стр. 7); самъ г. Юзефовичъ предлагаетъ вопросъ о томъ, можно ли считать ширину ручейка ничтожною, или нѣтъ, разрѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особо, смотря по ширинѣ рѣки; такое общее положеніе совершенно вѣрно, но неудобнымъ представляется намъ примѣръ, приводимый имъ, что при образованіи намыва ширина ручейка должна быть отъ 3—5 футовъ; (ib) неопредѣленность не устранена и здѣсь надлежащимъ образомъ, основательнѣе бы было опредѣлить ширину ручейка извѣстнымъ отношеніемъ къ ширинѣ рѣки. На слѣдующей страницѣ (8-ой) авторъ останавливается на мнѣніи Шардона о томъ, что поверхность намыва должна быть выше той водной поверхности рѣки, которую она имѣетъ при самомъ сильномъ своемъ поднятіи; онъ соглашается съ этимъ мнѣніемъ и говорить далѣе, продолжая соглашаться съ положеніями Шардона, что намывъ, который не достигъ упомянутой высоты, есть только ожидаемый намывъ, которымъ хозяинъ прибрежной земли можетъ, впрочемъ, пользоваться, напр. косить траву, но не можетъ дѣлать того, что при такомъ максимумѣ (упомянутой высотѣ) воды могло бы угрожать противоположному берегу. Хотя работы и предохранительныя мѣры отъ заливанія онъ всегда вправе предпринимать на своемъ берегу; на намывѣ же онъ вправе дѣлать такія работы только тогда, когда онъ его приобрѣлъ, т.-е. когда намывъ возвысился надъ обыкновеннымъ максимумомъ уровня воды въ рѣкѣ. На стр. же 3 г. Юзефовичъ высказываетъ слѣдующее: «Шардонъ говоритъ, что пока приращеніе не приметъ постояннаго характера и не возвысится надъ обыкновеннымъ уровнемъ рѣки, до тѣхъ поръ береговой владѣлецъ не можетъ обременять его, или обсаживать растеніями для его укрѣпленія,—ибо хотя право приращенія уже существуетъ, но оно еще не установилось, такъ какъ вода могла только временно понизиться. Шардонъ идетъ еще далѣе и требуетъ, чтобы береговой владѣлецъ не касался образовавшагося намыва, ибо, по его мнѣнію, это можетъ вызвать перемену направленія теченія воды ко вреду другого собственника;

онъ утверждаетъ что растенія, которыми сама природа покрываетъ намывъ, достаточно будутъ охранять его отъ залигтія водою. Но какая же будетъ польза для собственника отъ такого приращенія? Вѣдь онъ имѣетъ право охранять то, что уже образовалось въ его пользу соотвѣтственными работами, онъ имѣетъ на это такое же право, какъ для охраненія своего берега. Если же работы, предпринимаемыя на образовавшемся приращеніи, угрожаютъ противоположному владѣльцу, то онъ съ своей стороны можетъ принять мѣры къ охраненію своего права. Не говоря о сомнительномъ достоинствѣ опроверженія авторомъ мнѣнія Шардона и его недостаточной удобопонятности, мы находимъ прямое противорѣчіе послѣднихъ его словъ съ тѣмъ, что онъ выставляетъ на стр. 8, гдѣ онъ признаетъ то, что раніе отвергалъ. Далѣе, занимаясь разсмотрѣніемъ медленности и незамѣтности какъ условій образованія намыва, авторъ находитъ, что это условіе не примѣнимо къ такимъ намывамъ (*gelais*—въ отличіе отъ *lois*), которые образуются отъ уменьшенія воды въ рѣкѣ, и относительно несудоходныхъ рѣкъ оправдываетъ свое положеніе тѣмъ, что эти намывы составляютъ часть дна, принадлежащаго прибрежнымъ владѣльцамъ, и еще тѣмъ (это уже касается всякихъ рѣкъ вообще), что при уменьшеніи воды въ рѣкѣ не нарушаются права другаго прибрежнаго собственника, какъ то бываетъ при уклоненіи воды (уклонившись отъ одного берега, вода заливаетъ другой, стр. 10). По отношенію къ послѣднему соображенію слѣдуетъ замѣтить, что нарушеніе права въ данномъ вопросѣ вовсе не играетъ самой важной роли, вовсе не имѣетъ такого рѣшающаго значенія, чтобы отъ него зависѣло самое понятіе намыва, и чтобы, сообразно съ тѣмъ, нарушаетъ ли, или не нарушаетъ права другихъ лицъ то или другое прибавленіе къ прибрежной землѣ, понятіе намыва или требовало медленности и постепенности, или нѣтъ. Мы увидимъ ниже, что авторъ медленность и постепенность самъ признаетъ существеннымъ признакомъ намыва вообще. Первое соображеніе г. Юзефовича относится только къ рѣкамъ несудоходнымъ, относительно же судоходныхъ вопросъ остается такимъ образомъ не-

выясненнымъ, да это и лучше во всякомъ случаѣ, чѣмъ видѣть право приращенія въ правѣ изъ обнаженное дно рѣки, которое, по мнѣнію г. Юзефовича, и безъ того принадлежитъ собственнику берега (какъ видно изъ только-что выставленнаго соображенія его). — Не признаетъ также онъ необходимости медленности и постепенности для образованія намыва и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ самъ законъ признаетъ ихъ; именно слова ст. 556 нап. кодекса и 428 X т. I ч., говорящія о такой медленности, авторъ считаетъ излишними (стр. 10). Съ такимъ положеніемъ автора нельзя согласиться. Для всякаго, знакомаго съ Римскимъ понятіемъ *alluvio* (намыва), нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что медленность и постепенность составляютъ характеристическія черты намыва; съ послѣднимъ, впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ согласенъ и самъ авторъ: на стр. 12-ой онъ опровергаетъ мнѣніе Демоломба; Демоломбъ приводитъ мысль, что намывъ, который образовался внезапно отъ уклоненія воды въ рѣкѣ, принадлежитъ собственнику берега, по аналогіи 559 ст. нап. кодекса, говорящей о случаѣ наноса — *avultio*. На это г. Юзефовичъ замѣчаетъ: по нашему мнѣнію, здѣсь нѣтъ ни малѣйшей связи, ибо основанія наноса совсѣмъ другія, чѣмъ намыва: если первый образуется внезапно, то второй *медленно*. — Авторъ останавливается и на разсмотрѣніи русскаго законодательства о намывѣ. Интересны выводы его, касающіеся статьи 426. Положенія этой статьи, по мнѣнію автора, не согласны съ требованіями теоріи, т.-е. она неправильно присуждаетъ внезапные намывы (которыхъ существенный признакъ есть медленность образованія?) въ собственность прибрежнаго владѣльца; гораздо основательнѣе правило ст. 563 нап. кодекса, говорящей о случаѣ оставленія или перемѣны русла; оно соответствуетъ вполнѣ требованіямъ теоріи, а по аналогіи съ ней внезапно образовавшійся намывъ отъ уклоненія воды долженъ идти въ пользу собственника, земля котораго залита этимъ уклоненіемъ. Но наше законодательство, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, слѣдуетъ въ этомъ вопросѣ начинать римскаго права и еще весьма большой вопросъ, что признается въ теоріи болѣе справедливымъ, начала ли, выстав-

ляемны римскимъ правомъ, или правила, провозглашаемны французскимъ гражданскимъ кодексомъ. Ниже, какъ мы увидимъ, авторъ, правда, старается оправдать 563 ст. и доказать ея преимущество передъ постановленіями Римскаго права (гл. IV), но приводимыя имъ соображенія по этому поводу вовсе не настолько убѣдительны (объ этомъ мы скажемъ тоже ниже), чтобы такъ категорически заявлять о согласіи 563 ст. нап. кодекса съ требованіями теоріи, что далеко не общепризнано.

Въ виду всего сказаннаго окончательные выводы, къ которымъ пришелъ г. Юзефовичъ относительно намыва (стр. 15), не могутъ нами быть признаны безъ ошибочными; кромѣ того, опредѣленіе намыва какъ присоединенія, образующагося естественнымъ образомъ не согласно съ тѣми случаями, признаваемыми самимъ авторомъ (стр. 2, 3, 8), въ которыхъ намывъ образуется вслѣдствіе работъ на рѣкѣ, слѣд. отчасти искусственнымъ образомъ. За условіями намыва, разобранными въ 1-мъ параграфѣ, идетъ во 2-мъ параграфѣ (стр. 15—23) этой же главы разсмотрѣніе такихъ видовъ намыва, которые не являются объектомъ права приращенія; сюда относится образованіе намывовъ въ ручьяхъ, озерахъ, прудахъ и моряхъ. Говоря о намывахъ въ прудахъ и озерахъ, авторъ приводитъ три различныхъ мѣтнія, которыми опредѣляется право на вознагражденіе собственника прибрежной земли, когда вода озера или пруда заливаетъ ее; не подвергнувъ критикѣ ни одного изъ нихъ (стр. 16 и 17), онъ присоединяется къ взгляду Демоломба, но мотивовъ такого присоединенія не выставляетъ (ib). Относительно морскихъ намывовъ онъ совершенно основательно считаетъ несправедливымъ постановленіе 557 ст. нап. код.: намывъ въ морѣ удлиняетъ берегъ, образуется лишняя часть земли, которая подъ понятіе морскаго берега не подходитъ; по праву приращенія она можетъ сдѣлаться собственностью пограничнаго съ морскимъ берегомъ владѣльца (стр. 19 in f.—22.). Но уже безъ всякаго основанія приписываетъ онъ нашему X тому этотъ болѣе справедливый взглядъ: въ немъ нѣтъ постановленій специальныхъ о морскомъ намывѣ, а изъ другихъ статей едвали вытекаетъ результатъ, полученный г. Юзефовичемъ. — Глава

третья говорить о наносѣ — *avultio* (стр. 24 — 28). Въ ней приводится сначала (стр. 24) текст *fr. 1 § 2 Dig. de Aq. R. D. XLI, 1*, какъ выражающій взглядъ римскаго права на наносъ; авторъ вовсе не упоминаетъ о томъ недоразумѣніи, которое породило это мѣсто по сравненію его съ § 21 *Ins. de reg. div. II, 1*, гдѣ слово *videtur*, замѣненное словомъ *videntur*, повело къ отрицанію *avultio*, какъ объекта приращенія (см. Манинцъ, *Cours de droit Romain* 3. ed. tome 1, pag. 599); мало того, чтеніе фрагмента дигестъ, котораго (чтенія) держится авторъ, указываетъ на то, что онъ присоединяется къ отрицательному направленію по вопросу объ *avultio*: онъ также читаетъ въ Дигестахъ *videntur* вмѣсто *videtur*, хотя черезъ нѣсколько страницъ онъ высказывается въ смыслѣ признанія права приращенія въ *avultio* по римскому праву (стр. 27 въ нач., стр. 28). Затѣмъ г. Юзефовичъ разсматриваетъ условія, требуемыя отъ намыва; ихъ даетъ ст. 559 *нап. кодекса*. Она между прочимъ указываетъ, что наносъ образуется изъ оторванной части прибрежнаго поля (*une partie du champ riverain*); г. Юзефовичъ придаетъ этимъ словамъ болѣе широкій смыслъ, нежели который въ нихъ заключенъ; съ ея точки зрѣнія наносъ можетъ образоваться и не изъ прибрежной земли, онъ можетъ быть оторванъ, напр., гдѣ-либо далеко отъ берега во время наводненія и все-таки подойдетъ подъ понятіе статьи 559 (стр. 25); мы не видимъ, однако, основаній, по которымъ авторъ допускаетъ, подобное расширеніе смысла статьи 559; точно также не понятно для насъ, почему онъ слова разбираемой статьи, что наносъ относится къ полю нижележащему (нежели та земля, отъ которой онъ оторванъ) или къ противоположному берегу, — распространяетъ на всякую землю, къ которой присоединяется наносъ, будетъ-ли она находиться ниже, или выше того мѣста, отъ котораго земля оторвана (*ib*): опредѣленіе закона достаточно ясно, потому что трудно предположить, чтобы рѣка влекла вверхъ оторванный кусокъ земли. Совершенно правильнымъ считаетъ авторъ требованіе 559 ст., предоставляющее хозяину участка, отъ котораго оторванъ наносъ, право искать возвращенія этого наноса въ теченіи годичнаго срока

(стр. 26—28). Постановленіе же римскаго права, что срезъ права получить обратно наносъ опредѣляется моментомъ, когда деревья прибрежной земли пустятъ въ него корни, находить невидерживающимъ критикѣ и порождающимъ недоразумѣніи (ib.—отсюда же видно, что по взгляду автора римское право знаетъ право приращенія на наносъ,—см. выше), хотя такого своего мнѣнія ничѣмъ и не обосновываетъ. Тутъ же г. Юефовичъ весьма поверхностно касается мнѣнія Куація о томъ, что бывшій собственникъ наноса можетъ требовать вознагражденія за утерянную часть отъ лица, получившаго въ ней право собственности (стр. 27 in f.). Онъ говоритъ, что мнѣніе Куація противорѣчитъ справедливости и началамъ права приращенія, но никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ справедливости своихъ словъ не приводитъ, между тѣмъ все дѣло-то сводится къ тому, чтобы выяснитъ, что данное положеніе Куація дѣйствительно идетъ въ разрѣзъ съ требованіями справедливости и началами права приращенія; по нашему взгляду, напрямѣръ, ничего нѣтъ несправедливаго въ томъ, что, получивъ по праву приращенія извѣстный участокъ земли, собственникъ берега вознагради́лъ бы за это хозяина той земли, отъ которой участокъ оторванъ; всѣ тѣ сомнѣнія, которыя возбуждаются при правѣ приращенія къ недвижимостямъ началами, провозглашенными римскими юристами и повторенными за ними новѣйшими кодексами, и заключаются въ трудности примирить интересы хозяевъ земли, къ которой приростае́тъ новый кусокъ, и интересы тѣхъ землевладѣльцевъ, отъ земли которыхъ этотъ кусокъ оторванъ; тутъ-то кажется намъ право на вознагражденіе должно явиться именно средствомъ, примиряющимъ упомянутые интересы.—Глава четвертая (стр. 29—33) посвящена приращенію при перемѣнѣ русла рѣки. Содержаніе ея сводится къ зацитѣ 563 статьи нѣп. кодекса передъ началами римскаго права, которыя признаются и нашимъ десятымъ томомъ. Авторъ находитъ, какъ о томъ уже замѣчено выше, что статья эта, предоставляющая право собственности на оставленное русло рѣки тому владѣльцу, чье мнѣніе уклонившаяся рѣка заняла, — вполне согласнымъ съ требованіями

теоріи (стр. 30). Чтобы удостовѣриться, насколько высказываемое мнѣніе основательно и какіе серьезныя доводы необходимы для подтвержденія этой основательности, мы приведемъ замѣчаніе г. Тыжнова о статьѣ 563 нап. в. Приведа сначала ея содержаніе, г. Тыжновъ (въ упомянутомъ выше сочиненіи, книж. I, стр. 60 и 61) говоритъ: «слѣдовательно, по французскому праву вся потеря, весь вредъ и убытки приходится на долю тѣхъ лицъ, владѣнія которыхъ оставлены рѣкою. Для нихъ нѣтъ болѣе ни рыбной ловли, ни возможности орошенія полей, они теряютъ въ этомъ случаѣ и возможность строить мельницы, заводы и т. п. заведенія. Всѣ эти выгоды переходятъ къ тѣмъ лицамъ, которыя становятся сосѣдями рѣки. Уже это одно показываетъ, въ какой степени французское право отстало отъ римскаго относительно справедливости и интересовъ частныхъ собственниковъ». Затѣмъ г. Тыжновъ находитъ, что выгоды, предоставляемыя 563 статьею собственникамъ, на имѣніе которыхъ отклонилось русло рѣки, вовсе не равняется тѣмъ выгодамъ, которыя могли бы извлечь прибрежныя собственники въ силу примѣненія принципа римскаго права: объемъ и цѣнность участка земли собственниковъ, которые получаютъ приращеніе по 563 ст. нап. кодекса, вовсе оттого не увеличиваются. Чѣмъ же опровергаетъ г. Юзефовичъ эти убѣдительныя доказательства несостоятельности 563 ст.? Главный его аргументъ сводится къ тому, что смежность большихъ рѣкъ представляетъ болѣе опасности, нежели пользы, ибо непостоянство воды, разливы и подмывы, ею дѣлаемые, не могутъ уравновѣшиваться съ выгодами, ею доставляемыми (стр. 31). О достоинствѣ такого аргумента распространяться нечего, онъ говоритъ самъ за себя: спросите любого помѣщика, выгодно или невыгодно имѣть владѣніе на большой рѣкѣ, онъ всегда вамъ отвѣтитъ утвердительно. Самъ авторъ допускаетъ примѣненіе римскаго принципа къ оставленію и перемѣнѣ русла малыми рѣчками: здѣсь польза отъ смежности съ малою рѣчкою весьма велика, а занятое новымъ русломъ пространство незначительно (стр. 32). Также неосновательны и второстепенныя доводы, направленные авторомъ на опроверженіе

основательности римскихъ началъ (стр. 32 *in f.*). Мы на нихъ не будемъ сосредоточивать вниманія: они тоже, какъ и приведенный, убѣждаютъ насъ въ пристрастіи автора къ французскому праву. — Въ концѣ главы, авторъ предлагаетъ объясненіе ст. 428 и 429, X, 1; но оно, какъ намъ кажется, грѣшитъ тѣмъ, что подъ ст. 429 подводится случай, который подъ нее не подходитъ. Дѣло въ томъ, что 428 статья, слѣдующая началамъ римскаго права, предписываетъ, чтобы въ случаѣ, когда пограничная рѣка измѣнитъ внезапно свое теченіе, береговые пограничные собственники пользовались оставленнымъ русломъ каждый до половины ея. По взгляду автора непремѣннымъ условіемъ примѣненія этой статьи является внезапность перемѣны русла (стр. 33); если же измѣняется оно медленно, то должна быть примѣнена ст. 429, которая ссылаясь на 426 ст. предоставляетъ собственнику земли пользоваться всѣмъ оставленнымъ русломъ (*ib.*). Но обѣ статьи предвидятъ два совершенно различные случая и различіе ихъ вовсе не заключается въ медленности и внезапности перемѣны русла, а въ томъ, что ст. 428 говоритъ о пограничной рѣкѣ (на что авторъ вовсе не обратилъ вниманія), а ст. 429 о рѣкахъ большихъ, которыя пограничными не являются, что выясняется изъ ссылки ст. 429 на ст. 426. Такимъ образомъ, рассуждая неправильно, авторъ дѣлаетъ невѣрные заключенія о несправедливости ст. 429, сравнительно съ ст. 428 (*ib.*). — Глава пятая (стр. 34—45) рассматриваетъ приращеніе черезъ образование острова на рѣкѣ — *insula in flumine nata*. Сначала въ ней указываются условія, требующіяся для того, чтобы островъ сдѣлался объектомъ права приращенія (стр. 35 и 36 *вн.*), а потомъ разбирается спорный вопросъ французскаго права: на какомъ основаніи острова, образующіеся на судоходныхъ рѣкахъ, становятся собственностью государства, а на рѣкахъ несудоходныхъ — собственностью частныхъ лицъ (ст. 560 и 561 *нап. код.*, стр. 36—41). Относительно этого вопроса г. Юзефовичъ выставляетъ 4 различныхъ воззрѣнія на принадлежность дна рѣкъ государству и частнымъ лицамъ. Не подвергнувши двухъ изъ воззрѣній никакой удовлетворительной

опѣникѣ, онъ занимается особенно мнѣніемъ Демоломба, представляющимъ то положеніе, что дно какъ судоходныхъ, такъ и несудоходныхъ рѣкъ принадлежитъ государству по кодексу Наполеона. Самое вѣрное подтвержденіе своего мнѣнія Демоломбъ находитъ въ опредѣленіи ст. 563 (такъ думаетъ и г. Юсефовичъ — стр. 40); само государство распоряжается по ней русломъ рѣки, слѣд. оно принадлежитъ государству. Мы согласны съ авторомъ, что ст. 563 есть исключительная, и потому доказательствомъ справедливости мнѣнія Демоломба служить не можетъ, но должны вмѣстѣ съ тѣмъ сознаться, въ разрывѣ съ точкой зрѣнія автора, что исключительность эта ничѣмъ не можетъ быть оправдана, о чемъ уже говорено выше. Защищая далѣе положеніе, что островъ, образуемый на судоходной рѣкѣ принадлежитъ государству на томъ основаніи, что дно судоходныхъ рѣкъ, какъ и сами рѣки, принадлежитъ государству (стр. 36) и, опровергая мнѣніе Демоломба, авторъ совершенно игнорируетъ различіе между публичными и казенными имуществами: рѣка (а слѣд. и дно) принадлежитъ въ публичной собственности, государство пользуется ею не какъ частное лицо, — поэтому съ точки зрѣнія г. Юсефовича и островъ, являющійся на такой рѣкѣ, становится собственностью общественною, между тѣмъ по ст. 560 нап. кодекса нѣтъ сомнѣнія, что государство получаетъ его какъ частное лицо, въ собственность казны, такъ что можетъ и отчуждать его въ другія руки; ясно, что тутъ принадлежность дна не играетъ никакой роли, государство беретъ въ свою собственность имущество для того, чтобы облегчить пользованіе рѣкою, имуществомъ общественнымъ, частнымъ лицамъ (см. Aubry et Rau, Cours droit civil français 4 éd. tome 2, pag. 254. § 208, 28 ib.). Послѣ рѣшенія этого вопроса авторъ выставляетъ извѣстныя правила дѣленія острововъ между владѣльцами противоположныхъ береговъ и переходитъ въ ст. 427, X, 1. Статья эта имѣетъ въ виду исключительно пограничныя рѣки, авторъ же стремится вывести изъ нея правила для образованія острововъ на всякихъ рѣкахъ (стр. 43), — нельзя согласиться съ такими обобщеніями его: дѣлать ихъ нѣтъ никакого основанія. Что касается вопроса,

кому принадлежит дно рѣкъ, то намъ кажется самымъ правильнымъ признать право собственности на него прибрежныхъ владѣльцевъ, какова бы ни была рѣка, судоходная (съ этимъ не согласенъ г. Юзефовичъ) или несудоходная (это онъ признаетъ); только въ несудоходной она принадлежит по праву собственности, а въ судоходной по праву приращенія. Выставленные положенія согласны съ духомъ ст. 429 и 426, X, 1. Островъ, образующійся на рѣкѣ судоходной и соединенный съ дномъ рѣки, представляетъ какъ бы оставленное рѣкою дно ея и въ силу права приращенія также принадлежит прибрежнымъ собственникамъ. Таковъ, по нашему взгляду, смыслъ законодательства и прибѣгать въ объясненіе принадлежности такого острова частнымъ владѣльцамъ къ предположенію уступки со стороны государства, какъ то дѣлаетъ г. Юзефовичъ (стр. 43), нѣтъ надобности. Въ шестой главѣ (стр. 46 и 47) помѣщается разборъ 564 ст. зап. кодекса (а не 565, какъ обозначено въ сочиненіи, 47), гдѣ говорится о приращеніи въ видѣ животныхъ, перешедшихъ на чужую землю. Мы уже замѣтили выше, что собственно подобнаго рода приращеніе не подходитъ подъ понятіе его, выработанное авторомъ (стр. 3). Седьмая глава (стр. 48 — 56), о дѣлѣжѣ приращеній, черпнута цѣликомъ изъ указаннаго сочиненія Шардона. Въ трудѣ г. Тыжнова вопросъ о дѣленіи приращеній разработанъ подробнѣе (кн. I, уч. зап., стр. 88 — 116), также по Шардону; къ этой главѣ у г. Юзефовича приложены таблицы, которыя будутъ способствовать пониманію изложеннаго лишь тогда, когда на нихъ точнѣе по отношенію къ тексту будетъ обозначенъ каждый представленный случай дѣленія. Держась Шардона, авторъ, впрочемъ, предлагаетъ сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ способъ дѣленія, выставляемомъ этимъ послѣднимъ: такъ какъ дѣло идетъ о распредѣленіи приращеній между пограничными прибрежными собственниками, то французскій юристъ предлагаетъ дѣлить приращенія, продолжая граничныя линіи по направленію къ рѣкѣ: все, что будетъ находиться между этими линіями, и будетъ принадлежать дачѣ, пограничныя линіи которой продолжены (стр. 52

и 53). Это положеніе г. Юзефовичъ полагаетъ справедливымъ измѣнить въ томъ смыслѣ, что пограничныя линіи должны быть продолжаемы по общему преобладающему направленію ихъ, а не по тому (стр. 51), которое онѣ имѣютъ у берега, какъ предполагаетъ Шардонъ; но спрашивается: какъ придется поступать, если общаго преобладающаго направленія не найти?—а вѣдь это случается довольно часто. Наконецъ, послѣдняя глава (8-я, стр. 56—59) говоритъ о томъ, въ пользу кого идутъ приращенія. Содержаніе ея гораздо подробнѣе представлено г. Тыжновымъ (въ главѣ, носящей заглавіе: «объ отношеніяхъ между субъектами права естественнаго приращенія», кн. 1, стр. 73—88). Главный вопросъ, который разрѣшается здѣсь, состоитъ въ опредѣленіи отношеній между собственникомъ земли и лицомъ, которое имѣетъ право на чужую вещь—касательно приращенія. Напр. разсматривается, какое право на приращеніе имѣетъ арендаторъ. Г. Юзефовичъ по этому поводу приводитъ 4 различныхъ мнѣнія и, не подвергнувъ ни одного изъ нихъ оцѣнѣ, присоединяется къ мнѣнію Демоломба, также не мотивируя основательности своего взгляда. Въ сочиненіи г. Тыжнова мы и по этому вопросу находимъ болѣе обстоятельныя указанія: онъ защитникъ того мнѣнія, что приращеніе идетъ въ пользу арендатора, но налагаетъ на него обязанность прибавить извѣстную сумму къ арендной платѣ (это мнѣніе, которое у г. Юзефовича приведено третьимъ). Рѣшающимъ значеніемъ въ выставленномъ мнѣніи пользуется ст. 1722 нп. кодекса. Она, какъ извѣстно, предоставляетъ нанимателю, въ случаѣ частичнаго разрушенія нанимаемой вещи, право или нарушить контрактъ или требовать уменьшенія наемной платы. Примѣняя къ этой статьѣ юридическое положеніе *ubi damnum, ibi lucrum*, мы получимъ выводъ, что, въ случаѣ приращенія нанимаемой земли, собственникъ недвижимаго имущества вправе требовать увеличенія наемной платы, за то арендаторъ-наниматель получаетъ право пользоваться приращеніемъ; необходимымъ условіемъ однако такого вывода является значительность приращенія; если же приращеніе незначительно, то, понятно, вопросъ объ увеличеніи платы практически не можетъ возник-

нута, точно также какъ какой бы то ни было споръ о такомъ приращеніи (Зап. наз. унив. I, стр. 86 и 87). Такимъ образомъ г. Тыжновъ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, что и г. Юзефовичъ, но послѣдній, хотя и пользовался сочиненіемъ Шардона, изъ котораго заимствовалъ свои разсужденія первый, однако не считалъ долгомъ привести ихъ. Таковы недоразумѣнія, возбужденныя въ насъ монографіею г. Юзефовича: они указываютъ на довольно поверхностное отношеніе автора къ своему труду; пользуясь сочиненіями лучшихъ французскихъ юристовъ и, главнымъ образомъ, какъ мы уже указали, Шардономъ, онъ по этимъ источникамъ не только не успѣлъ уяснить всѣ вопросы, которые относились къ поставленной имъ себѣ задачѣ. Этому не мало способствовало и туманность слога; укажемъ для примѣра на такія фразы: Pomponius, fr. 30, XII, 1 «признаетъ островъ или часть его собственнику той дачи» (стр. 55, см. еще стр. 174, 37, 22, 12: относительно главнаго признать). «Кодексъ помѣщаетъ *тѣ же животныя*» (стр. 47); «начало, *приманющее* право собственности» (стр. 47), онъ не можетъ требовать исполненія этого права (стр. 58): «хотя бы оно поднялось *надъ обыкновенный свой уровень*» (стр. 16 вн.). Въ заключеніе замѣтимъ однако, что, руководимый французскими юристами, авторъ стремится критически отнестись къ юридическимъ положеніямъ, хотя и не всегда удачно. Вообще же его сочиненіе, представляя нѣкоторыя подробности казуистической разработки права приращенія французскими юристами, подробности, которыхъ нѣтъ въ сочиненіи г. Тыжнова (напр. въ ученіи объ *alluvio*), не можетъ быть признано безполезнымъ за недостаткомъ лучшей обработки вопроса.

II. Г.

Историческій очеркъ тюремной реформы и современных системъ европейскихъ тюремъ. Д. Тальберга. Киевъ, 1875.

Рѣдкій вопросъ имѣетъ болѣе богатую литературу, нежели вопросъ тюремный, которому въ этомъ отношеніи особенно по-счастливилось. Надъ нимъ работало огромное количество иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ, а въ послѣднее время и въ русской литературѣ начало появляться довольно значительное число сочиненій по этой части. Къ нимъ относится и изданное въ 1875 г. изслѣдованіе г. Тальберга: «Историческій очеркъ тюремной реформы и современныхъ системъ европейскихъ тюремъ».

Сколько видно изъ заглавнаго листа этого сочиненія, оно есть не болѣе какъ первая часть изслѣдованія того же автора: «Тюремный вопросъ въ современномъ его состояніи и въ частности о положеніи русскихъ тюремъ», но, тѣмъ не менѣе, оно представляетъ собою довольно законченный и, такъ-сказать, округленный трудъ. Въ авторѣ видно довольно полное знакомство съ литературой тюремнаго вопроса, хотя, впрочемъ, весьма жаль, что онъ совершенно проходитъ молчаніемъ самыя капитальныя труды по этой части англійскихъ и американскихъ пенитенціаристовъ. Въ общемъ сочиненіе г. Тальберга представляетъ довольно талантливую и искусную компиляцію, но, къ сожалѣнію, оно есть не болѣе какъ сводъ извѣстій о чисто внѣшней, наружной сторонѣ иностранныхъ тюремъ. Мы говоримъ, что это сочиненіе есть «не болѣе какъ сводъ извѣстій о тюрьмахъ», потому что мы не замѣтили, чтобы авторъ сдѣлалъ хоть какіе-нибудь выводы изъ того богатаго матеріала, который онъ имѣлъ подъ руками, кромѣ развѣ того, что «всѣ усилія выработать совершенную, единую систему не дали положительныхъ результатовъ, и что при этомъ забывалось много другихъ, несравненно болѣе важныхъ сторонъ тюремной дѣятельности, которыя заслуживаютъ не меньшаго вниманія, и пренебреженіе къ которымъ въ значительной степени вадерживало ходъ и успѣхъ тюремной реформы». Но выводъ этотъ мы не можемъ признавать особенно важнымъ и, вромѣ того, этотъ же самый упрекъ можетъ быть сдѣланъ

и самому автору, который въ своемъ сочиненіи занимается лишь внѣшней исторіей тюремъ, нисколько не касаясь внутренней ихъ жизни и разныхъ подробностей тюремнаго быта. Если тюремное дѣло въ настоящее время даже еще не исполнѣе правильно поставлено, если, читая массу сочиненій по тюремному вопросу, приходится, по большей части, встрѣчать уже давно извѣстное и знакомое, если всѣ эти иногда огромные труды вносятъ съ собою очень не много практическихъ указаній, которыя возможно бы было съ большею или меньшею пользою примѣнить, то причина этого главнымъ образомъ въ томъ, что большинство увлекалось, въ этомъ случаѣ, внѣшностью — системой, разными теплыми надписями, встрѣчающимися на входныхъ дверяхъ той или иной тюрьмы, и полагало, что сказать, напр., что при входѣ въ исправительный домъ св. Михаила въ Римѣ читаешь «*parum est coercere improbos poena, nisi probos efficias disciplina*», значить объяснить и все внутреннее устройство этого заведенія. Тюремный вопросъ, какъ и всякій иной, состоитъ изъ подробностей, и пренебреженіе разработкой этихъ самыхъ подробностей и служить причиной почти совершеннаго невыясненія цѣлаго вопроса. Мы имѣемъ весьма много трудовъ по тюремной системѣ вообще, но очень немногіе пытались разработать ту или иную мѣру тюремнаго содержанія, каковы, напр., тюремная дисциплина, работа, воспитаніе, архитектура и пр., и потому большинство изслѣдователей, задавшись слишкомъ многимъ, по необходимости терялись въ массѣ матеріала и создавали весьма немногое. Такимъ же недостаткомъ, по нашему мнѣнію, страдаетъ и сочиненіе г. Тальберга.

Трудъ его представляетъ, говоримъ мы, историческій очеркъ организаціи иностранныхъ тюремъ и прочихъ мѣстъ заключенія.

«Лишеніе свободы, говоритъ авторъ, можетъ проявляться въ различныхъ модификаціяхъ и бываетъ положительное и отрицательное. Последнее состоитъ въ запрещеніи жить въ извѣстномъ мѣстѣ; этотъ родъ наказанія употребляется очень рѣдко и то только въ отношеніи иностранцевъ, самостоятельное же значеніе оно имѣетъ лишь въ демократическихъ госу-

дарствахъ, какъ, напр., въ швейцарскихъ кантонахъ. Положительное лишеніе свободы можетъ быть: 1) въ обширномъ смыслѣ, напр. ссылка, и 2) въ тѣсномъ смыслѣ, напр. тюремное заключеніе» (стр. 5).

Авторъ касается въ своемъ трудѣ лишь такъ-называемаго имъ положительнаго лишенія свободы и совершенно проходитъ молчаніемъ лишеніе свободы отрицательное; нельзя не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ вопросъ объ изгнаніи имѣетъ довольно обширную литературу и, кромѣ того, историческая разработка его представила бы довольно рельефный очеркъ отношенія государствъ къ преступникамъ и вообще къ преступности.

О ссылкѣ, т.-е. о положительномъ лишеніи свободы въ обширномъ смыслѣ, авторъ говоритъ весьма мало. Ссылка, по словамъ его, въ настоящее время потеряла свой нѣкогда высокій кредитъ. «Въ Англіи и Россіи, гдѣ она существуетъ со временъ царя Алексѣя Михайловича ¹⁾, говоритъ г. Тальбергъ, уже пришли къ заключенію о совершенной ея несостоятельности. Противоположное оказывается во Франціи, гдѣ ссылка недавно только стала практиковаться».

Переходя къ историческому очерку тюремнаго заключенія, авторъ говоритъ, что въ жизни европейской тюрьмы возможно замѣтить три періода: первый характеризуется полнымъ пренебреженіемъ правительства и общества къ заключеннымъ въ тюрьмахъ; второй начинается со времени Говарда, когда дѣятельность частныхъ лицъ и правительствъ относительно тюремъ получаетъ филантропическій характеръ; и наконецъ, въ третьемъ выражается желаніе сдѣлать тюрьму участницею въ общей политической дѣятельности государства, направленной на борьбу съ преступностью. Періодъ этотъ начинается лишь со второй четверти настоящаго столѣтія. О характерѣ тюремнаго заключенія въ древности г. Тальбергъ говоритъ весьма мало и указываетъ

¹⁾ Необходимо замѣтить, что въ Россіи ссылка входитъ въ законъ лишь со времени изданія соборнаго уложенія 1649 г., но въ дѣйствительности она практиковалась уже гораздо ранѣе и примѣры ея встрѣчаются даже во времена Іоанна Грознаго (Историч. акты, I, стр. 66).

лишь на то, что существуют мнѣнія, что уже индусамъ было известно лишеніе свободы «съ примѣненіемъ средствъ исправительныхъ», что неизвѣстно, какое значеніе имѣло заключеніе въ тюрьмѣ у римлянъ, карательное или предупредительное, и что въ средніе вѣка подъ вліяніемъ духовенства оно получаетъ значеніе наказанія съ цѣлью покаянія (стр. 9 и 10).

Обзоръ европейскихъ тюремъ авторъ начинаетъ съ тюремъ англійскихъ и приводитъ извѣстное описаніе ихъ состоянія въ XVIII в., сдѣланное Говардомъ. Положеніе этихъ тюремъ было таково, что «заключенные въ нихъ содержались въ сырыхъ подземельяхъ, полъ которыхъ былъ всегда влаженъ, а иногда бывалъ покрытъ на одинъ, на два фута водой. Запертые въ тюрьмахъ лишались благодѣянія подышать свѣжимъ воздухомъ, вслѣдствіе крайняго недостатка оной; смотрители тюремъ, отдавая часть тюремнаго помѣщенія въ наѣмы, сваливали въ одну кучу прочихъ заключенныхъ» (стр. 11). Мы не передаемъ всѣхъ подробностей, приводимыхъ авторомъ о томъ, какъ жалко было положеніе заключенныхъ, неимѣвшихъ средствъ купить себѣ у смотрителей тюремъ необходимыхъ удобствъ, о томъ, что не всѣ тюремные смотрители получали жалованье отъ правительства, о дурномъ санитарномъ положеніи тюремъ и проч., такъ какъ все это слишкомъ извѣстно и не разъ было описано. Мы не будемъ также повторять и дальнѣйшія указанія автора о прочихъ европейскихъ тюрьмахъ времени Говарда; достаточно сказать, что послѣдній почти повсюду нашелъ праздность, мрачность, неопрятность, тѣсноту, темноту и сырость помѣщенія. Далѣе, г. Тальбергъ дѣлаетъ небольшой историческій очеркъ отношенія общества въ участіи заключенныхъ. Очеркъ этотъ хотя и не великъ, по объему, но, однако, онъ настолько интересенъ, что мы считаемъ необходимымъ сказать по поводу его нѣсколько словъ.

Духовенство и правители первыхъ вѣковъ христіанства свято хранили ученіе Спасителя и неоднократно выражали заботливость о тюрьмахъ, говоритъ авторъ. Во второмъ вѣкѣ діаконамъ и діакониссамъ поручено было посѣщать тюрьмы. Константинъ Великій вмѣнилъ въ обязанность какъ судьямъ,

такъ и духовенству разъ или два въ недѣлю посѣщать тюрьмы и входить въ разсмотрѣніе законныхъ основаній заключенія, Никейскій соборъ, въ 80-мъ своемъ канонѣ, опредѣлялъ устроить специальный институтъ (*procuratores pauperum*), члены котораго обязаны были посѣщать тюрьмы, ходатайствовать объ освобожденіи невинныхъ, снабжать заключенныхъ пищею, одеждою и всѣми мѣрами судебной защиты. Шестой вселенскій соборъ предписалъ архидіаконамъ и священникамъ посѣщать тюрьмы и заботиться о заключенныхъ. Впослѣдствіи католическое духовенство забыло истинный духъ христіанскаго ученія и не только не старалось, во имя религіозныхъ началъ, смягчать положеніе заключеннаго въ тюрьмѣ, а, напротивъ того, учреждаетъ инквизицію и систематизируетъ пытку и другія тѣлесныя наказанія. Это побудило свѣтскую власть взять на себя обязанность заботиться о тюрьмахъ. Въ Генуѣ, въ началѣ XVI вѣка (1506 г.), единовѣрцамъ было предписано посѣщать тюрьмы и заботиться о заключенныхъ. Карлъ V въ Миланѣ учредилъ коллегію попечителей о тюрьмахъ (*Congregatio protectorum carceratorum*), которая съ 1534—1745 г. издала большое число предписаній, предложеній по этой части и пр. Филантропическое отношеніе правительства и общества къ заключеннымъ въ Италіи обратило на себя вниманіе французскихъ королей, и Францискъ I, Генрихъ II, Карлъ IX, Людовикъ XIV принимали многія мѣры для облегченія и улучшенія участи заключенныхъ. То же замѣчается и въ Германіи (стр. 14—18).

Мы опускаемъ указанія автора на дѣятельность Говарда въ Англіи, на положеніе французскихъ тюремъ въ концѣ XVIII вѣка, на дѣятельность Екатерины II и Александра I, какъ на факты довольно извѣстные и не представляющіе особеннаго научнаго интереса. Затѣмъ авторъ обращается къ исторіи американскихъ тюремъ и говоритъ о всѣхъ извѣстныхъ филадельфійской и оборнсовой системахъ.

Далѣе г. Тальбергъ переходитъ къ описанію современной тюремной системы въ Англіи, представляющей слѣдующія степени: 1) смягченное одиночное заключеніе на 9 мѣсяцевъ,

въ продолженіе которыхъ заключенные, знающіе какое-нибудь ремесло, занимаются соответствующимъ занятіемъ, а остальные щиплютъ пеньву; 2) общія каторжныя работы; 3) условное освобожденіе. Въ родѣ этого порядокъ принятъ и въ ирландскихъ тюрьмахъ, гдѣ, впрочемъ, практикуется и заключеніе въ такъ-называемыхъ переходныхъ тюрьмахъ (intermediate prisons), передъ выпускомъ заключенныхъ на свободу.

И въ тѣхъ и въ другихъ тюрьмахъ существуетъ извѣстная система отпѣтокъ. Управление всѣми государственными тюрьмами Англіи и Ирландіи принадлежитъ статсъ-секретарю министерства внутреннихъ дѣлъ, а надзоръ за провинціальными и городскими тюрьмами мѣстнымъ властямъ (33—36).

«На континентѣ Европы Швейцарія, говоритъ авторъ, первая воспользовалась результатами тюремной реформы въ Америкѣ. Въ Женевѣ принята была оборонская система въ нѣсколько смягченномъ видѣ, но въ 1833 г. здѣсь была введена новая система, извѣстная подъ названіемъ женевской или европейской, выработанная Обонелемъ и заключающаяся въ классификаціи заключенныхъ по группамъ. Преобладающая система въ Швейцаріи—общее заключеніе, хотя общественное мнѣніе высказывается въ пользу ирландской системы и осуждаетъ общее заключеніе, какъ наказаніе, несоответствующее идеѣ исправленія. Серьезныя работы по преобразованію французскихъ тюремъ начинаются съ 1830 г. Въ исторіи тюремной реформы во Франціи авторъ замѣчаетъ слѣдующіе два періода. До 1853 г. и правительство, и общественное мнѣніе, и литература высказывались за одиночную систему тюремнаго заключенія. Въ 1853 г. министерскимъ циркуляромъ отъ 14 августа было объявлено, что «правительство отнынѣ отвергаетъ систему одиночнаго заключенія для того, чтобы неуклонно слѣдовать системѣ раздѣленія заключенныхъ на каторгѣ. Причины появленія этого циркуляра не разслѣдованы; нѣкоторые видятъ въ немъ вліяніе высшихъ міра сего на низшихъ, другіе объясняютъ его себѣ экономическими соображеніями.

Нынѣ тюрьмы Франціи имѣютъ слѣдующее дѣленіе: 1) центральныя—для приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ; 2)

нихъ приняты общее заключеніе и молчаніе; 2) арестные дома или департаментскія тюрьмы, изъ которыхъ во многихъ введено одиночное заключеніе; 3) пенитенціарныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ. Вообще тюрьмы Франціи, говоритъ авторъ, находятся сравнительно въ худшемъ состояніи, нежели тюрьмы другихъ европейскихъ государствъ.

Далѣе авторъ дѣлаетъ бѣглый очеркъ положенія тюремъ бельгійскихъ, голландскихъ, австрійскихъ, баденскихъ, саксонскихъ, виртембергскихъ, ганноверскихъ, мекленбургскихъ, брауншвейгскихъ, ольденбургскихъ, датскихъ, шведскихъ, итальянскихъ и др.

Мы не приводимъ подробностей этого очерка. Нами уже было указано въ общихъ чертахъ, что авторъ говоритъ о тюрьмахъ англійскихъ, швейцарскихъ и французскихъ; въ тюрьмахъ прочихъ государствъ онъ относится тоже съ чисто внѣшней стороны, т.-е. ограничивается перечисленіемъ видовъ тюремъ, существующихъ въ той или иной странѣ, указаніемъ, какая система тюремнаго содержанія преобладаетъ и иногда говорить, въ какомъ высшемъ правительственномъ учрежденіи сосредоточены надзоръ за тюрьмами. Мы не видимъ у г. Тальберга подробныхъ описаній строя тѣхъ тюремъ, которыя онъ перечисляетъ; онъ не приводитъ также никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о сравнительномъ превосходствѣ тюремъ того или иного государства. Вообще впечатлѣніе, которое остается послѣ прочтенія его сочиненія, нельзя назвать особенно благоприятнымъ. Правда, видно, что авторъ много трудился, что онъ довольно близко знакомъ съ литературой предмета, но, къ сожалѣнію, онъ выработалъ не болѣе какъ компиляцію, хотя и довольно талантливую, но за которой отнюдь нельзя признать значенія самостоятельнаго труда.

Мы не дѣлаемъ упрека г. Тальбергу; мы нисколько не отрицаемъ огромнаго труда, который онъ употребилъ на это изслѣдованіе, и только сожалѣемъ, что онъ, при несомнѣнныхъ своихъ дарованіяхъ, задался слишкомъ многимъ, почему и выработалъ весьма немногое.

А.

Разграниченіе предѣловъ подсудности уголовной и гражданской на основаніи кассационной практики. (Изданіе министерства юстиціи). Составилъ *Д. В. Лутковъ*. (Членъ тульского окружнаго суда. Спб. 1877 г.).

Книга, составленная г. Лутковымъ, представляетъ собою сводъ практики кассационныхъ департаментовъ сената и можетъ имѣть значеніе только справочной книги, такъ какъ не содержитъ въ себѣ ни оцѣнки, ни обобщенія положеній, установленныхъ этой практикой. Трудъ составителя заключался только въ собраніи и въ расположеніи въ извѣстномъ порядкѣ практическаго матеріала.

Въ подобныхъ справочныхъ книгахъ болѣе чѣмъ гдѣ либо важна точная и опредѣленная постановка вопроса, для того чтобы можно было сразу сообразить, какого рода справку можно сдѣлать въ данной книгѣ, а также и для того, чтобы нецѣлесообразнымъ увеличеніемъ объема книги не затруднять напрасно самый процессъ справокъ. Между тѣмъ вопросъ о разграниченіи предѣловъ подсудности есть именно одинъ изъ тѣхъ вопросовъ формальнаго права, которые такъ близко связаны съ вопросами права матеріальнаго, что для ясной ихъ постановки необходима большая осмотрительность. Если вопросъ о разграниченіи подсудности смѣшать съ вопросомъ о разграниченіи гражданского и уголовного права, то это не можетъ не отозваться на содержаніи книги, затруднивъ удобство дѣланія въ ней справокъ.

«Нѣтъ сомнѣнія, — такъ начинается составитель свое предисловіе, — что для каждой стороны въ дѣлѣ чрезвычайно важно знать достоверно: въ какомъ качествѣ отвѣтчикъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣту на судѣ — въ качествѣ ли тяжущагося, или въ качествѣ обвиняемаго?» Такая постановка вопроса о разграниченіи предѣловъ подсудности должна быть признана не только неудачной, но и положительно невѣрной. Разграниченіе подсудности предполагаетъ уже, что разграниченіе гражданского и уголовного права установлено. Вопросъ идетъ лишь о томъ, каковыя судомъ рѣшаются вопросы гражданского права, когда ихъ рѣшеніемъ обусловлено и рѣшеніе вопросовъ уголовного права — или когда, наоборотъ, гражданскій искъ осно-

ванъ на уголовномъ обвиненіи. Дѣло въ томъ, что вопросы уголовного права рѣшаются всегда уголовнымъ же судомъ: это правило не знаетъ исключеній. Не такъ съ вопросами гражданского права. Въ видахъ практическаго удобства, рѣшеніе вопросовъ гражданского права, въ случаѣ ихъ близкой связи съ вопросами уголовного права также предоставляется при извѣстныхъ условіяхъ уголовному суду. Опредѣленіе этихъ условій и составляетъ всю задачу разграниченія уголовной и гражданской подсудности. На роль же отвѣтника на судѣ тотъ или другой отвѣтъ на вопросъ о подсудности не имѣетъ никакого вліянія. Это легко можно видѣть на любомъ примѣрѣ. Очевидно, что положеніе отвѣтника на судѣ не можетъ измѣниться отъ того, идетъ ли дѣло о движимости или недвижимости. Между тѣмъ подсудность вопросовъ о правѣ на имущество, разрѣшеніемъ которыхъ обусловлено рѣшеніе вопроса уголовного права, мѣняется: если имущество движимое—споръ о правахъ на него рѣшается уголовнымъ судомъ; если недвижимое—гражданскимъ.

Неясное пониманіе авторомъ самаго вопроса о разграниченіи гражданской и уголовной подсудности отразилось на всей его книгѣ. Трудно придумать системы сложнѣе и спутаннѣе той, какую принялъ авторъ.

Бромъ общихъ правилъ (общія правила разграниченія; сдѣлки, требующія письменныхъ актовъ; чѣмъ обуславливается направленіе каждаго дѣла?), книга содержитъ въ себѣ три раздѣла: «непосредственное возбужденіе уголовного преслѣдованія, независимо отъ суда гражданского»; «разсмотрѣніе дѣлъ гражданскимъ судомъ, предшествующее суду уголовному»; «гражданскій искъ о вознагражденіи за вредъ или убытки, причиненные преступнымъ дѣйствіемъ». Не трудно замѣтить, что два первые раздѣла, въ интересахъ и экономіи мѣста и систематичности, должны бы были быть соединены во-едино, такъ какъ содержаніе ихъ вполне соотносительно. Если въ дѣлѣ нѣтъ вопросовъ, требующихъ предварительнаго ихъ разрѣшенія гражданскимъ судомъ, то оно рѣшается уголовнымъ непосредственно, и наоборотъ. Два первые раздѣла дѣлятся въ свою очередь на отдѣлы: первый на шесть, второй на девять. Въ

этомъ подраздѣленіи также незамѣтно особой системы. Такъ, въ первомъ раздѣлѣ отдѣлъ второй озаглавленъ: «возбужденіе дѣлъ о подлогахъ актовъ вообще и векселей въ особенности»; а третій: «частные случаи преступленій, въ которыхъ возбуждается непосредственное обвиненіе предъ гражданскимъ судомъ». Какъ будто подлогъ не есть такой же частный случай.

Но особенно неудачнымъ представляется принятый авторомъ порядокъ группировки кассационныхъ рѣшеній, опредѣляющихъ, въ какихъ случаяхъ должно состояться предварительное рѣшеніе гражданского суда и въ какихъ нѣтъ—по отдѣльнымъ видамъ преступленій. Невозможно придумать какое бы то ни было основаніе для такого порядка, такъ какъ вопросъ о разграниченіи подсудностей рѣшается не по характеру преступленія, а по характеру того вопроса гражданского права, которымъ обусловлено уголовное обвиненіе.

Этотъ порядокъ изложенія, рѣшительно несоотвѣтствующій существу дѣла, приводитъ автора иногда къ измѣненію смысла кассационныхъ рѣшеній. Такъ, въ § 197 (на стр. 49) говорится, будто бы по разъясненію сената «*обманъ страхового общества*» составляетъ такой случай мошенничества, въ которомъ уголовное преслѣдованіе возбуждается непосредственно уголовнымъ судомъ». Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности сенатъ никогда и не думалъ устанавливать такой странной и ничѣмъ необъяснимой привилегіи для страховыхъ обществъ, чтобы обманъ ихъ всегда преслѣдовался непосредственно уголовнымъ судомъ. Въ рѣшеніи, на которомъ основанъ этотъ удивительный §, разъяснено только, что въ случаѣ, если не рѣшеніе уголовного вопроса основывается на рѣшеніи гражданского, а наоборотъ, то дѣло не должно быть передаваемо на предварительное разсмотрѣніе гражданского суда, что понятно само собою. Подобныхъ промаховъ въ книгѣ не одинъ. Такъ, въ §§, которые относятся къ мошенничеству и которые разсмотрѣны мною подробно въ другихъ, говорится въ томъ же смыслѣ и объ обманѣ «при мѣнѣ» (§ 190), «обманѣ рабочаго хозяиномъ» (§ 195).

Благодаря тому же порядку размѣщенія матеріала, въ книгѣ

остались вовсе не разграниченными такіе случаи, въ которыхъ хотя и имѣется споръ о гражданскомъ правѣ, но онъ можетъ быть разрѣшенъ самимъ же уголовнымъ судомъ, — отъ такихъ, гдѣ никакого спора о гражданскомъ правѣ и не имѣется.

Въ ст. 27 уст. уголовного судопроизводства говорится, между прочимъ, что если опредѣленіе преступности дѣянія занисить отъ опредѣленія правъ состоянія, то преслѣдованіе уголовнымъ судомъ приостанавливается до разрѣшенія спорнаго предмета судомъ гражданскимъ. Между тѣмъ, во всей книгѣ г. Луткова, нѣтъ ни одного отдѣла или подотдѣла, посвященнаго случаямъ, предусмотрѣннымъ этимъ постановленіемъ закона. Можно бы было подумать, что въ кассационной практикѣ не представлялось вовсе случая разъяснять примѣненіе этого постановленія. Но въ дѣйствительности такой случай встрѣтился въ кассационной практикѣ въ 1868 г. по дѣлу мѣщанки Юдиной (№ 38). И тезисъ, извлеченный изъ этого рѣшенія, имѣется въ книгѣ г. Луткова. Но помѣщенъ онъ въ третьемъ отдѣлѣ перваго раздѣла подъ рубрикой «оскорбленіе чести» (№ 11, § 385). Найти его въ такомъ мѣстѣ можетъ, конечно, только тотъ, кто знаетъ и о существованіи этого рѣшенія, и помнитъ, по поводу какаго именно уголовного обвиненія оно состоялось, т.-е. когда нѣтъ рѣшительно никакой надобности справляться съ книгой г. Луткова.

Нѣкоторыя заголовки довольно непонятны напр., «кто является, *иногда*, отвѣтчикомъ за вредъ и убытки», или: «случай, въ которыхъ свойство дѣянія зависитъ отъ разрѣшенія спора о правѣ собственности по договору или обязательству». Для человека, сколько-нибудь освоившагося съ терминами гражданского права, такое выраженіе, какъ право собственности по обязательству, представляется крайне страннымъ. Въ тезисахъ же, помѣщенныхъ подъ такой рубрикой, говорится о требованіи уплаты за проданную вещь и т. п. Въ заключеніе укажемъ, что въ книгѣ есть отдѣлы, не совсѣмъ идущіе къ ея задачѣ. Таковъ весь первый отдѣлъ перваго раздѣла «законные поводы къ возбужденію уголовного преслѣдованія». Можно указать и отдѣльные тезисы, совершенно неумѣстные. Такъ, разъ-

ясненіе того, кому принадлежит право винять обвиненнаго въ самоуправствѣ (§ 397), не имѣетъ прямого отношенія къ вопросу о разграниченіи подсудности. Тоже самое должно сказать и о § 728: «долгъ кому-либо, образовавшійся до осужденія его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, переходитъ въ собственность наследниковъ», — и во всякомъ случаѣ странно, что этотъ тезисъ помѣщенъ подъ рубрикой: «дѣла, заключающія въ себѣ споръ о правѣ собственности на имущество», когда онъ относится къ преемству обязательственныхъ правъ. Еще непонятнѣе помѣщеніе такого тезиса: «общія понятія о договорахъ изложены въ 1528 — 1535 т. X ч. 1» (§ 436).

Вслѣдствіе оказавшихся неисправностей въ доставкѣ журнала гг. иногороднымъ подписчикамъ, редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе на нижеслѣдующія правила:

1) О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала, причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправления журнала и съ какого номера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣч. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, высылается 70 к., а при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ 1 р. 50 к.

2) Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается прямо въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы, редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

3) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ и подписныя суммы которыхъ часто передаются въ редакцію не своевременно. Въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться съ жалобами въ то мѣсто, гдѣ они подписались.

4) Отвѣты на всякаго рода запросы гг. подписчиковъ редакція при знаетъ для себя обязательными только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

~~~~~
E. M. P. S.
5/10/05

Объ изданіи въ 1877 году

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить по прежнему шесть разъ въ годъ книжкамъ около 20 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . . . . 8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . . . . 8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города . . . . . 9 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія:

съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . . . . 13 р.
съ пересылкой въ другіе города . . . . . 13 р. 50 к.

РѢШЕНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА рассылаются немедленно по выходѣ отдѣльныхъ листовъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, въ С.-Петербургѣ рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой, а въ Москвѣ—на Никольской улицѣ.

Гл. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, въ С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 2 линія, домъ № 7.

Подписчики на 1877 г., желающіе получить остающіеся экземпляры журнала за прежніе годы, пользуются слѣдующею уступкою: „Журн. Гражд. и Торг. Пр.“ за 1871 г. 3 р. 50 к. вмѣсто 5 р. 50 к., а за 1872 г. 6 р. 80 к. вмѣсто 8 р. 20 к.; „Журн. Гражд. и Угол. Права“ за 1873, 1874, 1875 гг. по 7 р. вмѣсто 9 р., и за всѣ 5 лѣтъ—25 р. вмѣсто 38 р. 70 к.

Редакторы издатели: **А. Книримъ.**
Н. Таганцевъ.

